

Александр Нетылев

Сердце бури. Книга 3

*Свет погасших
отражений*

Когда гаснут путеводные звезды, дорога приводит во мрак. Чужие земли, где чудовище подаст руку, а родной брат обратит против тебя клинок. Короли, что становятся рабами, и рабы, что становятся королями. Разрушительная война, где проигрывает каждый — тем, что вообще позволил ей начаться.

Когда исчезает лживый свет, что был твоей путеводной звездой, мир погружается во тьму. И единственным светом, на который ты можешь рассчитывать, станет свет в тебе самом.

Тогда и станет ясно, чего ты стоишь.

Свет погасших отражений

Пролог. Чужеземец

— В укрытие! Надвигается буря!

В этой части Черного Континента песчаные бури были невероятно опасны. За то время, что Вотан жил в племени, он успел запомнить, что местная природа не терпит пренебрежительного к себе отношения. Смахивала она местами на нестабильный изотоп природы более гостеприимных краев.

Поселение ансарров, где он жил в последнее время, было выстроено вокруг небольшого оазиса в северной пустыне. Большую часть времени они проживали в шатрах из выкрашенной в черный цвет козьей шерсти — память о кочевом прошлом. Но в преддверие песчаной бури все племя стремилось спрятаться в небольшой землянке в центре поселения. Там было тесновато, зато безопасно.

Именно туда направился Вотан, ведя за собой Нагму, чью ногу как раз лечил, когда объявили о буре. Сам он никогда не считал себя хорошим врачом; тем не менее, по меркам ансарров его знания были совсем неплохи, и старый знахарь Яруб охотно взял его в ученики. Восторг по этому поводу Вотан не испытывал, но и против ничего не имел. Хотя сам куда больше гордился спроектированной для местных системой орошения, позволяющей им в дальней перспективе наладить полноценное сельское хозяйство.

Это было меньшее, что он мог сделать в благодарность людям, приютившим его, когда он потерял все.

— Скорее, скорее!

Джамиль подгонял жителей, но по большому счету, этого не требовалось. Ансарры уходили в укрытие спокойно и организовано, без каких-либо следов бессмысленной паники. Несмотря на всю опасность песчаной бури, для них это было привычно.

Они привыкли, что кто-то из них может погибнуть.

— Хватит копать, Чужеземец!

Джамиль никогда не называл его Вотаном. Да и сам он уже жалел, что когда-то назвался этим именем. Просто при взгляде после лечения на свое отражение в местной воде это было первое, что пришло ему в голову. Наверное, потратив немного времени на раздумья, чужеземец мог придумать что-нибудь... поскромнее. А теперь поздно. Большинство ансарров привыкли звать его Вотаном. Незнакомые с преданиями мифического Севера, они понятия не имели, что значит это имя.

И почему каждый раз, слыша это, одноглазый ученик знахаря горько посмеивался над самим собой.

Тем временем тяжелая кожаная занавесь надежно отгородила укрытие от внешнего мира. По ту сторону буря уже начинала яриться. Изнутри не было видно, что там происходит, но Вотан обладал достаточно богатым воображением, чтобы не захотеть это проверить.

— Переключка! — крикнул Джамиль, — Абу!

— Здесь!

— Нагма!

— Здесь!

— Ямир...

Всего он выкрикивал сорок шесть имен — именно столько человек жило в поселении. И

лишь на последнее отклика не последовало.

— Тураб!

Молчание.

— Тураб!

Нет ответа.

— Он не успел, — констатировал мудрый Яруб, — Да пребудет душа его в вечном блаженстве.

Буря продолжалась еще несколько часов. И большую часть этого времени в укрытии царило мрачное молчание. Ансарры привыкли, что кто-то из них может погибнуть. Но Вотан так и не мог принять этого. Ему казалось, что допустив это, он подвел доверие людей, которым был обязан всем.

— Не кори себя, — обратился к нему знахарь, — У тебя свой путь, у Тураба свой. Его путь закончился сегодня.

Вотан помотал головой:

— Я мог спасти его, Яруб. Я — мог.

Чуть помолчав, он неохотно добавил:

— По крайней мере, до тех пор, пока не лишился дара к чародейству.

— Только боги могут решать, кому жить, а кому умирать, — мягко ответил старик.

И вздрогнул, уловив огонек безумия во взгляде единственного глаза.

— Значит, я должен был быть богом.

Глава 1. Стрела на тетиве

Отряд, сидевший в засаде, не издавал ни звука — до поры. Нельзя было выдать себя. Нельзя было лишиться тех преимуществ, что давали им ночной мрак и горная высота: стоило охране обнаружить их, и численное и техническое превосходство сделали бы свое дело. Поэтому Тэрл отсчитывал время до атаки, всего лишь демонстрируя Лане и Элиасу руку с выставленными пальцами.

Пять.

Лана все еще не видела конвой. Но отблеск света от факелов сопровождавших экипаж солдат уже попадал в ее поле зрения.

Добыча приближалась.

Четыре.

Карете пришлось сбросить скорость на серпантине: даже легионеры, способные идти сутками напролет, не уставая, не смогли бы провести ее ночью по горной тропе на полной скорости и при этом не рисковать, что драгоценный груз обрушится в пропасть.

Что именно это был за груз, повстанцы не знали. Разведке так и не удалось раздобыть сколько-нибудь надежные сведения. Но совершенно точно это было что-то, ради чего Ильмадика отправила в Пиерию одного из своих адептов, а также аж десять бойцов Железного Легиона.

Три.

Сперва Лейла предполагала перехватить конвой на территории Иллирии. Но после общего обсуждения было решено, что для этого еще рано. Несомненно, Ильмадика ожидает, что Иллирия скоро восстанет. Но к тому времени, как это случится, им нужно перевести на свою сторону как можно больше иллирийских феодалов. Сейчас большинство из них сомневались. До них доходили сведения о том, что Амброус сотворил с их любимой маркизой (Лейла до сих пор звалась именно так, тем самым отрицая ту коронацию, что прошла за период промывания мозгов). Но пока они не видели ее воочию, все, что у них было — это слово эжени против слова короля.

Два.

Шелохнулись кусты слева, — это Элиас отправился готовить свою ловушку. Почти... Почти рядом...

Прикрыв глаза, чародейка приказала себе успокоиться, но руки все равно тряслись. Адепты Ильмадики не вселяли в нее такого ужаса, как покойный Мустафа; в какой-то степени Лана даже испытывала к ним жалость. Но крайне глупа была бы она, если бы считала, что это делает их менее опасными. Что уж говорить о легионерах — натуральных машинах смерти, сделанных Амброусом из людей с помощью самого чудовищного колдовства, что Лана когда-либо видела в своей жизни?

Один.

Вот теперь она увидела экипаж — скорее даже карету. Длинную, крытую, лишь чуть-чуть не дотягивавшую размером до звания дилижанса. При таком освещении сложно было разобрать конкретный цвет; кажется, это было что-то темное, но не черное, — возможно, серое, синее или фиолетовое.

Запряжена карета была четверкой белых лошадей. Адепта видно не было, лишь четверо легионеров в белых мундирах и золотистой броне — двое на козлах, двое на задней

ступеньке. Еще шестеро сопровождали карету верхом; при этом двое ехали спереди, освещая дорогу факелами, остальные же глотали пыль позади.

Тэрл подал условный знак. Пора.

Сосредоточившись на внутреннем свете своей души, на своем желании развеять тот удушливый мрак обмана, в который Владычица погрузила Идаволл, Лана выпустила энергию заклинания в виде яркой, ослепляющей вспышки. Даже сквозь плотно зажмуренные веки глаза отозвались болью, — что уж говорить о реакции не ожидавших того легионеров?

В полном соответствии с планом Тэрл и четверо его солдат вступили в игру сразу после нее. Загрохотали винтовки Дозакатных, скашивая всадников арьергарда. К чести легионеров (или скорее Амброуса, гонявшего их в хвост и в гриву, пользуясь их безмолвной покорностью), они сориентировались быстро: потеряв всего трех человек, идаволльцы открыли ответный огонь.

Повстанцам пришлось залечь за камнями, — благо, участок дороги намеренно выбирали так, чтобы мест для укрытия хватало. Легионеры разделились: спешившись, арьергард полез вверх, в гору, тогда как те, что сидели на козлах, погнали коней вперед. Что бы ни вез этот конвой, это было достаточно важно, чтобы бросить охрану ради минимизации риска.

Вот только повстанцы были к этому готовы, и тут в игру вступал Элиас. Ученый заранее облил дорогу впереди каким-то легковоспламеняющимся составом. Все, что оставалось — это поджечь его в тщательно рассчитанный момент: не слишком поздно, чтобы пламя успело разгореться, и не слишком рано, чтобы не выдать засаду раньше времени.

Преградившая дорогу стена пламени заставила карету остановиться, но солдатам сейчас было не до того. В тот момент, когда легионеры полезли в гору, они рискнули высунуться и снова обстрелять их. Даже Лана со своим луком присоединилась к ним. Скольких им удалось убить, она толком не видела: всего пару секунд спустя шквальный огонь заставил их снова укрыться за камнями.

— Остались двое, — сообщил Тэрл, — Не высовывайтесь.

Он бросил в наступавших нечто похожее на гранату, но это был лишь отвлекающий маневр: она даже не взорвалась. Молниеносно поднявшись из укрытия, гвардеец сделал один прицельный выстрел. И тут же укрылся снова, когда кинувшиеся было врассыпную противники продолжили пальбу.

— Трое, — поправился он, — И плюс адепт. Ваш выход, эжени.

Лана кивнула и запела. Заклинание магического щита, когда-то освоенное ею по настоянию учителя, за последние месяцы отточилось до уровня рефлекса. Укрытие повстанцев накрыла прозрачная полусфера, отражавшая как пули из винтовок, так и молнии адепта.

Вот теперь из-за камней можно было выглянуть. Все еще вздрагивая от грохота выстрелов, чародейка смогла рассмотреть трех подступавших широкой цепью легионеров и прятавшегося за их спинами адепта — невысокого, плотного и улыбчивого мужчину лет тридцати с короткими рыжевато-пепельными волосами, одетого в черно-красную бархатную мантию с меховым воротником и очки-половинки в золотой оправе.

Звали его, по данным разведки, Эйдар Шнирке. Сам себя он предпочитал величать «доктором Шнирке», хотя официального права на это не имел: Университет некогда воспринял с недоумением и насмешками его «феноменальную» и «прорывную» концепцию «афедронной энергетики» (и в этих насмешках попросту потонули робкие голоса тех, кто

считал, что полуграмотный деревенский мужик просто не смог верно написать слово «адронный»). Именно такие, разобиженные и чувствующие себя недооцененными, и составляли костяк Ордена Ильмадики. Владычица с легкостью находила их — и убеждала, что только она даст им то признание, в котором они так нуждаются.

Но даже среди них были такие, как Амброус и Килиан, — сильные, но надломленные, — а были такие, как Шнирке или Вальдемар, слабые люди, желавшие лишь отыграться на других за свои обиды.

Поток молний прекратился, — энергия, набранная магом перед тем, как вылезти из кареты, иссякла. Приближался и момент, когда легионерам придется перезаряжать оружие, но к их чести, они учитывали это. Каждый стрелок работал в собственном темпе, так что на перезарядку они ушли бы в разное время, и огонь не прекратился бы ни на секунду.

К счастью, и эту проблему план предусматривал. Оставшийся вне зоны видимости врагов Элиас все это время незаметно подползал к карете. За плечом ученого висела ручная мортирка — механическое устройство для метания гранат на расстояние. Элиас не был лучшим стрелком повстанческого движения; на общем плане он едва ли дотягивал даже до среднего. Но сейчас особая точность была не нужна.

Граната с подожженным фитилем упала под ноги одному из тех легионеров, кто еще продолжал стрелять.

— Врассыпную! — взвизгнул Шнирке.

Тот солдат, что стоял ближе всех к гранате, исполнил приказ буквально. На секунду Лана даже ужаснулась, что ей на ум пришла столь циничная шутка. А еще — что она не чувствует ни капли отвращения, глядя на разлетающиеся человеческие ошметки.

Лишь на секунду. А затем вернулась пустота.

— В атаку!

По команде Тэрла чародейка убрала щит. И сразу три очереди пуль ударили в одного из легионеров, отправляя его в кратковременный полет вниз по склону горы. Присоединилась к атаке и сама Лана: ее стрелы были малополезны против мощной золотистой брони Железного Легиона, но зато они прекрасно подходили, чтобы не позволить адепту получить энергию из нити с золотыми шариками, которую он уже достал из кармана.

Стрела угодила ему прямо в горло, и снова лишь на мгновение Лана задумалась, в какой момент она обнаружила, что убивать — легко.

Винтовка Тэрла издала щелчок пустого патронника, и воин не стал перезаряжать ее. На ходу выхватывая меч, он бросился к последнему оставшемуся противнику. Тот тоже прекратил попытки перезарядиться под огнем, вместо этого поднимая собственный клинок.

Звон стали. Высекаемые искры. Сверхъестественная выносливость королевского раба против опыта закаленного в боях воина.

Опыт победил.

— Обыщите карету! — распорядился Тэрл, — Быстрее!

Сам он без малейшей брезгливости, деловито стал обыскивать убитого адепта. И даже золотые «бусики» прикарманил, хоть они и вызывали у Ланы самые омерзительные подозрения. Бисексуальность Шнирке была хорошо известна, а уж после «афедронной энергии»...

Лана же, вместе с Элиасом, полезла в экипаж.

— Что мы ищем? — осведомился ученый.

— Что-нибудь... странное, — ответила чародейка, досадуя на глупость вопроса.

Как будто она знала больше, чем он!

Откинув сиденье пассажира, девушка обнаружила кошелек с деньгами и небольшой ларец с драгоценностями.

«Вот ты и окончательно превратилась в разбойницу», — невесело подумала она, но все же прихватила добычу. Не в том они положении, чтобы играть в брезгливость.

— Думаю, это то, что нам нужно! — сообщил Элиас в этот момент.

Отодвинув фальшпанель в стене, ученый достал... что-то. Больше всего оно напоминало металлическую коробочку с ладонь размером, внутри которой скрывался некий узор, больше всего напоминающий карту. Но это не была карта, скорее... какая-то структура? Узор, руническая вязь? Ничего из этого. Тогда что же?

— Ты знаешь, что это? — осведомилась чародейка.

— Что-то странное, — пожал плечами ученый.

Под суровым взглядом девушки он добавил:

— Я действительно не знаю. Но это точно Дозакатные технологии. Какое-то устройство или машина.

— Как бы то ни было, времени у нас нет, — напомнил подошедший Тэрл, — Берем лошадей и убираемся отсюда.

Его солдаты к тому времени успели собрать трофейное оружие. Элиас, прежде чем уходить, оставил на теле убитого адепта свиток с «манифестом Сопротивления» — перечислением преступлений покойного (унижения простонародья, изнасилования как женщин, так и мужчин, сожжение публичной библиотеки вместе с книгами и персоналом) и обещанием, что культу Владычицы Ильмадики скоро настанет конец. Это был уже третий адепт, на теле которого ученый оставил такой манифест (список подбирался каждый раз индивидуально), но к сожалению, это была во многом лотерея. Если тело найдет кто-то из верных слуг короля, то просто сожжет свиток, даже не обнаружив. Если кто-то не умеющий читать... Тоже, очевидно, никакого проку. Тем не менее, Лейла высоко ценила такие манифесты, надеясь, что они дадут Сопротивлению козырь в информационной войне, и по ее просьбе Фирс дублировал эту информацию, разнося слухи через завсегдатаев таверн. Время от времени это приносило результат, и повстанцы становились не «подлыми предателями нашего любимого короля», а «борцами с произволом Новой Знати».

Даже такой успех был очень важен, учитывая, что война складывалась совсем не в их пользу. После разгрома в Миссене над телом лидера повстанцев было устроено отвратительное судилище. Арно Делауну публично задавали вопросы, на которые он не мог ответить, потому что был мертв. За каждый «отказ от ответа» труп бичевали кнутом. По итогу он был признан виновным в том, что в слепой жажде власти предал своего Бога и своего короля. За это палач отрубил ему руки и бросил тело в сточную канаву. Адепты, похоже, ждали, что повстанцы захотят перезахоронить своего предводителя по-человечески, и ради этого их агент выдаст себя.

Они этого не сделали.

В Альбане беглецов из Миссены приняли неохотно, но тем не менее, местный князь согласился укрыть их. Он понимал, куда ветер дует, и знал, что Королевство Идаволл представляет для него угрозу, с которой нельзя бороться в одиночку.

А между тем, королевство продолжало наращивать свое влияние. Огнем и мечом усмирив Миссену, Амброус сосредоточился на присоединении северных регионов. Официально в его руках оставалась и Иллирия, но Первый Адепт не питал иллюзий по

поводу ее верности: слишком много вопросов вызывало у иллирийцев то, что их Герцогиня показала на глаза лишь раз с момента вступления в брак. Амброус не знал, что Сопротивление потихоньку налаживает связь с местным дворянством благодаря магии Ланы, но наверняка подозревал нечто подобное.

По крайней мере, необходимость держать войска и в Иллирии, и в Миссене, да еще и воевать на севере, не позволяла Амброусу выделить солдат для зачистки остатков Сопротивления в Альбане. Поэтому обе стороны ограничивались тем, что вели шпионскую игру и наносили быстрые, осторожные удары малыми силами. Повстанцы распространяли слухи о настоящей судьбе Лейлы и о роли Амброуса в смерти Леандра; грабили склады и мастерские; срывали поставки оружия и продовольствия в расположение армий; несколько раз убивали адептов, — правда, лишь слабейших, тех, от кого и сама Ильмадика вряд ли ждала чего-то выдающегося.

В свою очередь, слуги короля выпускали высмеивающие бунтовщиков памфлеты, устраивали налеты на приграничные деревни, подкармливали Тварей, а однажды пытались отравить колодец в альбанской столице (звавшейся, как и само княжество, Альбана).

Обе стороны готовились и копили силы. Численность Железного Легиона увеличивалась с каждым днем, и новые войска собирались у альбанской границы. Неуклонно приближался день, когда иллирийская знать будет готова начать полномасштабное восстание. Кто успеет раньше? Лана не знала этого. Но каждую ночь молила Мир, чтобы первыми успели они.

Лучшие альбанские следопыты провели отряд в обход кордонов Идаволла. Они не спрашивали, что им удалось найти, за чем ездил адепт. Да и не положено им было об этом знать.

Ведь доверять нельзя никому.

Въехав в крепость Альбаны и отдав приказ позаботиться как о своих лошадях, так и о трофейных, Тэрл, Лана и Элиас направились в башню маркизы. Лейла практически не показывалась на людях, разумно опасаясь убийц, но там, в удаленной башне, она усердно постигала науку информационной войны.

Пройдя через два караульных поста, троица оказалась, наконец, перед дверью в ее покои.

— Проходите, — послышался голос Лейлы.

Насколько старше она выглядела в последние месяцы! Хотя маркиза едва преодолела двадцатилетний рубеж, на вид ей сложно было дать меньше сорока. Роскошные светлые кудри казались тусклыми и выцветшими. Под глазами залегли глубокие тени, лицо «украсили» ранние морщины тревог и забот. А главное — не было той по-детски восторженной улыбки, к какой привыкла Лана. Того возвышенно-романтического взгляда, который когда вдохновлял, а когда и раздражал.

Сказочной принцессы больше не существовало. Была королева, несшая на своих хрупких плечах груз власти и груз ответственности.

— Вы нашли то, что вез адепт? — сходу спросила Лейла, жестом указывая садиться.

Выделенные ей покои были достаточно комфортны, но казались излишне мрачными. Тяжелые, серые шторы, через которые не проникал солнечный свет. Плотный коричневый ковер из медвежьей шкуры, под которым скрывался потайной лаз. Угловатая, дубовая кровать, смахивавшая на переделанный военный форт, круглый стол с одинокой свечой и тяжелые стулья, которые Лана едва могла сдвинуть с места.

— Нашили, — подтвердил Тэрл, присаживаясь, — Но мы не знаем, что это и что с этим делать.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы это выяснить? — маркиза перевела вопросительный взгляд на Элиаса.

Ученый, однако, покачал головой:

— Увы, миледи, представления не имею. Будь у меня доступ к библиотеке Университета, справился бы за несколько дней. А так...

— Значит, мы не успеем, — сделала вывод Лейла, — Взгляните.

Элиас принял из ее рук свиток с донесением от агента в западном регионе.

— Читайте вслух.

— Донесение от агента Н, Стерейя. Накануне в графство прибыл представитель Ордена. От имени Владычицы он провел расследование по доносу, в соответствии с которым граф Ворден Карстмеер являлся ставленником предателя Килиана Реммена, повинного в дискредитации Ордена, угнетении населения, массовых казнях и магическом подчинении множества людей, включая дворян...

Лана содрогнулась от негодования. Хотя Килиан и был изобретателем технологии, с помощью которой слуги Ильмадики промывали мозги пленным. Однако сам он пользовался ею очень ограниченно и лишь по необходимости. Он вообще отличался от своих единоверцев честью и принципами. Теми самыми честью и принципами, которые в итоге и стали несовместимыми со служением Владычице.

Но Ильмадика не была бы собой, если бы не обратила его мятеж в свою пользу. Расстрелянный по её приказу, Килиан стал для Ордена универсальным козлом отпущения. Что бы ни сделал порочащего любой из адептов, как-то незаметно оказывалось, что за этим стоял Килиан. Владычица лишь беспомощно разводила руками: не знала она, не ведала, какую змею на руках пригрела. Она жертва, а он — полное чудовище, лично казнившее не менее миллиарда человек в стране с трехсоттысячным населением.

— ...по итогам разбирательства, — продолжал тем временем Элиас, — Виновность графа была подтверждена. Ворден Карстмеер был обезглавлен, а власть над Стерейей передана в руки его дочери Селесты. Которая, в свою очередь, была насильно выдана замуж за сэра Маврона Карно, адепта Ордена, и по некоторым признакам подверглась магическому подчинению.

— Я очень рассчитывала на Карстмеера, — пояснила Лейла, — Он сомневался и в войне с Альбаной, и в казни Реммена. Возможно, нам удалось бы если и не привлечь его на свою сторону, то по крайней мере убедить остаться в стороне. Теперь у нас под боком новый противник, которого Амброус непременно использует для удара по нам.

— Иными словами, нам нужно готовиться к вторжению из Стерейи, — сделал вывод Тэрл.

— Это так, — согласилась Лейла, — Но помимо этого, я хотела бы, чтобы вы спасли Селесту. Ведь это возможно?

Она вопросительно уставилась на Лану.

— Ведь меня ты спасла.

— Я могу попытаться, — ответила чародейка, — Я знаю, как это делать, но никогда не пробовала на ком-то менее близком мне. Не знаю, получится ли без подпитки моими дружескими чувствами. Я предлагаю сперва захватить кого-нибудь из легионеров и опробовать методику на нем.

Маркиза задумалась на несколько секунд, после чего кивнула:

— Хорошо. Попробуем. Тэрл, эта задача возлагается на вас с Корбейном.

Гвардеец поклонился:

— Будет исполнено. Но у меня другой вопрос. Люди Фирса смогут организовать похищение?..

Лейла покачала головой:

— После вашей попытки выкрасть ее Реммен с Карстмеером перетряхнули систему охраны и провели кадровые чистки. В замке у нас не осталось агентов, и потайные ходы были засыпаны. Вам придется позаботиться о том, чтобы она не погибла во время открытого нападения.

— Я думаю, отряд налетчиков можно будет провести в Стерейю в обход кордонов, когда основные силы Карно выступят в атаку, — предложил Тэрл.

— Хорошо. Подготовьте все, чтобы это можно было сделать быстро. Лана, что по поводу твоего проекта?

— Старшие маги одобрили мою идею, — ответила чародейка, — Думаю, еще пара дней на подготовку, и можно будет провести первые испытания.

— Займись этим в приоритете, — приказала Лейла, — Элиас, помоги ей в этом. Тэрл, выдели Лане нескольких людей в сопровождение. Сам тем временем занимайся захватом легионера.

— Будет исполнено, — кивнули ученый и воин.

Ильмадика больше не пользовалась титулом «Владычица». Это слово было непоправимо изгваздано той репутацией, что создали ей эти олухи, Лефевр и остальные. Те, кто поднимался вместе с ней, кто вместе с ней строил мир, — но кто понятия не имел, что с этим миром делать. Без них она не поднялась бы. Но потом они стали обузой, и ей пришлось решить проблему.

Это был главный урок, что преподала ей жизнь. Не привязывайся ни к кому. Тебя все равно подведут. Если ты не предашь их первой.

Кроме того, зваться Божественной Госпожой ей нравилось гораздо больше. Она уже не была одной из Владык. Она была единственной. Неповторимой. Вечной.

Незаменимой.

В данный момент Божественная Госпожа Ильмадика, полностью обнаженная, лежала в своих покоях и наслаждалась расслабляющим массажем. В роли массажиста, естественно, выступал один из младших адептов: тем, кто не принадлежал к Ордену, не позволялось прикасаться к её телу. Да и он буквально млел от счастья и восторга, сознавая, насколько высокая честь ему оказана. Каждый вздох удовольствия с ее стороны эхом отдавался в его теле и душе.

Бедолага. Чего он не знал, так это того, что уже взвешен и измерен. Потенциал его был удручающе низок. Неделя, может, месяц, — и от него придется избавиться. Что ж. До той поры он заслужил несколько минут наивысшего счастья.

Того счастья, что ощущает каждый из адептов, понимая, что Владычица счастлива благодаря ему.

— Госпожа...

Посторонних в её покои не пускали без доклада. Но разумеется, страже не пришло бы в голову остановить своего короля. Поэтому Амброус стремительно вошел и, убедившись, что

дверь за ним закрылась, склонился в подобострастном поклоне.

Выглядел он неважно. То есть, для кого-либо из подданных он был так же безупречен, как и обычно. Но дьявол скрывался в мелочах, и Ильмадика эти мелочи прекрасно умела подмечать. Лихорадочный блеск в глубине голубых глаз, сводивших с ума любую женщину, кроме той, в которой он нуждался больше всего. Сменивший аккуратные светлые локоны практичный «хвост»: в последнее время королю не доставало терпения тратить столько времени, как прежде, на создание прически. Легкая асимметрия в вороте изумительного серебристо-жемчужного камзола. Чуть более громкий, чем обычно, лязг сдвинутой в сторону шпаги. Повышение температуры тела, — незначительное, на треть градуса, — но Владычице этого было достаточно, чтобы понимать, что королю Амброусу, первому своего имени, дни после казни его брата давались весьма тяжело. Очень похоже, что скоро ей придется выбирать нового Первого Адепта. Жаль, что среди оставшихся не было подходящих кандидатов. Возможно, стоило на досуге заняться поиском новых достойных мужчин в Орден.

— Тебе не требуется так низко кланяться, Амброус, — тепло улыбнулась Ильмадика, — Я никогда не потребовала бы этого от того, кто спас меня из заточения. Здравствуй, мой король.

Первый Адепт распрямылся, вдохновленный. От массажиста же богиня ощутила слабый отголосок ревности. Отлично. Теперь сильнее вкладываться в служение ей будут оба.

— У меня дурные вести, моя Госпожа, — сказал Амброус, — Шнирке подвел нас. Я пока не знаю подробностей. Но знаю, что его карета была перехвачена на серпантине, а сам он убит. Его груз попал в лапы мятежников.

Против своей воли Владычица ощутила иррациональный страх. Все ее тело напряглось, в какие-то доли мгновений она была готова отдать приказ направить все силы на то, чтобы вернуть пропажу.

Под умелыми руками ее адепта мышцы вновь расслабились. Нет. Нельзя следовать эмоциям. Нужно контролировать ситуацию. Этот ход был за мятежниками, но она все еще была богиней, и все еще была непобедима.

«Ты не Бог, ты паразит».

Заткнись!

— Мне страшно, Амброус, — пожаловалась Ильмадика.

Это не было слабостью. В том и была ее главная сила, что каждый из ее адептов чувствовал то, чего она от него хотела. В данном случае — стремление помочь ей.

— Мне страшно. Ты ведь защитишь меня... Мой король?

— Я сделаю все, что потребуется, — пылко заверил мужчина, и его глаза блеснули, как будто внутренним светом, — Что я должен делать? Если хочешь, я сейчас же соберу войска и устремлюсь в погоню.

Богиня прикрыла глаза и едва заметно покачала головой:

— Не нужно. Ничего не выйдет. Повстанцев нельзя недооценивать. Кроме того... Они все равно не смогут воспользоваться своей добычей.

— Если бы я знал, что это... — начал было Амброус, но Ильмадика продолжила, как будто он ничего не говорил:

— Не смогут, если мы сами не дадим им такой возможности. Мобилизуй Легион и тайную стражу, позаботься о том, чтобы взять под контроль Братство Теней. Мне нужно, чтобы ты любой ценой защищал дворец. Ни вражеская армия, ни лазутчики не должны

проникнуть в Убежище. Защитишь Убежище — защитишь меня. А если не сможешь защитить... Тогда уничтожь его.

— Будет исполнено, Госпожа, — поклонился король.

— Что по поводу логова мятежников? — спросила богиня, — По поводу Альбаны?

— Дело застопорилось, — покачал головой он, — Мы не можем пробиться туда. Они не могут выйти за ее пределы. Госпожа. Дайте дозволение замирить Иллирию. Тогда мы сможем освободить силы.

«Замирить» в понимании Амброуса означало «подчинить магией ключевые фигуры и запугать массовыми казнями и репрессиями остальных». Немного раньше Ильмадика дала бы свое благословение. Запуганный народ помнит свое место. Но теперь в её Ордене образовалась серьезная проблема с кадрами. До того, как они восполнят ряды, казни стоит померить.

Однако говорить этого Амброусу нельзя. Он был далеко не глуп. И мог догадаться, что это значит лично для него.

Все-таки даже своей смертью Килиан успел напакостить.

— Иллирия будет любить меня, — ответила Ильмадика, — Рано или поздно. Любить меня, как я того заслуживаю. Я ведь заслуживаю этого?

Король снова поклонился, покраснев от стыда:

— Да, Госпожа. Конечно. Прости меня.

— С мятежниками действуй скрытно и аккуратно, пока Маврон не подготовит свои силы. Тут нужна не кувалда, а скальпель.

Амброус медленно кивнул:

— Госпожа, я уже нашел подходящего человека. Это наемный убийца. Профессионал экстра-класса. Одна проблема: он не берется за политические дела. Полагает, что в таких случаях исполнитель живет ненамного дольше жертвы. Я думаю о том, чтобы промыть ему мозги...

— Не нужно, — мотнула головой женщина, — Лучше устрой ему аудиенцию со мной.

Она улыбнулась:

— Полагаю, мое несравненное обаяние будет сильнее любой магии. Еще ни один мужчина перед ним не устоял.

С огромным удовольствием богиня отметила, как дернулось от ревности лицо короля. Ревность адептов ей никогда не наскучит.

Глава 2. Безмолвные слова

В последнее время Лейла старалась двигаться поменьше, опасаясь, что изменившаяся походка выдаст ее. Очень помог ей Роган, подобравший слуг, готовых блюсти ее секрет, и одежду, скрадывавшую очертания фигуры. Но несмотря на это, оба прекрасно понимали, что осталось совсем немного времени. Максимум месяц. А затем тайна неизбежно раскроется.

И вот тогда за ней начнется настоящая охота. До тех пор она может отвоевать Иллирию, но в Идаволле ее позиции будут слабы: кому достанется власть в герцогстве, определяют узы крови, а не брака, и дворяне скорее посадят на трон кого-то из своих, нежели её. Когда же её тайна раскроется, она сможет взять под контроль оба государства, и Амброус никогда не допустит, чтобы в ее руках оставалось столь мощное оружие против его власти.

Оружие... Да, Амброус наверняка увидит это именно так. В этом он похож на своего отца. Похож больше, чем хотел бы признать.

Для них обоих люди — как вещи. Инструменты. Оружие. Амброус ненавидел этот поход. Он сам непредставимо страдал от того, что собственный отец считал его лишь средством укрепления своей власти.

Вот только именно эта ненависть и делала их похожими. Амброус страдал от того, что к нему относились как к вещи, — и именно это в его глазах давало ему право относиться так к другим. Нести дальше проклятье, порожденное когда-то Герцогом Леандром Идаволльским. Его безразличием, гордыней и жестокостью.

А что чувствовала сама Лейла? На этот вопрос она не знала ответа. Любовь и ненависть обрушивались друг на друга, как два рыцаря в турнирном поединке. Она не могла не любить кровь своей крови и плоть своей плоти — тем более теперь, когда она осталась последней из своей семьи. Она не могла не ненавидеть плод насилия — даже более отвратительного, чем обычное сексуальное насилие; плод насилия над самим своим разумом. Амброус тогда приказывал ей хотеть его. Сходить с ума от желания. Говорить, что он был ее мечтой, любовью всей ее жизни, и верить в это. Умолять его овладеть ею. И она подчинялась ему даже не как рабыня.

Как вещь. Собственность. Игрушка в его руках.

Любовь и ненависть сталкивались между собой, раскалывая на части ее разум. И спасение Лейла находила в работе. В упорном и тяжком труде королевы в изгнании. Она никогда не готовилась править самостоятельно: с детства ее готовили к тому, что править будет ее муж, а она лишь поддерживать его, помогать и вдохновлять. Но сейчас она погружалась в государственные дела с головой.

И то, что зрело в ней, было частью их. Она могла ненавидеть его или любить, но ее решения не зависели от этого. Это ее шанс контролировать Идаволл. Спасти несчастную землю от культа Владык и от чудовища, звавшегося ее мужем.

А также — лишней повод к ранней смерти. Как только скрывать это станет невозможно, за ней начнется охота. Десятки, сотни убийц будут стараться уничтожить ее и то, что она носит в себе.

Лейла не надеялась, что человек, убивший своего отца, остановится перед убийством своего ребенка.

От размышлений ее оторвал стук в дверь.

— Миледи, — поклонилась вошедшая служанка, из тех самых, проверенных, кому было

доверено знать ее тайну.

— Проходи, — кивнула Лейла, — В чем дело?

— Вы велели мне сообщить вам, как только начнется очередной набег из Земель Порчи. На внешних рубежах дозорные видели пять «серафимов», летящих в сторону Елизарова Вала.

Называние этих существ «серафимами» резко не одобрялось Церковью, — и разумеется, такое название прижилось гораздо лучше, чем официальное. Твари Порчи имели мало общего с ангелами, скорее напоминая гибрид овода с летучей мышью. «Серафимами» их прозвали за то, что крыльев у них было аж три пары. К тому же, они могли исторгать воспламеняющуюся смесь, подобно жукам-бомбардирам, что, по мнению ученых из Университета, тоже было как-то связано с названием.

Впрочем, маркиза всерьез полагала, что и на каноничные изображения ангелов больше никогда не сможет смотреть спокойно. Ведь теперь она точно знала, что за ангельским ликом может скрываться настоящий дьявол во плоти. И это знание, эта память останется с ней до конца жизни.

— Наконец-то, — произнесла она, отгоняя мрачные мысли, — Мы долго этого ждали. Князь помнит наш уговор?

— Он говорит, что даст нам одну попытку, — ответила служанка, — Затем его люди откроют огонь.

— Больше нам не требуется, — уверенно сказала Лейла. Слишком уверенно. Слишком важно ей было убедить в этом саму себя.

Убедить себя, что ее надежда не развеется, как дым.

— Лана справится. Она сильная.

— Не стрелять! Ждать команды!

Елизаров Вал проходил по северной границе княжества Альбана и отделял царство Человека от Земель Порчи на севере. Вообще, по исследованию Килиана, настоящая граница Порчи проходила значительно севернее: в двух, а то и в трех километрах. Но любые попытки людей продвинуться дальше вала встречали бешеное сопротивление местных Тварей, — лишь немногим менее ожесточенное, чем попытки альбанцев не пропустить Тварей за Вал.

На вершине Вала выстроились лучники и мушкетеры: хотя одним из условий договора повстанцев с Альбаной была передача технологии автоматического оружия, пока что его было слишком мало, чтобы вооружать гарнизоны. Копьеносцы, обычно не позволявшие Тварям взобраться на Вал, сейчас попрятались по укрытиям: против летающих «серафимов» они были бесполезны.

Хотела бы Лана последовать их примеру.

Впрочем, куда тяжелее, чем ей, приходилось солдатам вокруг неё. Они привыкли полагаться на оружие. Привыкли, что именно их оружие отделяет для них жизнь от смерти. Успеешь выстрелить, попадешь в цель — будешь жить еще один день. Не успеешь, — на этом твой путь окончится. Наверное, при таких условиях просто ждать и не стрелять было совершенно невыносимо.

И все-таки это было необходимо. Тот, кто воюет на два фронта, в итоге проигрывает на обоих. Они не могли воевать с Орденом, при этом в любой момент ожидая удара с тыла со стороны Тварей.

А значит, необходимо было менять подход.

Стоя на вершине Вала, Лана вглядывалась вдаль. Вот приближались пять точек. Вот

медленно, очень медленно, по мере приближения проявлялся густой рыжеватого-черный мех на их непропорционально-больших брюшках. Шесть пластин полупрозрачных крыльев. Странно выглядящая нелепо-неуместная вытянутая мордочка грызуна. Железы, выпускающие воспламеняющуюся смесь, чародейка, не будучи специалистом в анатомии Тварей, распознать не могла.

Но об их существовании знала не только она.

— Десять секунд до выхода на дистанцию атаки! — предупредил немолодой усатый лучник с капитанской нашивкой справа от нее.

От местных Лана уже знала, как атакуют «серафимы». Первый залп они дают на расстоянии около шестидесяти пяти метров. Затем, пролетая на бреющем метрах в пятнадцати над позициями защитников, они успевают дать еще три или четыре залпа. После чего, поднявшись повыше, заходят на второй круг.

В принципе, отбиться от пяти «серафимов» было не так уж сложно. Но порой в одной волне их бывало и десять, и двадцать, и даже тридцать, и тогда не такому уж большому княжеству приходилось собирать все силы. А уж в тех случаях, когда «серафимы» нападали совместно с наземными Тварями...

— Пять секунд!

С другой стороны, именно странная способность Тварей разных видов нападать в союзе и позволяла рассчитывать на благополучный исход ее задумки. Это свидетельствовало о наличии какой-то организации. Возможно, не такой как у людей. Но и не на уровне отдельных стай.

Кто-то или что-то заставляло Тварей преследовать общие цели.

— Три!

Люди так редко задумывались об этом... Слишком часто они говорили фразу «все просто». Есть враг — его нужно убить. Убьешь его — будет хорошо. Не убьешь, — он убьет тебя, твою семью, и тогда будет плохо. Все просто.

Большинству из них и в голову не приходило, что врага можно еще и понять.

— Две!

Наверное, это был всего лишь страх. Страх, что поняв врага, уже не сможешь в него выстрелить. Что полюбишь его так, как он сам любит самого себя. Что понять — значит простить.

Когда-то и Лана думала так. Стремясь понять весь мир, стремясь обнять его и подружиться с ним, она отрицала всякое насилие. Она верила, что любой конфликт можно разрешить, просто поговорив по душам.

Теперь она понимала, что это не так. Иногда насилие неизбежно. Иногда даже оттого, что ты понимаешь врага, он не перестает быть врагом. И тогда нужно бить на поражение. Это не значит, что ты начинаешь его ненавидеть.

Просто то, что должно быть сделано, будет сделано.

— Одна!

А любовь... Она вообще к пониманию отношения не имела. Лана не понимала Амброуса, но это не мешало ей, несмотря ни на что, продолжать любить его.

Так же, как и любовь не мешает ей, когда настанет время, сделать то, что должно быть сделано.

Капитан стрелков готов был отдать приказ, но Лана взглядом остановила его. Она находилась здесь не для того, чтобы сражаться. Сочтя, что существа подлетели достаточно

близко, девушка потянулась к ним рукой.

Рукой — и сердцем. Внутренним огнем, горевшим в груди каждого чародея.

Тут же у нее закружилась голова. Атаковавшие Вал серафимы не были разумны в полном смысле этого слова. Даже на уровне животных. Это была распределенная сеть простых сознаний, существующих в непрерывной связи друг с другом. Чародейка не могла понять их образ мышления, и точно так же они не могли понять ее.

К счастью, им и не требовалось.

«С вами будет говорить королева», — решили серафимы спустя несколько миллиардных долей секунды. При использовании мыслеречи субъективное время значительно замедлялось.

Наверное, будь на ее месте стратег, он извлек бы из того, что она ощутила, массу полезной информации. Сигнал её сознания передавался по цепочке от серафима к серафиму, и, наверное, его траекторию можно было использовать, чтобы узнать расположение каждого из... существ, — Лана не могла называть их Тварями, одновременно настраиваясь на их волну.

Но вот, наконец, сигнал достиг цели. Чародейка не видела королеву, но она ощущала её. Королева чувствовалась... иначе, чем серафимы-солдаты. Она была не просто психически сильнее. Она отличалась от них на порядок, как высшее существо.

Для них она была богом, что наводило на неприятные мысли об Ильмадике.

Не пытаясь затянуть королеву в сад своего сознания, Лана передала ей свое почтение. Ответом ей стала похожая эмоция, но тесно сцепленная с интересом. Королева никогда не видела людей, которые умели бы говорить — в ее понимании этого явления.

Чародейка раскрыла свой разум, давая понять, что люди — существа, с которыми можно договориться. Серафим в ответ передала образ людей, стрелявших в её детей. Вопрос.

«Это договороспособность?»

Лана не стала скрывать свое возмущение. Мыслеречь — это не дипломатические переговоры, где нужно всегда поддерживать вежливую мину. Напротив, эмоции — это универсальный язык. Единственный язык, понятный любому существу во Вселенной. И сейчас эмоцией, которую испытывала девушка, было возмущение лицемерным обвинением.

«Вы напали первыми!»

Возражение. Ответную реакцию королевы ум чародейки визуализировал как склоненную набок в задумчивости голову, — хотя разумеется, в действительности та этого не делала.

Задумчивость. Сожаление. И согласие.

«Это была необходимость»

Сожаление королевы не относилось к тому, что она делала. Более того, Лана ощутила, что появилась возможность переиграть произошедшее, серафимы напали бы снова.

Сожаление относилось лишь к сложившимся обстоятельствам.

«В чем именно заключалась необходимость?» — вопрос.

Земля жжется. Именно так королева визуализировала Порчу. Земля жжется. Сила, что породила саму ее расу, убивала ее детей. И вдруг — осознание. Ясность. Знание, что есть земля, что не жжется. Земля, где можно жить долго и счастливо.

Земля обетованная.

«Земля, занятая вами»

«Вы нападаете на нас лишь потому что мы живем на своей земле?» — спросила в ответ

Лана.

Задумчивость. Сожаление.

И твердый ответ.

«Или мы, или вы»

Или мы, или вы. Святая истина, которой веками следуют люди. Умри или будь убитым.

Поработи или будь поработленным.

Истина, которую, несмотря ни на что, Лана не желала принимать.

«Так не должно быть!»

Ярая, отчаянная уверенность. Вера в справедливый мир, всегда отличавшая юную чародейку. Та вера, то не позволила ей сломаться, столкнувшись с войной, предательством и рабством. Та вера, что не позволяла ей сдаться, даже когда казалось, что все потеряно и надежды нет.

И снова ответ королевы визуализировался как склоненная набок голова. Вопрос.

«Что ты предлагаешь?»

О, Лане было что предложить. Пребывание в рабстве помогло ей кое-что узнать. Пусть недостаточно. Но все-таки, увиденное было символом надежды. Символом, что проблему можно решить.

Она передала образ того, что видела в записях Кили. Ильмадику интересовало лишь то, что можно использовать в войне, поэтому она приказала ему сосредоточиться на других проектах. Но глубоко в душе ученый тянулся к созиданию. Он желал не разрушать, он желал сделать мир лучше. Потому его научная мысль, бывшая лишь формой для его творческой силы, составлявшей основу любого волшебного дара, направлялась отнюдь не на поиск новых способов убивать своих врагов.

Поэтому одним из проектов было очищение земли от Порчи.

«Ты можешь это сделать?» — волнение. Королева мгновенно осознала перспективы, которые открывал этот проект.

Перспективы мира.

«Возможно все», — пылко, уверенно ответила девушка.

Абсолютно искренне. Но королеву этот ответ не удовлетворил.

«Но ТЫ можешь это сделать?»

Что тут можно было ответить? Лана видела записи Кили лишь один раз. После того, как она попыталась использовать его разработки, чтобы сбежать от него же, ученый больше не допускал девушку в свою лабораторию. Да и даже если бы она прихватила записи с собой, — как ни крути, но Килиан смотрел на магию с совершенно другой стороны. Его магия была наукой. Ее магия — искусством. Не факт, далеко не факт, что она смогла бы разобраться в том, что и как он делал. Даже то, на что были способны другие эжени, было ей доступно далеко не всегда.

И все-таки не могла она и ответить «нет». Не потому что хотела обмануть королеву: невозможно обманывать при эмпатической связи. Но совершенно искренне она считала, что надежда есть. Ведь любая магия — это в первую очередь Желание.

И видит Мир, она желала, чтобы их народы могли мирно сосуществовать.

«Я не знаю», — честно ответила чародейка.

Я не знаю. Почему люди так боятся сказать эти три слова? Если бы они чуть меньше этого боялись, насколько меньше было бы в мире лжи. Насколько меньше было бы ненависти. Я не знаю дороги через болота, поэтому я не заведу путников в топь. Я не знаю,

чего хочет Бог, поэтому я не стану жечь на костре тех, кто считает, что Он хочет чего-то другого. Я не знаю, смогу ли тебе помочь, поэтому я не стану обещать тебе помощь.

Но что я обещаю — это что сделаю все от меня зависящее, чтобы тебе помочь.

«Ты говоришь правду»

Королева помедлила, прежде чем продолжить.

«Но велика ли ценность обещаний?»

Обещания... Одновременно величайшая сила во Вселенной и самый бесполезный на свете мусор. Обещания сплетают судьбы, меняют ход истории. Брачный обет меняет историю рода, а клятва верности правителя — истории целых народов. И в то же время — ничто не забывается так легко и так часто не бросается на ветер, как клятвы.

«Думаю, все зависит от человека», — ответила Лана.

Мысленный кивок.

«Я читаю в твоих мыслях. Ты веришь в то, что говоришь. Но достаточно ли этого, решать не мне»

Королева замолчала.

«Кому же тогда?» — спросила чародейка.

«Мудрейшему. Я читаю твои мысли. Он же заглянет в самую душу. Но ты должна будешь встретиться с ним лицом к лицу»

В то же самое мгновение сквозь сознание Ланы табуном диких мустангов пронеслись чужие знания. География земель к северу от границы. Путь в горы. Пустоши с высоты полета серафима.

«Ты хочешь сказать, что я должна отправиться в Земли Порчи?» — спросила чародейка.

«Должна. И если ты говоришь правду, если ты можешь спасти мой народ, значит, тебе достанет сил спасти и саму себя»

«Это не первый раз, когда я отправляюсь в Земли Порчи», — сообщила Лана, передав королеве образ путешествия в Гмундн... и его последствий, — «Но как же люди, которых я обязалась защищать?»

Заминка. Сомнение.

Но в итоге в голове Ланы промелькнуло понятие, взятое из ее же памяти. Договор.

«Нападения серафимов прекратятся. На время. Но торопись. Я не знаю, как долги другие королевы будут верить мне. Мудрейший может приказать им подчиняться. Я — нет»

Иоланта коротко поклонилась, передавая чувство благодарности.

«И еще одно», — добавила королева, — «Возьми с собой то, что забрала у Прислужника. Мудрейший поймет, что делать»

«Спасибо за совет», — ответила чародейка.

Она передала образ церемонного реверанса, — с пояснением, что он значит. То же сделала и королева.

А затем связь разорвалась.

— Не стрелять! — уже голосом приказала Лана.

Стрелки явно сомневались, следует ли им выполнять такой приказ. Но на самую капельку дисциплина перевесила инстинкт самосохранения.

Серафимы так и не выбросили зажигательную смесь. Заложив вираж над Елизаровым Валом, твари Порчи двинулись обратно на север.

— Передайте князю: на какое-то время нападения прекратятся. Но нам нужно готовить экспедицию в Земли Порчи.

Чародейка покачнулась, уцепившись за плечо ближайшего солдата. После общения с королевой серафимов у нее все плыло перед глазами и адски раскалывалась голова. Но несмотря на это, она была довольна.

Она чувствовала, что поступила правильно.

— Это безумие.

Реакция князя Альбанского была вполне предсказуемой. И в данный момент он расхаживал из стороны в стороны в стороны по своему кабинету, силясь унять волнение по поводу услышанного.

Это был невысокий, средних лет мужчина с короткими пепельного цвета волосами, среди которых уже начали появляться первые проплешины. Одет он был в военный мундир, и даже в мирное время всегда носил с собой оружие.

Потому что на границе Порчи мирного времени не бывало никогда.

— Милорд, — высказался Роган, — Безумные времена требуют безумных решений. Вам прекрасно известна репутация иллирийских эжени, и уверяю вас, она полностью заслужена. То, что говорят чародеи, может казаться странным, но в конечном счете они неизменно оказываются правы.

— Мне известна репутация эжени, — согласился князь, — А еще мне известна репутация этой конкретной эжени. Вы не хуже меня знаете, что говорят о ней. И если вы думаете, что я доверю судьбу своей страны...

Он осекся, понимая, что только что чуть не сказал. Но было поздно.

— Договаривайте, милорд, — спокойно, но со сталью в голосе сказала Лейла, — Договаривайте, что хотели сказать.

Князь Альбанский молчал.

— Впрочем, я уже догадываюсь, — продолжала маркиза, — Вы ведь хотели высказаться о моей придворной целительнице в уничижительной форме из-за тех сплетен, что рассказывают о том, что якобы творили с ней в рабстве у Ордена.

Об этих сплетнях Лана прекрасно знала и тихо ненавидела тех, кто их придумывал. И ведь не сказать чтобы они делали это со зла. Они искренне считали себя правыми. У людей попросту не укладывалось в голове, что Килиан мог, заполучив в рабство красавицу-чародейку, так и не покуситься на её девичью честь.

У них не укладывалось в голове, что у завоевателя, палача и темного мага было сердце.

— Но скажите, милорд, — продолжала маркиза, — Если это так; если для вас это повод для презрения и недоверия, то как вы отнесетесь ко мне? К той, кто совершенно точно пережила все то, в чем подозревают эжени Иоланту, и даже большее? Значит ли это, что в ваших глазах и мое слово ничего не стоит?

— Вы прекрасно знаете, что это не так, миледи, — поморщился князь, — И я прошу прощения, если невольно создал впечатление, будто я испытываю презрение к вам или к эжени Иоланте.

От лицемерия этих слов у Ланы резко упало настроение. Невольно создал впечатление. Ага, конечно. Как будто на самом деле ничего такого он не испытывал.

Однако, она промолчала, решив не портить подруге дипломатию.

— Извинения приняты, милорд, — ответила Лейла, — Но постарайтесь впредь не допускать подобных... двусмысленностей.

— Сделаю все возможное, — серьезно кивнул князь, — А теперь давайте вернемся к

делу. Даже если то, что вы узнали с помощью этих чар, действительно имеет под собой основания, это не отменяет главного. Экспедиция в Земли Порчи — это безумие. Я не выделю для нее людей.

Лейла открыла было рот, чтобы возразить, но Лана, у которой уже в печенках сидел этот тип, высказалась вперед нее:

— Я не прошу об этом, милорд. Конечно же, ваши люди понадобятся вам здесь, в Альбане.

«Конечно же, я не доверю свою жизнь тем, кто за моей спиной обсуждают, как и куда меня трахали в плену», — мысленно добавила она, но предпочла не озвучивать, чтобы не провоцировать скандал.

— Со дня на день должен вернуться Тэрл, — продолжила чародейка, — Думаю, мы можем отложить начало экспедиции до его прибытия. Мы уже действовали вместе во время поисков Гмундна и обороны Миссены, и несмотря на многочисленные... противоречия, неплохо сработались.

«По крайней мере, до того, как он бросил меня умирать», — мысленно добавила она. Лана понимала, что у Тэрла не было выбора. Что у него не было власти отменить казнь, и что пойдя он тогда против короля, восстание бы угасло в зародыше. Но все равно, вспоминая, как воин отвел глаза, она каждый раз испытывала жгучую обиду. Как будто этим он раз и навсегда показал ей её место в его глазах.

Место разменной пешки. Ресурса, от которого можно отказаться и которым можно пожертвовать. Может быть, с сожалением. Но пожертвовать.

— Пусть будет так, — согласилась Лейла, — Альбанский же гарнизон понадобится нам, чтобы максимально укрепить южную границу. Если информация об успехах эжени Иоланты просочится, — а она просочится, — Амброус может понять, что у нас есть шанс закрыть северный фронт. Он постарается этого не допустить и может предпринять новую провокацию на границах.

Князь согласно кивнул:

— Я оставлю часть людей у Елизарова Вала, на случай, если твари Порчи окажутся хитрее, чем мы о них думаем. Но так и быть, большую часть сил я переведу на юг.

— Еще я бы хотела взять с собой Бофора, — добавила Лана после некоторого размышления.

— Бофора? — удивилась маркиза, — Зачем? Вы не сможете тащить с собой артиллерию.

— Я знаю, — кивнула чародейка, — Но я бы предпочла видеть его не только потому что он хороший артиллерист. Он надежный человек. Я могу доверять ему.

По крайней мере, это единственный человек, который ни разу ее не предавал.

— Хорошо, — не вполне уверенно ответила Лейла, — Но остальных будем набирать все-таки по боевой функции. Недавно ко мне на службу попросился наемник по имени Матеас Саймон. Хороший лучник, к тому же, утверждающий, что ходил в Земли Порчи. Он вам пригодится.

— Он надежен, — тут же заверил Фирс, до того молча слушавший разговор, — Я говорил с ним. Он полностью искренен в том, что хочет помочь маркизе отвоевать трон.

В тот момент Лане показалось странным, что начальник разведки сказал «я говорил с ним», а не «я его проверил». Но она сочла, что профессионалу виднее.

В умениях лгать и распознавать ложь тягаться с разведчиком она не собиралась и

пытаться.

Хотя Лана всегда ненавидела делать что-либо по устоявшемуся графику, работа на Соппротивление волей-неволей приучила её синхронизировать свои жизненные ритмы с товарищами. Когда не было ночных вылазок, спать она ложилась вскоре после полуночи, вымотанная донельзя.

Но несмотря на это, каждый раз перед сном она старалась уделить хоть немного времени вечерней молитве. Молиться по графику тоже было странно, но почему-то ей казалось, что так правильно.

Одного за другим она перебирала тех, кто сражался бок о бок с ней, — и каждому желала жизни, победы и счастья.

Тэрлу, тащившему на себе весь груз Соппротивления. Составлявшему стратегии, обрабатывавшему огромные объемы информации, — и успевавшему лично ходить на вылазки там, где кто-нибудь другой не справился бы.

Бофору и Корбейну, отважным командирам, верно следовавшим за своим лидером. Отважным командирам и верным друзьям, на которых можно было положиться в трудную минуту.

Элиасу, постепенно нашедшему свое место и вылезшему из чужой тени. Ставшему чем-то большим, чем лучший ученик потока и сын графа Ольстена, министра морских дел.

Фирсу, Рогану, князю Альбанскому. Они тоже вели свою войну. Подчас невидимую, но ничуть не менее важную. Пусть она никогда не видела — и не могла представить — Рогана сражающимся с врагом клинок к клинку. Кинжал в спину, яд в бокале и лживая речь бывают подчас не менее опасны.

Лейле, ее лучшей подруге, пережившей чудовищные испытания, побывшей в роли куклы с промытыми мозгами и успешно выбравшейся на свет. Маркиза считала, что благодарить за это следует Лану, но права она была лишь наполовину. Магия Ланы, магия гармонии, не могла заставить кого-то исцелиться. Она могла протянуть руку, но принять ее человек должен был сам. И это не только магии касалось... Впрочем, правильно ли было говорить так? Ведь на самом деле, для настоящего чародея грань между магией и всем, что он делает, была исчезающе тонка.

От этой мысли Лана вспомнила еще одного человека. Того, кто уже не сражался бок о бок с ней, но без кого она не могла бы быть здесь. Того, кто спас её, кто пожертвовал собственной жизнью ради неё. Того, кого обвиняли, ненавидели, проклинали, — не понимая, не зная, не видя, как много он сделал хорошего. Что спас он не только её, но и множество людей в Стерейе и Неатири. Именно тем, что не был тем палачом и чудовищем, каким видел его теперь мир.

Того, чей портрет она рисовала, забывая о том, что всегда избегала рисовать портреты. Что когда маг пишет чей-то портрет, он рискует создать незапланированную магическую связь с этим человеком. Так можно и навредить ненароком.

Впрочем, возможно ли ненароком навредить тому, кого и так больше нет?..

На портрете Килиан Реммен выглядел несколько иначе, чем при жизни. О, нет, не чертами лица: их художница как раз передавала скрупулезно. Передавала она и стройное, жилистое тело, и собранные в хвост черные волосы до плеч. И даже отличие в одежде (Килиан неизменно одевался в черное, а Лана всегда полагала, что ему очень пошла бы лазурная рубашка, полурасстегнутая с эдакой элегантно-небрежностью) было лишь

незначительной мелочью.

Отличались поза, взгляд, выражение лица. Не было в нем той звериной тоски, отчаянной, болезненной нужды в ком-то, кто признал бы его право существовать в этом мире. Того безмолвного крика о помощи, обращенного к холодной и безразличной Вселенной.

На портрете, нарисованном Ланой, Килиан был цельным. И в этом, пожалуй, и заключалось главное отличие. В том, что он искал всю жизнь, изъездив весь Полуостров, и что с самого начала следовало искать внутри себя самого.

«Кили, где бы ты ни был теперь... пусть там твоя мятущаяся душа обретет покой»

Где-то после этой молитвы Лана и уснула. И снился ей цветущий сад, каким при мысленном общении всегда показывалась ее душа. Цвели там розы, лилии, каллы — любимые ее цветы. И на каждый цветок лишь взглянув, она могла бы с уверенностью сказать, что он отражает в ней — или из ее собственных качеств, или из связей с другими людьми.

Некоторые из цветов увяли и пожухли — следствие боли и скорбей последних месяцев. Особенно старалась она не смотреть на огромную багряную розу, отражавшую её любовь к Амброусу. Яркая, прекрасная, она давно уж сгнила изнутри, а шипы её сочились смертельным ядом.

Ядом, которого Лана испила вдоволь.

А еще там был человек. Человек, уже не в первый раз приходивший в её сны после того памятного дня. В её снах Килиан был таким, как на портрете. Цельным. Здоровым. Пребывавшим в мире с самим собой.

Живым.

И он расспрашивал её о том, как она жила — без него. Расспрашивал, как никогда бы не спросил при жизни, не веря в то, что ей может быть действительно интересно отвечать на его вопросы.

А ей, между прочим, было.

— Мы отправляемся в Земли Порчи, — рассказывала она, — Через Елизаров Вал.

Наверное, наяву она не стала бы рассказывать об этом кому-либо, кроме тех, кому сказать необходимо. Но во сне ей этот момент даже в голову не приходил. Просто почему-то казалось, что погибшему другу она может рассказать всё.

Наверняка при жизни он сказал бы что-нибудь вроде «это опасно». А то и, чего доброго, попробовал отговорить её. Сейчас же он понимал, что бессмысленно говорить о том, что оба они прекрасно понимали. Что бессмысленно просить ее отсиживаться в безопасном месте, когда она могла кому-то помочь.

Потому и сказал он совсем иное:

— Перед тем, как пересечь Вал, надень на шею амулет, что я подарил тебе. Поражение Порчей в Дозакатные времена звалось «лучевой болезнью». Так что семантически амулет должен защищать от него. Я не уверен в этом, но шанс велик.

— Я могу защитить себя и своей магией, — заметила Лана, — Но спасибо. Я воспользуюсь твоим советом.

— Спасибо.

Килиан склонил голову, кажется, успокоенный. После чего, чуть помолчав, продолжил:

— Скажи... Ты жалеешь о том времени?

— Нет, — покачала головой Лана, — Я не жалею ни о чем. Никогда. Я вспоминаю те

времена, когда мы были друзьями — еще не зная ни о том, что ждет нас, ни о том, что ты адепт Ильмадики. И знаешь? Я вспоминаю их с радостью. Я рада каждому нашему счастливому мгновению. Я не обесцениваю их, вспоминая, что они ушли. Вспоминая об этом, я чувствую лишь светлую грусть. И думая о твоей смерти, я не жалею тебя. Я лишь рада, что когда-то ты был. Что когда-то ты был моим другом.

Она перевела дыхание, глядя на призрака прошлого, зачастившего в её сны.

— Ну, а ты? — спросила девушка, — Ты жалеешь?..

— Постоянно, — серьезно ответил ученый, — Я жалею, что у нас не было больше времени. Жалею, что слишком долго я метался в попытках заслужить любовь Ильмадики и не обращал внимание на то, что было по-настоящему важно. Я думаю о том, могло ли у нас сложиться иначе. Мог ли я не предавать тебя. Мог ли я быть тебя достоин.

Он пожал плечами:

— Наверное, вечные раздумья о том, что больше никогда не совершится, — это и есть Ад.

— Кили... — Лана запнулась, не зная, что сказать на такую откровенность, — Не надо... Не казни себя. Не обесценивай всего, что было хорошего. А оно ведь было. И даже потом, после того, как ты спас меня от казни, я помню еще множество светлых моментов между нами. Вспомни, как мы танцевали на балу. Ты еще тогда сказал мне, что от моего вида у всех перехватит дыхание, и глупые мысли уплывут на задворки сознания. А помнишь, как ты подарил мне медную розу, созданную твоим чародейским искусством?..

Чародей чуть улыбнулся. Все еще печально, но уже без такой тоски.

— Да... У нас было много счастливых моментов, — согласился он, — Но я все равно жалею, что их не было еще больше. Что я не увидел, как ты улыбаешься, когда не думаешь о войне. Что я не привел тебя в свой дом — настоящий дом, выстроенный для нас двоих. А еще — что я узнал, как ты целуешься под принуждением и как — от радости, что ты живая, но так и не узнал, как ты целуешь того, кого действительно любишь.

Сказав это, Килиан склонился к ней с недвусмысленными намерениями. Первая мысль Ланы была о том, что это неправильно — целоваться с призраком. Живые должны быть с живыми, а мертвые с мертвыми. Нарушать это правило — противоестественно.

Вторая мысль была совсем неожиданной. Что она, как ни странно, не против. Так странно. Когда он был живым, от его поцелуя она чувствовала себя преданной и оплеванной. Но сейчас...

Неужто все дело в чувстве вины? Неужто не может она никак вывести за грань восприятия то, что он пошел против своего Бога и погиб — ради неё? А может, дело было в том, как изменился он, освободив свою душу? Быть может, лишь пожертвовав жизнью, он стал по-настоящему живым?..

А затем Килиан вдруг отстранился, так и не дав их губам соприкоснуться. Сон начал рассыпаться.

— Нет, — тихо, но твердо сказал мужчина, — Если ты сделаешь это из жалости... Это будет мало отличаться от принуждения. Когда-нибудь. Возможно, в новой жизни. Мы встретимся снова. И я исправлю все свои ошибки. Стану тем мужчиной, которому ты смогла бы, не кривя душой, сказать «люблю». Я обещаю тебе, Лана. Но сейчас... В этой жизни. Будь счастлива. Возможно, с кем-то другим, с кем-то более достойным. Но будь счастлива. Пожалуйста.

Ответить ему Лана так и не успела.

В пустынях Черного Континента очень сложно отличать одного человека от другого. Скрывающая лица ткань, защищающая от песка и солнца, превращает любого в неясный темный силуэт.

Но со временем приучаешься обращать внимание на другие вещи. Походка, пластика. Каждый человек ходит по-своему. Нужно лишь увидеть это.

Сейчас Вотан не сомневался, что шел к нему именно Яруб. Только этот старик мог сочетать хромоту с какой-то основательностью. Он едва переставлял ноги, но почему-то не возникало сомнений, что каждый шаг он делает с твердой уверенностью, что это именно тот шаг, который нужно сделать.

Правда, сейчас сам Вотан этой уверенности не разделял.

— Я пришел сюда, чтобы побыть в одиночестве, — сказал он, — Не беспокойся, я знаю дорогу назад.

Он стоял на краю каньона в километре от поселения ансарров. Днем отсюда открывался величественный вид. Ночью, в неверном свете ущербной луны, рассмотреть можно было мало что, но несмотря на это, для Вотана это оставалось любимым местом.

Здесь всегда можно было собраться с мыслями.

Ну, почти всегда.

— Уверен? — спросил старый знахарь, не переставая приближаться, — Как твоя болезнь?

— Боли почти нет, — ответил Вотан, снова отворачиваясь.

— Это значит, что ты излечиваешься?.. — не отставал старик.

— Это значит, что боли почти нет, — раздраженно повторил одноглазый.

Он прекрасно знал, что его «болезнь» излечить невозможно.

Потому что это вообще не была болезнь.

— Или ты просто к ней привык, — сделал вывод Яруб.

— Это тоже, — неохотно сказал чужестранец, — Слушай, что тебе нужно? Я сейчас не в настроении говорить. Тем более о своих проблемах.

— И именно поэтому поговорить тебе нужно, — заметил знахарь, — Причем сейчас, или завтра ты сорвешься на того же Джамиля, и кто-то из вас кого-то убьет. Итак, что случилось?

Какое-то время Вотан молчал. Его и без того снедал стыд за проявленную слабость. Но все-таки...

— Мой дар. Он играет со мной жестокие шутки.

Он не стал уточнять, что случилось. Нельзя было. Слишком близко к сердцу. Даже этим людям он не готов был поведать свою историю.

Яруб и не спрашивал.

— А может быть, он тоже излечивается? — предположил знахарь.

— Раньше он не работал так, — возразил чужестранец.

— Но ведь раньше и ты был другим, — парировал ансарр, — И даже не потому что ты жил в иной земле, носил иное имя и верил в иного бога.

Одноглазый промолчал.

— Не бойся меняться, Вотан. Перемены неизбежны. Ты, такой, как ты есть, это уже не тот ты, что был секунду назад.

— Я читал, что человек становится полностью другим за семь лет, — задумчиво

заметил чужестранец, — Семь лет нужно, чтобы заменить каждый атом в его теле.

— Если есть причина меняться, то можно и немножко побыстрее.

Какое-то время Вотан молчал. Неясные предчувствия и страхи терзали его. Он очень боялся задать вопрос, который, как он чувствовал, нужно задать.

А потом он вдруг обернулся, впервые за весь разговор посмотрев на собеседника:

— А вы сами? Ансарры боятся перемен? Если завтра вам придется бросить свои дома и уйти в незнакомые земли, готовы ли вы на это?

— Мое поколение еще помнит, что совсем недавно мой народ был кочевниками, — ответил Яруб, — Но почему ты спросил? Ты что-то знаешь?

Чужестранец горько рассмеялся:

— Хотел бы я назвать это громким словом «знание». Нет, Яруб. Знания у меня нет. Лишь смутное предчувствие. Чувство, что я должен знать ответ на этот вопрос. Что скоро он мне понадобится.

Подняв голову, он устремил взгляд своего единственного глаза на ущербную луну.

— Что-то надвигается, Яруб. Что-то большое. Темное. Страшное. Я боюсь, что времена когда война обходила эту деревню стороной, очень скоро подойдут к концу.

Глава 3. Ростки войны

- Арно Делаун, за твои преступления тебя будут судить!
- Нет, нет! Я не хочу! Так не может быть!
- Любой преступник понесет наказание!
- Но Килиан обещал, что я не понесу никакого наказания!
- До Килиана мы тоже доберемся. А ты сдавайся, и получишь справедливый суд!
- Нет! Справедливый суд приговорит меня к смерти! Я не хочу умирать!
- Ты умрешь — сейчас или после суда!

Тэрл отвернулся от кукольного представления, скрывая омерзение. Народ, однако, гоготал и улюлюкал над трусливым мятежником.

Над человеком, которого Герцог Леандр объявил своим наследником. Над человеком, которого Тэрл так и не смог защитить.

Город Неа-Кастория располагался на полуострове в озере Кастория, что в северной части Стерейи, близ альбанской границы. Вообще-то Тэрл и пять человек его отряда не собирались там задерживаться. Заехать по пути, пополнить припасы, узнать последние слухи...

На последнем пункте они и застряли. Выяснилось, что на день раньше их в Неа-Касторию с неизвестной целью прибыла сама Владычица Ильмадика. Как некоторые считали, с инспекцией, потому стража нынче работала куда старательнее, чем обычно, и при проверке документов мятежники каждый раз рисковали разоблачением.

Кроме того, разделились мнения и в их отряде. Сразу четверо бойцов стали настаивать, что это шанс, который нельзя упускать. Владычица — сердце Ордена. Если удастся убить её, война будет окончена. И даже если убить её невозможно, можно её похитить.

Некогда так думал и сам Тэрл. Он единственный имел с ней дело раньше. Тогда его самонадеянность стоила жизни жене Нестору, учителю Ланы. Сейчас никого из магов с ними не было.

Поэтому своей властью командира Тэрл категорически запретил пытаться убить или похитить Ильмадику. Но вот проследить за ней, выяснить, что ей здесь нужно, было совсем нелишне. В конце концов, не просто же так она объявилась здесь вскоре после того, как они добыли нечто очень важное для неё...

Сейчас он, чуть склонив голову, чтобы края шляпы прикрывали лицо, смешивался с толпой зевак, желавшей понаблюдать воочию прекраснейшую Госпожу. Госпожа возжелала увидеть показываемое артистами-кукольниками представление, и те, естественно, желали подольстить ей, показывая один из тех сюжетов, что вошли в репертуар по ее приказу. Лично Тэрл, получивший благородное воспитание и выросший на классических пьесах, находил такие сюжеты, рассчитанные на простонародье, до отвращения примитивными. Соппротивление неизменно представало в них капризными, инфантильными и трусливыми идиотами, адепты (не говоря уж о самой Ильмадике) — идеальными рыцарями без страха и упрека, а Килиан — карикатурным злодеем, творящим зверства ради зверств (и кстати, тайно стоявшим и за восстанием). Наверняка в глубине души не очень-то впечатляли они и саму Ильмадику.

Что не отменяло того, что эффект на толпу они оказывали вполне ощутимый. Простонародье никогда не отличалось изысканным вкусом; для него чем сюжеты проще, тем

лучше.

Когда кукла-Арно трусливо совершила самоубийство, а кукла-Ильмадика произнесла над ней благостно-сожалеющую речь, настоящая Ильмадика захлопала в ладоши:

— Bravo, bravo. Надеюсь, маэстро и дальше будет вгонять меня в краску своими представлениями.

Её приближенные рассмеялись её шутке, и мгновением позже к ним присоединилась и толпа. Демонстративно посмеялся и Тэрл, хотя внутренне сейчас не испытывал ни капли веселья.

— Мне понравилось то, что я увидела, — продолжила богиня, — Ты будешь щедро награжден.

По её приказу один из слуг преподнес склонившемуся в поклоне кукольнику мешочек с серебром, — больше, чем большинство жителей этого города видели за всю жизнь. Сама Владычица не стала слезать с паланкина и пачкать подол роскошного платья багряного бархата уличной грязью. Впрочем, её улыбка, казалось, была для мужчины не менее ценной наградой, чем любое серебро.

И он даже, скорее всего, не заметил того, на что обратил внимание более бдительный Тэрл. Как на какую-то секунду улыбка Владычицы померкла. Как в глубине прекрасных небесно-синих глаз отразилось удивление, неверие — и страх.

Всего на секунду.

— Вы все! — вновь заулыбалась Ильмадика, оглядывая толпу, — Сердце мое радуется, ощущая вашу любовь, и уверяю вас, она взаимна. Я люблю вас! Вас всех. Я люблю вас и я благословляю вас. Знайте же, что все, чего вы желаете в данный момент, неизбежно сбудется.

«Вот уж вряд ли», — мысленно заметил Тэрл. Хотя конечно, если бы она убила себя собственной магией, исполнив таким образом его желание, это было бы... иронично.

— Но сейчас меня ждут дела. Я покидаю вас телом, но знайте, что сердцем своим я всегда с вами!

«У тебя нет сердца», — вспомнил Тэрл слова Нестора во время бойни в Миссена-Клив.

По знаку Владычицы один из слуг опустил полог паланкина, скрывая её от толпы, и в сопровождении шести всадников Железного Легиона её понесли в сторону одного из зданий на северо-западной окраине города. Чем она занималась под своим пологом, рассмотреть было сложно, но Тэрл, пристроившийся чуть сбоку от процессии, готов был поклясться, что она что-то писала.

Вскоре он получил подтверждение этому предположению. Из-под полога высунулась изящная женская рука, пальцы которой были украшены изящными золотыми украшениями с изумрудами. Прелестные пальчики сжимали запечатанный конверт.

— Отнеси это на голубятню и отправь в столицу, — распорядилась богиня.

«Если это так важно, почему бы тебе не передать это по магической связи?» — с легким недоумением подумал Тэрл.

Но сейчас это было делом десятым. У них была идеальная возможность выполнить задание прямо здесь, не дожидаясь прибытия в Стерейю. Один из легионеров отделился от основной группы и поехал в сторону голубятни, что располагалась у восточной городской стены.

С другой стороны, оставался также риск, что таким образом Владычица хотела отвлечь внимание от того, чем собиралась заниматься сама. Возможно, там было что-то не менее

важное, чем проект Ланы.

— Вы трое — следуйте за ней и постарайтесь проследить, что она будет делать, — отдал Тэрл распоряжения своим спутникам, — Понапрасну не рискуйте. Вы двое — за мной.

Он не был уверен до конца, что распределил правильно. Будь его цель обычным человеком, выделил бы всех подчиненных на слежку, а сам взялся за дело в одиночку. Но солдат Железного Легиона — это уже нечто большее, чем просто человек. Втроем на такого ходить — в самый раз.

Казалось бы, всадник должен обладать преимуществом в скорости над тремя пешими. Однако в черте города это преимущество быстро сходит на нет. Увязая в толпах людей, лошадь не может двигаться быстрее не самого быстрого человека, — если, конечно, всадник не горит желанием потоптать прохожих. Что, вполне очевидно, создало бы Владычице определенные проблемы с репутацией.

Если же учесть знание проходов, где лошадь не пролезла бы, то немудрено, что Тэрл со своими спутниками оказались у голубятни раньше, чем посланник от Ильмадики. Забравшись наверх, Корбейн оглушил хозяина голубятни, спрятал бессознательное тело подальше от глаз и дал сигнал остальным. Они, в свою очередь, ждали снаружи.

Ждали удобного момента.

Подъехав к голубятне, легионер спешил. Это был высокий, мощного телосложения мужчина с темными глазами. Какие-либо другие черты сложно было рассмотреть из-за скрывающего лицо шлема и скрывающего кожу белого мундира, поверх которого была надета золотистая кираса. Тэрл уже знал, что доспехи Железного Легиона были сделаны не из золота, а из какого-то сплава прочнее железа, — но и тяжелее тоже. Человек, нося подобное, быстро утомился бы, но для сверхсильных легионеров — в самый раз.

Поэтому первым шагом в плане была попытка использовать вес легионера против него самого. Когда он поднимался по винтовой лестнице на голубятню, Корбейн выскочил ему навстречу, с размаху нанося удар дубинкой по лицу. Если бы этот удар достиг цели, покотившийся с лестницы противник уже вряд ли смог бы подняться.

Прошедший через нечеловеческие тренировки, легионер успел среагировать. Левая рука в металлическом наруче приняла на себя удар дубинки, даже не хрустнув. В правой руке как по волшебству появился короткий меч, и наверное, туго бы пришлось Корбейну, если бы Тэрл уже не переходил к следующей части плана.

Спрятанный до поры за полый плаща маленький арбалет, спроектированный Элиасом по Дозакатным схемам и получивший смешное имя «чо-ко-ну», выпустил стрелу в место, которое нельзя было полностью закрыть доспехами: в тыльную сторону коленной чашечки. Мощность у этого оружия была минимальной, — её едва-едва хватало, чтобы пробить одежду и кожный покров, но при попадании в столь уязвимую зону любой бы перестал соображать от боли.

Легионер был не любым. Он даже не отреагировал. Лишь чуть сбившийся удар меча дал понять, что ему хоть немного больно. Корбейн лишь чудом успел отшатнуться назад, оставив на лестнице кусок своих усов. А противник уже выхватывал свободной рукой винтовку.

Этого Тэрл позволить не мог. Отбросив в сторону арбалет, гвардеец ухватился за ствол оружия Дозакатных, пытаясь отвести его от своих. И хоть никогда он не считал себя слабым человеком, но сейчас было у него ощущение, будто он пытается руками остановить понесшего дестриэ.

К счастью, сила — это еще не все. Неожиданно изменив направление движения, Тэрл

опрокинулся на спину, увлекая противника за собой. На этот раз маневр имел успех: легионер, к тому времени полностью развернувшийся в его сторону, опрокинулся всем весом на гвардейца, тут же пытаясь достать клинком до его горла.

Трижды он атаковал, и трижды боевой опыт позволял Тэрлу увернуться. После третьего удара к дерущимся подобрался Корбейн и обрушил дубинку на затылок легионера.

Дубинка раскололась. Легионер медленно повернул голову.

— Извини, — улыбнулся кавалерист, предусмотрительно увеличивая дистанцию.

Противник переключился было на него, но подножка от Тэрла не позволила ему продолжить преследование. Он снова оказался лежащим на лестнице, но на этот раз Тэрл был сверху.

А тем временем его спутник, не принимавший участия в битве, подхватил трофейную винтовку.

— Сдавайся! — воскликнул он, нацеливая оружие на врага.

Впустую. Бойцы Железного Легиона были полностью лишены страха смерти. Резким движением железный стряхнул с себя Тэрла, после чего метким броском меча пригвоздил к стене руку солдата, сжимавшую рукоять винтовки.

Легионер остался безоружным, но безопасным он от этого не выглядел. Удары металлическими перчатками, нанесенные с его сверхчеловеческой силой, могли быть не менее смертельны.

Но вот — шаг, второй, а затем несокрушимая боевая машина покачнулась. Боец Железного Легиона ухватился за стену, чтобы не упасть, но ноги уже отказывали ему.

Потому что Тэрл не рассчитывал на болевой шок. Снаряжая его на миссию с похищением, Элиас выдал не только чо-ко-ну, но и состав, которым гвардеец смазал стрелы. Состав, вызывающий потерю сознания. Все, что оставалось, это занять противника на срок достаточный, чтобы зелье успело подействовать.

— Свяжите его, — распорядился Тэрл, обыскивая свою добычу.

После того, как с легионера сняли шлем, это оказался бритоголовый ансарр средних лет с застарелым клеймом на щеке. Денег или иного оружия помимо меча и винтовки у пленного не нашлось, а вот конверт был на месте.

Письмо было адресовано королю с пометкой «лично в руки», что вдвойне вызывало недоумение, почему Ильмадика не могла сообщить через магическую связь. Ведь Тэрл знал, что с королем она связывалась таким образом неоднократно.

Гласило же письмо следующее:

«Наш старый враг дал о себе знать. Задействуй любых агентов на Черном Континенте. Пусть любыми путями передадут Халифату информацию о том, что необходимо уделить особое внимание происшествию к западу от Этбайского хребта и его виновнику-чужеземцу. Как обосновать необходимость для халифа, решай сам. Но очень важно, чтобы он выделил на это все силы и не дал чужеземцу выхода к морю. Нельзя допустить, чтобы он вернулся на Полуостров.»

— Этбайский хребет, — задумчиво повторил Тэрл, — Кто-нибудь знает, где это?

Вопрос был риторический. На то, чтобы получить знание о географии Черного Континента, можно было надеяться, общаясь с учеными, изучавшими Дозакатные карты, но не с военными. Переворот Амброуса и развязанная им война поставили крест на перспективах ответного удара по Халифату, хоть, как показывало это письмо, какая-то агентура по ту сторону моря у Ордена все-таки была. Повстанцам же и вовсе было не до

того: их интересы целиком и полностью лежали на Полуострове.

— Ладно. Давайте-ка поскорее...

Распоряжение Тэрла прервал сигнал боевого горна с северо-западной стороны города. Сигнал тревоги.

Ильмадика предпочла бы осуществить задуманное прямо во дворце, но не хотела, чтобы кто-то рассказал об этом королю. Амброус был еще полезен, и ей совсем не хотелось потерять его сейчас.

Именно поэтому в сопровождающие она выбрала черных рабов, несших паланкин (не умела Владычица пользоваться таким варварским способом перемещения, как верховая езда), и телохранителей из числа Железного Легиона. Иными словами — тех, чья верность ей была несомненна.

В том, что ни один из адептов не выйдет из-под контроля, она больше не могла быть уверена.

Из тех, чьи мозги не были промыты, о предстоящем рассказать мог разве что городской глава, любезно предоставивший богине свой особняк с восхитительной красной ковровой дорожкой, но и он понятия не имел, что именно она задумала. Как и большинство мужчин, он совершенно терял критическое мышление от беспомощного взгляда и милой улыбки девушки.

Не знали, — пока не знали, — что происходит, и пришедшие по её зову кандидаты в новые адепты.

— Мои будущие рыцари, — улыбнулась Владычица самой обаятельной из своих улыбок, — Я так рада, так счастлива видеть вас здесь!

Перед ней выстроились трое городских мальчишек — один десяти лет, другой одиннадцати, третий восьми. Дети. Пластичное, живое сознание, которое позволит им освоить её магию быстрее, чем многим из взрослых, — исключая лучших, разумеется. Наивная, бездумная, очаровательная жестокость, что во взрослом возрасте сохраняется разве что у социопатов. А самое главное — отчаянное желание встретить того, кто отнесся бы к ним как к взрослым.

Ильмадика собиралась исполнить это желание.

— Я позвала вас сюда, потому что вы особенные. Не такие, как все. Вы трое — Избранные. Единственные, кто способен на то, что другим не по силам.

Работать с детьми было проще, чем со взрослыми, — хотя суть, на самом-то деле, не отличалась. Амброус, Килиан, Эрвин, Йоргис, Шнирке, — все они хотели видеть себя Избранными так же, как и эти трое мальчишек с горящими глазами. Но в то же время пообещай она им это прямым текстом, и ни один бы ей не поверил. Каждому из них приходилось подбирать свои собственные слова. Но в глубине души каждый хотел одного и того же.

Быть особенным. Такое простое, такое нелепое желание. Быть особенным — для неё и для мира.

И никто из них в своем тщеславии не задумался о том, что если особенные все, то не особенный никто.

— Но Госпожа, — несмело подал голос восьмилетний, — Что мы можем? Мы же слабы. Бессильны.

Умный мальчик. Ильмадика в его возрасте таких вещей не понимала.

Жизнь преподала ей такие уроки позже.

— У вас будет сила, — заверила его богиня, — Вы же Избранные. Сила ваша по праву. Разве не так? Следуйте за мной, и овладеете возможностями, каких большинство не могут и представить себе.

Заметка на будущее: ввести в обиход более удобоваримый альтернативный термин для магии, чем «псионика».

Как насчет «Чудеса»?

— И это еще не все, — продолжала она, — Сколько взрослые смотрели на вас сверху вниз? Просто потому что они больше и сильнее. Вы хотите, чтобы это прекратилось?..

Богиня обвела взглядом аудиторию, отмечая восхищение в глазах мальчишек.

— Кто из вас самый смелый? Пусть подойдет ко мне.

Казалось, они сейчас поубивают друг друга за право к ней подойти. Каждый хотел показать, что именно он — самый смелый.

Но в планы Владычицы драка не входила.

— Спокойно, господа. Я верю, что вам всем отваги не занимать. И подойти ко мне вы можете все вместе.

Точно рассчитанный момент. Они уже успели почувствовать сладкий вкус конкуренции. Но еще не успели выплеснуть энергию в примитивном мордобое. На этот потенциал у Ильмадики были большие планы.

Пока же трое будущих адептов подошли к ней, выстроившись в неровную шеренгу. И рассеяв белой пылью тонкую золотую цепочку, Владычица начала творить свою ворожбу.

Щедро вливая полученную энергию в тела детей, она изменяла их, вылепляла из них тот образ, что стоял перед её внутренним взором. В сиянии её чар они росли на глазах, будто зрачок кота, готовящегося к прыжку. Затрещала, разрываясь, одежда, слишком маленькая для их нового обличья.

И вот, минуты спустя, на месте трех милых детишек стояли трое прекрасных молодых мужчин. Высоких, мускулистых, с гладкой кожей и правильными чертами лиц слегка восточного вида, — к восточным мужчинам Ильмадика питала слабость еще в Дозакатные времена. И все же, в них оставалось достаточно от их прежней внешности, чтобы они могли поверить, что именно такими должны стать, когда вырастут.

— Вы ведь хотели быть взрослыми, неправда ли? — лукаво подмигнула Ильмадика, наблюдая, как её новые адепты оглядывают себя.

Да. Они принадлежали ей — с потрохами. Осталось лишь закрепить эффект.

Познакомить их с новыми для них реакциями их тел и навсегда запечатлеть их на себя.

— Время вам, мои дорогие рыцари, почувствовать, что такое быть по-настоящему взрослыми, — добавила Владычица, одним движением ослабляя завязки платья.

И красный бархат упал к её ногам.

Обнаженный мужчина неспособен скрыть своей реакции на красоты совершенного женского тела, — впрочем, не сказать чтобы и без того богиня сомневалась в своей способности завлечь любого из них. Сейчас она подарит им лучшую ночь в их жизни; ночь, которую они не забудут никогда. А чтобы это повторилось, им придется заслужить её благосклонность.

Кто-то назвал бы это проституцией, но Владычица предпочитала термин «инвестиции».

Один из новых адептов, ныне выглядевший как аристократически-бледный готический брютет, сориентировался первым. Подойдя к Ильмадике, он крепко обнял её и поцеловал в

губы. На вкус богини, его поцелуй был слишком жестким, а объятие неуклюжим, но она не позволила ему и на секунду это почувствовать. Напротив, ее тело откликалось, как будто сейчас с ней был лучший мужчина в её жизни.

Как и предыдущие двадцать.

Мягко, незаметно Владычица начала брать инициативу в свои руки... И тут их грубо прервали.

Звон разбитого стекла. Грохот выстрела. Вспышка боли, пронзившая висок.

Ильмадика ненавидела, когда ей стреляли в голову. Почему-то все, кто сталкивался с регенерацией Владык, первым делом думали, что голова может быть их уязвимым местом. Что ж, первые ее подопытные действительно обладали такой слабостью. Ильмадике пришлось приложить немало усилий, чтобы отделить восстановление мозга после механических повреждений от ментальной стагнации из-за отката формирующихся нейронных связей. Но она с этим справилась, и после этого пули в голову ничего кроме раздражения у нее не вызывали.

Еще до того, как зрение восстановилось, Владычица взмахнула рукой, ориентируясь на эмоциональный фон. И двое людей в штатском, бесстыже подглядывавших за ней через окна, влетели в помещение.

О, как ее новые адепты на них набросились! Поистине, лучший способ увидеть по-настоящему дикого зверя — помешать мальчишке, едва-едва осознавшему свою сексуальность, на самой грани исполнения его мечты. Право же, в этот раз мятежники сыграли на руку ее планам, как никогда не сыграла бы даже она сама.

— Мои рыцари, вступитесь за мою честь! — крикнула она, взмахивая рукой.

Три клинка, созданных из сверкающих силовых полей, появились перед ее новыми адептами. Пусть. Пусть почувствуют вкус подвига. Из героев выходят отличные слуги.

Тем более что ее новая, экспериментальная троица адептов значительно превосходила простых людей силой и скоростью. Выучки им не доставало, но по сути дела, они постоянно находились в боевой форме. Глобальная перестройка организма имеет свои преимущества.

А главное, противники видели, что сражаются с детьми. И при всей своей подготовке не готовы были хладнокровно бить на поражение. Идиоты. Они не понимают, что нет на свете более безжалостных убийц, чем дети.

Силовой клинок рассек ствол винтовки, которой пытался прикрыться тот мятежник, что ранее стрелял в нее. Еще удар — и сразу два клинка пронзили его грудь. С легким запозданием Владычица поняла, что может не успеть отдать еще один важный приказ.

— Взять живым!

Второй мятежник все-таки попытался перейти в контрнаступление. Шпага в его руке оставила рану на боку не ожидавшего такого адепта, заставив его вскрикнуть от боли. Ильмадика подумала, что когда она будет лечить раненого, нужно передать ему девять частей нежности и заботы на одну часть эротизма и сексуальности. Тогда остальные еще позавидуют, что ранили не их.

И будут еще больше готовы рисковать ради нее.

Мятежник допустил серьезную ошибку. Он дал противникам напасть на него одновременно. Даже будь они вооружены обычным оружием, даже самый лучший на свете мастер фехтования не смог бы отражать удары сразу трех бойцов. Раз, два — и силовой клинок отсек ему кисть руки. Три — и удар по голени заставил его рухнуть на колени.

Ильмадика чуть поморщилась. Из однорукого калеки выйдет плохой слуга, а тратить

силы на лечение какого-то раба ей совсем не хотелось. Впрочем, главное, ради чего она приказала оставить в его живых, она все-таки получит.

Жестом отстранив одного из своих новых адептов, Владычица положила руки на виски пленного. Сейчас он расскажет ей все.

— Именем Ильмадики, открыть ворота!

Тэрл никогда не считал себя слабым человеком. Но сейчас чувствовал, что сил его тела не хватает, чтобы тащить тот груз, что он взвалил на себя.

Когда единственный выживший из солдат, отправленных проследить за Владычицей, сообщил о том, что случилось с остальными, первым порывом гвардейца было попытаться силой прорваться через ворота. Очевидно было, что их вот-вот найдут, и тогда им несдобровать.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что попытка идти на прорыв — это точно такой же стратегический проигрыш. Их было слишком мало, а городские ворота на время присутствия здесь Владычицы были закрыты и открывались лишь по необходимости. А значит, прорваться через них на скаку будет невозможно.

Тогда и настало время действовать не силой, а хитростью.

Доспехи Железного Легиона были сделаны все-таки не из золота, несмотря на характерный оттенок: золото — мягкий металл, легко деформирующийся от сильного удара, этот же неплохо держал даже пули. Но вот весили эти доспехи если и меньше, чем чистое золото, то ненамного.

И все-таки Тэрл надел их. Вместе с белым (хоть и теперь изрядно испачканным) мундиром Железного Легиона. Золотистый шлем скрыл его лицо, от чего шея немедленно заболела. Что до его спутников...

Спутников его пришлось демонстративно связать — вместе с пленным ансарром, теперь закутанным в плащ с капюшоном.

— Что надо? — не очень вежливо откликнулся стражник со стены.

— Везу захваченных шпионов в столицу для допроса, — ответил Тэрл, стараясь подражать бесстрастному голосу легионеров, — Вы должны открыть ворота.

— Мне ничего об этом не говорили, — как-то неуверенно сказал стражник.

Сейчас бы надавить авторитетом командования, — но какой может быть авторитет у безвольной куклы. И даже фраза «Слышал сигнал рога? Так вот, это мы поймали шпионов» звучала бы неуместно. Слишком по-человечески.

— Я выполняю приказ Госпожи Ильмадики, — отчеканил воин, — Тот, кто чинит мне препятствия, будет признан мятежником и уничтожен.

Бойцы Железного Легиона не угрожали. Они предупреждали. И вот этому предупреждению стражник внял.

— Ладно, ладно, не кипятись, — примирительно сказал он, берясь за ворот.

Заскрипели веревки, приводя в движение механизмы. Медленно, очень медленно, ворота стали открываться.

Как Тэрл хотел двинуться вперед, не дожидаясь их полного открытия! Казалось, с каждой секундой, что он ждет, шансы выбраться из этой передраги живыми снижались на глазах. И все же, нужно было играть роль до конца. До конца придерживаться плана.

По крайней мере, пока план не пришлось менять.

— Именем Ильмадики, закрыть ворота!

Это не был голос легионера, — возможно, один из тех детей, которых магия Владычицы ускоренно превратила во взрослых. Но Тэрл не стал дожидаться, когда окликнувший с своими спутниками приблизится к воротам. Разбирательство неизбежно выявит обман.

Сорвав с пояса пистолет, гвардеец одним уверенным, прицельным выстрелом снял растерявшегося стражника, не дав ему начать вращать ворот в обратную сторону. Благо, образовавшегося проема было достаточно для нескольких всадников.

— Быстрее! Но!

Пришпорив коня, Тэрл первым прорвался через ворота. За ним последовал Корбейн сидевший на одном коне с единственным настоящим пленником. Благо, узлы на руках фальшивых пленников были сделаны лишь для вида, и освободиться от них не составляло труда даже на скаку.

Грохот выстрелов. Крики боли и лошадиное ржание. Некогда оборачиваться. Некогда считать потери.

Нужно было как можно быстрее преодолеть открытый участок вокруг городских стен. В лесу будет проще.

Еще одна порция ржания, исполненного лошадиной боли, — на этот раз со стороны преследователей. Умница Корбейн, проезжая через ворота, рассыпал «вороньи лапки» — звездочки из металлических шипов для ранения конских ног. Это даст им небольшую фору.

К сожалению, очень небольшую.

Топот преследователей был все ближе. Легионеры уже не стреляли, видимо, растратив все патроны в первые секунды погони, но их фанатичное упрямство и готовность без сожаления пожертвовать своей жизнью позволяла им скакать на такой скорости, какую никогда не рискнул бы развить нормальный всадник.

К моменту, когда беглецы достигли леса, из всей группы остались лишь Тэрл и Корбейн со своим грузом.

— Скачи вперед! — крикнул Тэрл, резко снижая скорость и разворачиваясь.

Нельзя было дать всем, кто погиб во время операции, погибнуть напрасно. Успех миссии — превыше всего.

Гвардеец рубанул мечом вслепую, но инстинкты и боевой опыт не подвели его. Хотя удар в грудь не пробил тяжелых доспехов легионера, сила столкновения была такова, что тот просто слетел с лошади, изломанной куклой падая на землю.

Одним меньше.

Будущие адепты безнадежно отстали, а один из легионеров, видимо, принял на себя ловушку Корбейна, но к Тэрлу подступали еще трое. А это — ровно на трех легионеров больше, чем те, с которыми гвардеец был готов сражаться в таких условиях.

Поэтому, убедившись, что все они следуют за ним, он задал стрекача, забирая влево, в сторону озера.

Пистолет перезаряжать было некогда, а из винтовки при такой скачке он ни во что бы не попал. Про чо-ко-ну даже вспоминать было смешно. К тому же, замедлившись на развороте, Тэрл безнадежно уступал в скорости своим преследователям.

Играло ему на руку хорошее знание местности. Гвардеец видел, как преследователи заходят к нему с флангов, пытаюсь зажать в тиски, замедлить — и взять тепленьким. Он сопротивлялся этому, но лишь для вида.

Потому что его такой результат устраивал.

И вот, он в тисках. Не имея возможности нормально маневрировать. Из последних сил

принимая на тяжелую легионерскую броню сыплющиеся со всех сторон удары.

Лишь до той поры, пока до легионеров не дойдет, что он выбрал эту тропу сознательно. Что очень скоро — участок, где она проходит между двух больших поваленных деревьев. Обходить которые пришлось бы очень долго, и уж точно это потребовало бы более быстрого торможения, чем можно было позволить себе на таких скоростях.

Минус два.

Проскочив между двух деревьев, Тэрл выехал на берег озера и дальше двинулся вдоль него. Последний оставшийся легионер, разумеется, не отставал: зайдя справа, он стал медленно, но неуклонно оттеснять гвардейца в воду. Этот явно имел хороший опыт верховой езды; из такой позиции, с какой он подходил, он имел решающее преимущество.

Тэрл попытался снова пустить в ход меч, но на этот раз противник был к этому готов. Прямо рукой в бронированной перчатке перехватив клинок за лезвие, легионер дернул его на себя, — и Тэрл был вынужден выпустить оружие, чтобы удержаться в седле. Мгновение неустойчивости противника дало возможность ударить его кулаком, — но тот, казалось, этого даже не заметил.

Только продержаться... Продержаться...

В тот момент, когда лошадь споткнулась, Тэрл подумал, что это конец. Но нет: сегодня Истинный Бог благоволил ему. Лошадь не упала, не сломала ногу, и даже он сам из седла не выпал. Но теперь скакать приходилось не по земле, а по мелководью, что тоже скорости не прибавляло.

Осталось немного... Совсем чуть-чуть...

Мелькнула перед глазами шпага, лишь чудом не угодив в глазную щель. Противник явно не собирался прекращать таких попыток, и все, что мог сделать Тэрл, это прикрыться рукой в бронированной перчатке. За время этой погони доспехи неоднократно спасали ему жизнь, но благодаря им же он был вымотан уже настолько, что о контратаке и речи не могло быть.

Почти, почти... Вот оно!

Впереди береговая линия сходилась с тропой на северо-восток, по которой ранее ускакал Корбейн. Верный кавалерист ждал своего командира.

С заряженным пистолетом наготове.

Хоть пуля и не пробил неведомый металл, из которого были сделаны доспехи Железного Легиона, угодила она прямо в лоб. С громким хрустом шея легионера переломилась.

Тэрл наконец-то смог выдохнуть.

— Отличная работа, — сказал он, замедляясь, — Дадим лошадям пару минут передохнуть, и двинемся дальше. Мы должны успеть в Альбану за один переход... Только дай я сперва сниму эти гребанные доспехи.

Иногда чтобы прослыть пророком, достаточно просто быть пессимистом.

Именно эту народную мудрость снова и снова вспоминал Вотан, через прорезь в стене палатки наблюдая за приехавшими всадниками. Яруб не терпящим возражений тоном приказал ему не показываться на глаза слугам халифа, боясь, что пребывание в поселении ансарров белого гостя прогневает их. И все же, ни знахарь, ни его ученик не могли и на секунду допустить, что появление их в ближайшие дни после памятного разговора было простым совпадением.

Не бывает таких совпадений. В смысле, не бывает, чтобы они были по-настоящему

случайными.

Это Вотан знал, как никто другой.

Лица семи всадников были закрыты черной тканью. Здесь, в пустыне, это было вопросом не обычая, а здравого смысла. И все же, определить среди них предводителя, одного из младших адептов Лефевра, не составляло ни малейшего труда. И даже не из-за характерных для колдунов Халифата светлых глаз, контрастировавших с темной кожей. Слишком ярко сияли, несмотря на дорожную пыль, золотой воротник, браслеты и пояс. Слишком властно, уверенно он держался. Как будто люди перед ним были лишь пылью под его ногами.

Пожалуй, в глазах слуги Халифата так оно и было.

— Господин...

Яруб склонился в подобострастном поклоне. Стоявший за его правым плечом Джамиль повторил его жест, хоть на какие-то мгновения и позволил проникнуть на свое лицо выражению бессильного гнева. Черных ненавидели. Пожалуй, все ансарры разделяли эту ненависть. Но поделаться с этим они ничего не могли: вздумай они бунтовать, вся деревня полегла бы под выстрелами пары солдат со штурмовыми винтовками Дозакатных.

Что уж говорить об адепте, перед которым ансарры испытывали не меньше священного ужаса, чем их черная родня?

— Господин, мы не ждали вас так скоро, — продолжал знахарь, — Мы успели собрать не так много, но надеюсь, что великий халиф Намир оценит по достоинству наши дары.

Адепт перевел безгливый взгляд на сваленные в кучу дары, которыми маленькое племя откупалось от всемогущей империи, властвовавшей над континентом. Керамика, изделия из глины и кости. Кожаные доспехи для воинов и сушеное мясо, незаменимое в дальних походах. А самое главное — пара горстей золотой пыли, адским трудом отмытой из золотоносного песка. Главное, ради чего Халифат вообще до сих пор позволял племени условно-свободно жить на условно-своей территории.

— Мало, — фыркнул адепт, — Твои обезьяны совсем обленились.

— Господин, но вы должны понять... В прошлый раз у нас забрали слишком много трудоспособных мужчин. Те, кто остались, работают медленнее... А времени было немного...

— Молчать! — рявкнул черный, — Я никому и ничего не должен! Ты знаешь, что вы должны делать, чтобы покупать свою свободу. Если вы этого не делаете, выходит, своей свободой вы не дорожите.

Вотан уже знал, что это значит: в конце концов, первые ансарры, с которыми он встретился, были рабами, используемыми Халифатом на самых тяжелых и неблагодарных работах. Насколько он знал, такими были большинство представителей их народа, за вычетом тех, кому выгоднее было дать определенную степень свободы.

— Скольких вы заберете на этот раз? — спросил Яруб обреченным тоном. Он уже потерял таким образом сына. Но бороться с Халифатом знахарь был не в силах.

— Подумаю, — отмахнулся адепт, после чего в его голосе вдруг появились какие-то гаденькие нотки:

— Впрочем, в одной претензии ты прав. Мы забрали много трудоспособных мужчин, и нам ни к чему ослаблять золотодобытчиков еще больше. Халифу и его верным служителям давно нужны свежие наложницы. А ну-ка, созови сюда всех девочек и женщин племени!

Джамиль заскрежетал зубами. Вотан знал, что у воина была молодая и красивая жена,

которая наверняка заинтересует черных. Заметил его реакцию и один из солдат Халифата, предупредительно нацелив на Джамиля винтовку, но пока не торопясь стрелять.

Прочие же солдаты с энтузиазмом ринулись кнутами и пинками сгонять, как скот, перепуганных женщин. Кое-как выстроив их в шеренгу, адепт заставил их открыть лица и стал проходиться вдоль ряда, ощупывая и комментируя каждую:

— Эта уже стара... А эта страшна, как задница шайтана... А вот эта очень даже хороша. Пожалуй, оставлю ее себе. А тут у нас что? Еще не созрела, но уже видно что будет писаной красавицей. Ее тоже берем. Дальше...

Всего он отобрал четырнадцать девушек — почти треть племени. Тринадцати из них по его приказу надели колодки, соединив одной цепью, привязанной к луке седла. Четырнадцатую, отобранную лично для себя, — Нагму, — адепт посадил перед собой. Ей не придется идти пешком, но счастливой по этому поводу она явно не выглядела.

А между тем, Вотан вдруг понял, что аргументы, которыми он убеждал себя оставаться в палатке, стали казаться чем-то до отвращения мелким и неважным. Наверное, стоит пережить полное крушение идеалов, чтобы выковать в пламени личного Ада свои собственные идеалы. Наверное, он вдруг понял, что расчет и здравый смысл склоняются перед простым принципом. Не дать случиться тому, чего ты не хочешь.

А может быть, дело в том памятном разговоре с Ярубом. Вотан боялся подвести людей, которые спасли его. Боялся глупой выходкой завести их в западню, из которой нет выхода.

Но он знал, что выход есть. А значит, можно не бояться.

Не бояться и делать то, что считаешь правильным.

Из палатки Вотан вышел с открытым лицом. То еще лицо было, если честно: он никогда не принадлежал к числу тех, кто считал пиратскую повязку на глазу чем-то крутым. А учитывая, что черты лица у него были тонкие и изящные, ни капельки не brutальные, смотрелось это и вовсе не столько круто, сколько нелепо. Хотя слегка сглаживали картину раздуваемые пустынным ветром длинные темные волосы, делавшие его силуэт визуально немножко больше.

— Господа, прежде чем вы уйдете, я хотел бы задать вам один вопрос, — громко сказал он на Дозакатном языке.

Адепт бросил на него удивленный взгляд, после чего воззрился на перепуганного Яруба:

— Подлый шакал! Ты сговорился с чужаками?!

Знахарь даже не нашелся, что ответить. Казалось, ужас сковал его, как лед реку.

Но ему и не требовалось говорить.

— Теперь два вопроса, — снова подал голос Вотан, — Первый: вы полагаете, что вежливо говорить с кем-то другим, игнорируя тех, кто обращается к вам?

— Ты вздумал учить меня манерам?! — взвился черный.

— ...и второй вопрос, — невозмутимо продолжал чужестранец, спокойно приближаясь к всадникам, — Интересовало ли вас когда-нибудь... как умер Лефевр?

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. На какие-то секунды воцарилась тишина. Даже ансарры, не верившие в Лефевра и вообще Владык, не могли помыслить о том, чтобы сказать такое вслух. Что уж говорить о черных?

Первым нашелся, что сказать, адепт. Что, в общем-то, не удивляло.

— Богохульник! — закричал он, — Да за такие речи тебя протащат лошадьми до самой столицы! Взять его!

— А лошади верят в Лефевра? — невинно осведомился Вотан, — Кстати, ты никогда не

задумывался над таким вопросом? Почему боги, все из себя такие всемогущие, перекладывают наказание богохульников на смертных? Может, им плевать на то, что считает богохульством человек? Или просто они не такие уж могущественные?

Адепт жестом остановил своих солдат и расхохотался:

— Ты хочешь увидеть могущество Лефевра, чужеземец? Узри же!

Один из браслетов на его левой руке рассыпался иридиевой пылью. В руке черного колдуна начала собираться энергия для разрушительного разряда молнии.

— Неплохой фокус, но не более того, — пожал плечами чужеземец, — Как насчет того, чтобы сравнить на практике силы наших богов? Помериться, так сказать, у чьего бога длиннее?..

Адепт Лефевра снова расхохотался:

— Не смей меня, язычник. Христианский Бог не проявлял себя с библейских времен.

— О, ты знаешь, что такое Библия? — с легким удивлением переспросил Вотан, — Любопытно. Только вот есть одно «но». Я не христианин.

Он улыбнулся, вспоминая главную истину, что осознал накануне своего падения. Истину, даже сейчас наполнявшую его спокойствием и силой.

— Единственный мой Бог — это я сам.

— За подобную ересь я сдеру с тебя кожу и залью глотку расплавленным свинцом, — пообещал адепт, — После того, как ты падешь ниц перед могуществом Лефевра. Что ж... Твори свою магию, чужеземец. У тебя одна попытка.

Вотан улыбнулся. Ему и была нужна лишь одна попытка. На одну попытку у него и были силы. На одно применение чар, что когда-то открыли для него, что значит наполнять заклинания не заемной силой, а лишь своим внутренним светом.

Лишь знанием, что делаешь то, к чему лежит твое истинное желание.

Адепт так и не выпустил заготовленную молнию. Буквально подавившись заготовленным заклинанием, он захрипел и сполз с лошади, когда тонкий золотой шип, отделившись от его собственного воротника, пронзил трахею.

— Кажется, у моего Бога длиннее, — сделал вывод Вотан, подходя к поверженному противнику.

Тот был еще жив и теперь захлебывался собственной кровью. Покачав головой, чужеземец достал из ножен противника саблю и нанес удар милосердия прямо в сердце. А заодно — подобрал один из золотых браслетов, прежде чем выпрямиться и посмотреть на солдат.

— Господа, я даю вам один шанс уйти по-хорошему.

Разумеется, они не прислушались. Не вступая больше в пререкания с наглым чужеземцем, солдаты взяли оружие наизготовку.

— Как хотите, — пожал плечами Вотан, отпуская, наконец, сдерживаемый гнев и позволяя ему преобразить его тело. Вернулась боль, ломавшая его с самого падения; как будто одно превращение перечеркнуло все время, что он провел, стараясь притерпеться к ней. Но сейчас это было неважно. Он знал, чего хочет: спасти этих людей. А когда знаешь, чего хочешь, очень многое перестает быть важным.

Казалось, время замедлилось. Даже в боевой трансформации он не смог бы увидеть пулю в полете; однако солдаты Халифата просто не успевали водить стволами за стремительнодвигающейся мишенью. Развевая захваченный браслет, Вотан поразил разрядом молнии сразу троих. Их тела еще не успели осесть на землю, а он, проскочив

между ними, поразил четвертого саблей в лицо. Двое оставшихся бросили винтовки и выхватили собственные клинки, пытаясь зажать противника в клещи.

Однако в эту игру можно играть и вдвоем. Клинок одного из убитых вдруг оторвался от земли и ударил в спину еще живому. Последний боец остался один на один со стремительным черным демоном, и шансов у него не было.

Вся битва не заняла и пяти секунд.

— Снимите с них колодки, — приказал Вотан, возвращаясь в человеческий облик.

Он не удержался от стога. Вернувшаяся боль не исчезла после завершения трансформации. Но странное дело: то, что некогда казалось ужаснейшей из адских мук, сейчас воспринималось как нечто... терпимое.

После же того, как в глазах прояснилось, первым, что увидел Вотан, стало разозленное лицо Джамия.

— Чужеземец! — воскликнул ансарр, — Ты хоть понимаешь, что ты наделал?! Ты погубил нас всех!

Вотан хотел было возразить, привести свои, несомненно правильные соображения, но был слишком ошеломлен новым приступом боли. Зато неожиданно за него вступилась Нагма:

— Что наделал? Спас нас, может? Пока ты, Джамиль, просто стоял и смотрел!

— Ну, да, — фыркнул воин, — Лишь до того момента, как халиф обнаружит отсутствие своих посланников и пришлет карательный отряд. Вместо четырнадцати человек мы потеряем сорок шесть.

— Нет, — вдруг громко и четко сказал Вотан.

Боль никуда не исчезла. Но снова вернулась она на то место, что он отвел ей. В самую глубину.

Туда, где она не будет ему мешать.

— Нет, — повторил чужеземец, — Никого мы больше не потеряем. Пусть присылают свой карательный отряд. Мы дадим им бой на наших условиях. И победим.

— Это безумие, — почти прорычал Джамиль, — Ты представляешь себе силы Халифата? Нас просто раздавят!

— Представляю, — спокойно ответил Вотан, — Я не ставлю себе целью уничтожить Халифат. Но выжить и победить — это мы сможем. Если будем следовать плану.

— Джамиль, руганью делу не поможешь, — подал голос Яруб. После чего спросил:

— Что за план?

Благодарно кивнув, чужеземец заговорил:

— Приготовьте все, чтобы покинуть это место. Вы больше не будете мыть золото для Халифата. Вместо этого мы двинем на восток, в сторону Этбайского хребта, так, чтобы ваши кочевые предки вами гордились. Но прежде мне понадобится селитра. Точнее, прежде всего сера, но она наверняка найдется в запасах у этих ребят.

— Хочешь изготовить порох? — осведомился Джамиль, — Брось. Я думал об этом. Мы не сможем изготовить огнестрельное оружие, способное тягаться с их винтовками.

— Я не говорил, что мне нужно огнестрельное оружие, — с легким раздражением ответил чужеземец, — Я говорил только что мне нужны сера и селитра. Хотя винтовки — раздай лучшим воинам племени. Кому именно — выберешь сам.

Он не собирался тратить время и силы на объяснение процесса получения серной кислоты через окисление оксида серы, использования ее для получения азотной кислоты из

селитры и купоросов из обычного железа — конечного «отхода» всех магических преобразований. Не собирался он и заострять внимание на том, как заклинание молнии позволит ему получить необходимый для окисления озон, и вообще на всей магической части.

Главное, что у них будет инструмент, необходимый для исполнения его плана.

— Еще нам потребуется животный жир, — добавил он, — Если что, его тоже можно вытопить из солдат.

По ужасу на лицах некоторых из ансарров он понял, что его несколько занесло.

— Это какие-то... страшные практики, — озвучила общее мнение Нагма.

Но прежде, чем чужестранец успел сказать что-либо в свое оправдание, она добавила:

— Но если это поможет, то я готова этим заняться. Я верю тебе, Вотан. И пойду за тобой.

— Спасибо, Нагма, — серьезно кивнул мужчина, — Но только еще одно. Не зовите меня Вотаном. Это... не мое имя. Это имя древнего бога из преданий мифического Севера. Я принял его, потому что хотел дистанцироваться от себя прежнего. Но сейчас я понимаю, что это была ошибка. Я прежний, я нынешний, я будущий — все это один и тот же человек. И даже если где-то я ошибался, я не отрекусь от своих ошибок, а извлеку из них полезный опыт.

Чародей улыбнулся — светло и уверенно. Целостно.

— Если вы пойдете за мной, вам нужно знать мое настоящее имя.

Глава 4. Дорога на двоих

Для эксперимента Ланы был выделен небольшой домик у восточной стены Альбаны. Князь категорически воспротивился самой мысли о том, чтобы проводить одного из фанатиков Ильмадики внутрь замка. Но и делать что-либо у всех на виду тоже не было вариантом. У стен есть уши, и чем меньше знает враг, тем лучше.

По той же причине сама поприсутствовать Лейла не могла: в последнее время она не покидала не то что замок, но даже собственную комнату. Рассказать ей о результатах должны были Лана, Элиас и Роган.

— Привет, — поздоровалась Лана, входя в домик и оглядывая скудную обстановку. Голые деревянные стены, закрытые ставни, стол с распятым на нем мужчиной, и на этом все.

— Здравствуйте, эжени, — учтиво поклонился Корбейн.

Тэрл ограничился коротким кивком, не отрывая взгляда от пленника.

А пленник был недоволен. Из всех сил он напрягал могучие мускулы и рвался, сиюсь освободиться, так что на какие-то секунды Лана даже испугалась, а выдержат ли его ярость стальные цепи.

А еще секунды спустя чародейка узнала его. Это был Хади — предводитель команды ансарров, помогавшей Килиану и Ильмадике. Тот, кого Килиан просил помогать Лане в его отсутствие.

И тот, кто, порабощенный королем, бросил ее в застенки, где ее едва не изнасиловали.

— Зрачки чуть расширены, — сообщил тем временем осматривавший пленника Элиас, — Вероятно, следствие промывания мозгов, но по всей видимости, единственное обнаружимое с моей стороны. Я тут ничего не могу сделать: это вопрос магии, а не науки.

— Для адептов одно неотделимо от другого, — напомнил Роган, но Лана проигнорировала их дальнейшую беседу.

Подойдя со стороны головы, чародейка положила горячие ладони на бритый затылок ансарра.

— Успокойся, — тихо произнесла она, — Я не причиню тебе вреда. Это для твоего же блага.

Легионер так явно не считал, — или не считала ментальная программа, заложенная в него Амброусом. Он продолжал вырываться, но Лана хоть и прикасалась мягко, удерживала контакт с твердостью и уверенностью, неожиданными для тех, кто плохо знал ее и судил по стереотипам.

«Доверься мне...»

Её голос проникал прямо в мозг ансарра, минуя уши. Кожа ладоней мелко вибрировала, пытаясь поймать с ним единую волну.

«Я здесь. Не бойся...»

Бритый затылок был скользким на ощупь: легионер весь вспотел, сопротивляясь вторжению в свой разум. Сопrotивляясь попыткам переписать то, кем он был.

Нет. Это программа заставляла его так считать. Это она видела в Лане угрозу. Это она сопротивлялась.

Программа подчинения, но не истинная его суть.

«Я не заставлю тебя меняться. Я лишь помогу тебе вспомнить, кто ты такой...»

Медленно, но верно защита начала поддаваться. Тепло ее магии, ее сердца, ее души проникало в самую глубину — туда, где прятался, забитый и затравленный чужими чарами, настоящий Хади.

Еще немного, еще чуть-чуть...

— Тебе знакомо название «Этбайский хребет»? — спросил тем временем Тэрл у Элиаса.

Ученый кивнул:

— Это горная гряда на северо-востоке Черного Континента. К юго-востоку от Полуострова. Она проходит с севера на юг и отделяет один из портовых городов, нанесенных на карты после экспедиции Герцога к берегам Халифата, от пустыни, которая, если верить Дозакатным картам, делит населенные земли Континента на северную и южную часть...

Лана раздраженно дернулась.

— Господа, я вам тут не слишком мешаю? — проворчала она, — Если вам позарез надо что-то обсудить, пока я занимаюсь общим делом, делайте это так, чтобы я вас хотя бы не слышала!

Элиас хотел было что-то возразить, но Тэрл поднял руки, сдаваясь. Чародейке очень хотелось продолжить высказываться, но она боялась, что потеряет накопленную энергию, и к тому времени, как она ее накопит снова, защита заклинания восстановится.

Поэтому она лишь фыркнула, как кошка, и снова вернулась к своему занятию. Полилась негромкая, протяжная песня. В ней не было слов: смысл ее был предназначен не ушам, но сердцу.

«Проснись. Оживи. Стань собой.»

Пленный ансарр постепенно затих. Дозваться до него было гораздо сложнее, чем до Лейлы: недостаточно хорошо Лана его знала. Но постепенно настоящий Хади поднимался со дна.

Как утопленник.

«Проснись. Стань собой. Воин Ильмадики — это не ты.»

И тут Лана поняла, о чем нужно напомнить ему. Быть может, помогло то, что ее ладонь случайно коснулась застарелого, почти незаметного глазу клейма на лице. А может, ей просто вспомнилась история этого человека.

«Хади. Ты — не раб.»

И вспыхнул золотой свет. Загорелось, исчезая на глазах, клеймо на щеке лидера ансарров. Руки девушки обожгло жаром, — но она не отрывала их от головы пленника, зная, что результат её исцеления определяется в эти самые секунды. Хади закричал, выгнувшись дугой, — а потом затих.

Опустив руки, Лана отошла назад, тяжело дыша. Это заклятье выпило из нее массу сил, и против воли она задумалась о том, сколько ресурсов пришлось бы потратить адепту, направляющему почти всю свою творческую энергию на подпитку своего Владыки, чтобы повторить то же самое.

— Получилось? — осведомился Роган.

Элиас, Тэрл и Корбейн голоса не подавали, но смотрели на нее с надеждой. Они ждали от нее чуда, вдруг поняла Лана. Выросшие там, где практически не было магии, они смотрели на все то, что творили чародеи, как на сказку. Страшных сказок Ильмадика и ее адепты уже обеспечили им с лихвой. И теперь они ждали от Ланы, что она даст им сказку, которая позволит поверить в лучшее.

А она... она не знала, что ответить. Силы ее в заклинание ушли. Но вот хватило ли их, чародейка сказать не могла.

К счастью, ей и не пришлось.

Со стоном пошевелившись, легионер разлепил глаза. Взгляд его неуловимо изменился, став осмысленным, цепким и пронизательным.

— Дайте воды, пожалуйста, — слабым голосом попросил ансарр.

Полчаса спустя, после того, как все необходимые проверки были проведены, и полное освобождение легионера от чар было засвидетельствовано, группа собралась в башне Лейлы в замке Альбаны. Помимо самой маркизы, к ним присоединились также Фирс, Бофор и новый наемник маркизы, Матеас Саймон.

Это был высокий, подтянутый мужчина лет тридцати, с острым ястребиным лицом и прямыми коричневыми волосами до середины шеи. Серые, стального оттенка глаза смотрели цепко и пронизательно, выдавая интеллект и осторожность. Одет он был в зеленый охотничий костюм с коротким плащом, который наверняка отлично маскировал его в лесу.

— Итак, теперь с нами «бывший» легионер Ильмадики? — криво усмехнулся наемник.

— Да, — совершенно невозмутимо ответил Хади. Кажется, сарказм в голосе Матеаса просто-напросто прошел мимо него.

— Разумеется, с невероятно ценной информацией о наших врагах? — продолжал задирать тот.

Ансарр пожал плечами:

— Людям с промытыми мозгами рассказывают не так уж много. Но я могу нанести на карты нынешнее расположение отрядов и тренировочных баз Железного Легиона. Точечный удар сможет нанести армиям Владычицы большой ущерб. Кроме того, мне кажется важным предупредить. Между Владычицей и королем все не так гладко, как может показаться со стороны. Недалек тот день, когда она решит избавиться от него. И то, что он чувствует неустойчивость своего положения, делает его еще более опасным. Нет человека страшнее, чем тот, кому нечего терять.

Он уже вполне прилично говорил на идаволльском, хоть, насколько знала Лана, еще пару месяцев назад не знал языков Полуострова вовсе. Похоже, в этом легионеров гоняли столь же нещадно, как и в физической подготовке.

— Это все интересно, — ответила Лейла, — Но сейчас на повестке дня другой вопрос. Фирс.

Поклонившись, разведчик раздал собравшимся по три папки.

— В первой сведения разведки по Землям Порчи к северу от Альбаны, — пояснил он, — Во второй — сведения мэтра Элиаса о том, что располагалось там до Заката. В третьей — то, что мы узнали из видений эжени Иоланты.

— Снова Земли Порчи? — переспросил Тэрл, всматриваясь в карты местности.

— Лана, прошу, — сказала маркиза.

Чародейка по-быстрому пересказала ход своей встречи с представителем существ из Земель Порчи и результаты, к которым они пришли. Воин хмурился, но не высказывал и слова против. Хотя видно было, что сама идея переговоров с чудовищами кажется ему чем-то противоестественным.

А вот Матеас присвистнул:

— Мощно, — оценил он, — То есть, если все получится, Твари окажутся на нашей

стороне?

— В идеальном случае, — ответила маркиза, — Как бы то ни было, нам не стоит медлить с этим походом. Нужно проделать все быстро и тихо, чтобы Амброус даже не узнал о происходящем. Пусть он продолжает рассчитывать на то, что часть наших сил отведена на защиту северных границ. Поэтому нам нужен небольшой отряд опытных бойцов, чтобы доставить Лану в указанное место.

— Сколько? — коротко спросил Тэрл.

Кто поведет этот отряд, он явно не сомневался.

— Не более шести человек, — ответил Фирс, — Включая вас и Иоланту. Также участвуют Бофор и Матеас.

Лана ожидала, что гвардеец разозлится на то, что ему оставили выбирать всего двух человек, да еще и навязали наемника, которого он даже не знал. Но кажется, Тэрл совершенно искренне принял это как должное.

— Если я тебе нужен, я готов собираться, — сообщил Корбейн. Элиас поддержал его кивком.

Тэрл, однако, покачал головой:

— Вы оба понадобятся мне здесь. Я возьму с собой Родрика: он делает отличные успехи и, думаю, справится.

Лана припомнила, о ком шла речь. Родрик был молодым воином едва ли восемнадцати лет, едва прошедшим боевое крещение на момент вторжения Халифата. Как-то не ассоциировался этот мальчик у нее с достаточно опытным бойцом для такой миссии. Но с другой стороны, она не видела его с самой операции по освобождению Амброуса. Многие из них, включая ее саму, пережили за это время слишком многое, чтобы остаться прежними.

Слишком многое.

— Кроме того, мне пригодился бы пехотинец. Боец-одиночка, способный действовать, не полагаясь на поддержку со стороны...

Он перевел взгляд на Хади и осведомился:

— Сможешь сражаться за нас так же, как и за Ильмадику?

— ЧТО?! — шокированно воскликнул Матеас, — Вы хотите довериться дикарю и перебежчику?

— Глупо звать перебежчиком того, кто подвергся промыванию мозгов, — невозмутимо одернул его Тэрл, — Итак?

Громила-ансарр пожал плечами:

— Я тренировался под чарами адептов. Но результат тренировок — не магия. Так что да. Я смогу драться за вас так же, как за них. Более того, я настаиваю, чтобы мне дали такую возможность. Только так я смогу освободить своих друзей.

— Тогда собирайся, — ответил гвардеец, — Нам пригодится такой боец, как ты.

Хади молча кивнул. Матеас поджал губы, но промолчал.

Тэрл же оглядел присутствующих:

— Выступаем на рассвете. Желательно успеть преодолеть большую часть пути в первый же день, поэтому нам всем понадобятся силы. Сейчас отдыхайте. Это приказ.

Лана очень надеялась, что вечером Килиан даст ей еще какой-нибудь полезный совет для этого путешествия. Но почему-то сегодня её погибший друг так и не пришел в её сны.

Смех Владычицы, стоявшей у окна своих покоев, целебным бальзамом проливался на

сердце Амброуса. И несмотря на то, что он не вполне понимал причины её веселья, король не мог не посмеяться в ответ — из солидарности и из того невыразимо светлого чувства, что он испытывал всегда, когда она радовалась.

— Они все-таки включили пленного легионера в экспедицию в Земли Порчи, — сообщила богиня, вглядываясь в алый закат, — Похоже, наш троянский конь принесет даже больше пользы, чем я рассчитывала.

Что такое троянский конь, Амброус знал: основы Дозакатной культуры входили в благородное воспитание идаволльского дворянина. Но вот энтузиазма Ильмадики король не разделял.

— Но Госпожа... — он чуть сбился; само его естество восставало против того, чтобы как-то оспаривать и подвергать сомнению ЕЁ мнение, — Не слишком ли много мы ставим на него? Обман — эффективное средство, но он возможен лишь тогда, когда противник достаточно наивен, чтобы ему поверить...

— Не волнуйся, — улыбнулась Ильмадика, — Они ДОСТАТОЧНО легковерны. С возможностями адептов наши враги судят только по Килиану. Но Килиан не получил того дара, которым я наделила тебя. Я никогда не учила его магии доверия, поэтому мятежники ничего о ней не знают.

Король склонил голову, подавляя приступ ревности, терзавший его сердце подобно стервятнику. Эта тайна, которую Владычица ему раскрыла, выделяла его из рядов других адептов, постигавших древнюю магию. Выделяла как особенного, избранного. Вместе с близостью, нежностью, страстью, что она ему дарила.

Да. Он единственный, кого она оделила своей благосклонностью не только как богиня, но и как женщина. И этого у него не отнимет никто. И в этом он останется уникальным. Первым и единственным.

И все-таки не мог уйти у него из головы иррациональный страх. Тайна магии доверия, изменявшей его голос и запах так, чтобы вызывать безотчетное доверие у собеседников, тоже выделяла его как единственного. Но Амброус не был дураком. И он понимал, что не просто так Ильмадика о ней сказала. Она раскрыла эту тайну своему агенту в стане врага.

И нет-нет, да и вгрызался в его душу омерзительный червячок сомнения. Что, если однажды кто-то точно так же отнимет его место первого и единственного и в другом? Что, если она раскроет еще кому-то свои объятия и свое сердце? Немыслимым кощунством казалось представить что-то подобное, но не представлять становилось все тяжелее. Амброус знал, что если когда-нибудь этот страх оправдается, это будет конец. Предательства Владычицы он просто не вынесет.

Если это произойдет, он просто покончит с собой.

От этих размышлений его оторвали самым приятным образом. Обернувшись к нему, Владычица подошла и решительно поцеловала его в губы. Страстно, горячо. И этот поцелуй как будто воскрешал что-то умершее в израненной душе Первого Адепта. Король отвечал на поцелуй, как будто с каждым мгновением впитывая что-то, что было для него противоположно смерти.

Как будто лишь пока длился этот поцелуй, он чувствовал себя живым.

— Ты будешь для меня Первым и единственным, — сказала Владычица, когда поцелуй закончился, — Всегда. Никогда не забывай об этом. Я никогда тебя не предаю.

«Я не твой отец», — слышалось в этих словах.

«Я тебя никогда не предаю»

«Только я»

«Все предадут тебя»

«Но я буду с тобой»

«Вечно...»

— Да, Госпожа, — ответил король уже без той лихорадочности, что испытывал большую часть времени в последние дни.

А Владычица уже вернулась к делу.

— Свяжись с Мавроном. Пусть отправит летучий отряд в Пустоши, а сам начнет вторжение в Альбану. Ты прав, не стоит полагаться полностью на одного человека.

Амброус кивнул. Мнивший себя непризнанным гением, Карно серьезно переоценивал свои реальные возможности и таланты. Однако несмотря на это, ему вполне по силам обеспечить условия работы настоящим профессионалам.

— И еще одно, — добавила Ильмадика, — С захватом легионера мне не удалось передать тебе послание. Нужно, чтобы твои агенты на Черном Континенте организовали утечку информации. В пустынях к западу от Этбайского хребта объявился наш старый враг. Я не хочу, чтобы он вернулся.

Наверное, скажи она об этом в любой другой момент, король задался бы вопросом, почему она не сообщила об этом по мыслесвязи еще до захвата легионера. Но сейчас сама мысль о том, чтобы подвергать сомнению решения Владычицы, казалась кощунственной. Не сообщила — значит, так надо было.

Поэтому он лишь спросил:

— Что за враг?

И почувствовал, что убьет его собственными руками: прекрасное лицо Владычицы искажилось гневом, и источник этого гнева Первый Адепт возненавидел всей душой, еще не зная, о ком идет речь.

— Твой брат.

— Ты уверен, что справишься в одиночку?

Джамиль даже не скрывал своего скептицизма. Когда разведка доложила о появлении армии Халифата, его мнение впервые совпало с мнением Килиана: нужно бежать. Бесполезно держать оборону, когда противник превосходит числом в сотни раз.

А вот по поводу того, куда именно бежать, мнения разделились. Джамиль считал, что мотаясь по пустыне и путая следы, они смогут дольше избегать контакта с черными, в рядах которых были как всадники, так и пешие. Килиан же полагал, что это — стратегический проигрыш. Они могут долго избегать контакта, но рано или поздно их настигнут. И уничтожат.

Поэтому по его настоянию племя ансарров двинулось на всех парах на восток, в сторону единственного перевала через Этбайский хребет. Силы Килиана, с которыми он успел попрощаться, пока страдал от ломки, в которой его оставила Ильмадика, постепенно восстанавливались, — и даже более того, казалось, что пользоваться ими стало легче и комфортнее, чем в те времена, когда он служил Владычице. Ему все еще не хватало внутренних ресурсов, чтобы сотворить больше одного заклинания подряд без притока энергии извне, но используя трофейное золото, он подготовил два триггера вероятностей. Первый уже сработал: песчаная буря обрушилась на позиции Халифата, выиграв им время, чтобы добраться до перевала.

На подходе к горам пять человек во главе с Нагмой спешили и отделились от остальной группы — выполнять свою роль в его плане. Никто кроме них не знал, в чем она заключается, и ансарры видели в приготовлениях Килиана какое-то страшное и загадочное колдовство.

Но по крайней мере они не пытались за это сжечь его на костре. А то был уже соответствующий опыт.

И вот, наконец, наступил неминуемый час. Армия Халифата постепенно догоняла их. Пожалуй, ансарры еще имели какие-то шансы успеть пройти через перевал до того, как их нагонят... и тогда сражаться придется еще в худших условиях. Территория за перевалом контролировалась портовым городом Аль-Каргад, принадлежавшим все тому же Халифату. Это значило, что если их нагонят за перевалом, то легко зажмут в клещи.

— Ты завел нас в ловушку! — обвинил тогда Килиана Джамиль.

— Когда бежать некуда, остается только победить, — широко улыбнулся в ответ ученый.

Глядя на ансарра, не разделившего его веселья, он добавил:

— Не беспокойтесь. Я не собираюсь устраивать сражения с ними. Я собираюсь сотворить чудо.

Когда-то он считал чудесами то, что творила Ильмадика. Его богиня. Он знал, что это всего лишь научные знания и мастерство древней магии, но для него это все равно было чудесами.

Теперь он знал, что единственный бог, что ему нужен, скрывается в нем самом. А это значит, что он сможет сотворить чудо самостоятельно.

— Когда настанет момент, возьмешь моего коня и поведешь в поводу вместе с остальным отрядом, — добавил чародей, — Я останусь и встречусь с черными лицом к лицу. Если вдруг я проиграю, скажете, что я принудил вас магией помогать мне. Но я не проиграю.

И вот, момент настал. До прибытия армии Халифата было всего пять минут. И на самой середине перевала Килиан Реммен, до недавнего времени носивший кличку Вотан, попрощался с людьми, некогда приютившими его, израненного, отчаявшегося, мучающегося от ломки и разбитых идеалов.

Ненадолго, как рассчитывал он. Навсегда, как думали они.

— Ты уверен, что справишься в одиночку? — спрашивал Джамиль.

Несмотря на всю свою неприязнь и недоверие, он вовсе не желал странному чужеземцу смерти, да еще и такой жуткой, какой могли бы подвергнуть его в плену у Халифата.

— Я не буду в одиночку, — улыбнулся Килиан, — Горы помогут мне.

Джамиль оглянулся на возвышавшиеся над ними горные вершины. Надежные. Вечные. Безразличные.

— Твой народ не верит в духов гор, — напомнил ансарр.

Ученый пожал плечами:

— Одна моя очень хорошая знакомая говорила, что душа есть во всем. Если это так, то я прошу у духов гор прощения за то, что собираюсь сделать. Но сейчас это не имеет значения. Мне плевать, во что верит мой народ, потому что я не собираюсь полагаться на веру. Лишь на знание.

Воспоминание о Лане согрело сердце теплотой. Лана, прекрасная, добрая, отважная Лана... Его любовь. Настоящая любовь. А не плод психологических манипуляций, каким была его «любовь» к Ильмадике.

Он обернулся в сторону приближающегося врага.

— Иди, Джамиль. Уводи людей. Я скоро вас догоню.

Оставшись в одиночестве, чародей оперся о камень в человеческий рост и украдкой потер слипающийся глаз. За подготовкой всего необходимого Килиан практически не успел поспать сегодня ночью. Он даже не успел навестить Лану в мире ее сознания, — там, куда каждую ночь приводил его вышедший из-под контроля дар. Мелькнула мысль, что, наверное, разговор с ней укрепил бы его решимость сделать то, что он задумал.

Мелькнула — и пропала. Килиан в этом больше не нуждался. То есть, поддержка Ланы радовала его и согревала. Но он больше не нуждался в том, чтобы кто-то оценивал и одобрял его поступки. Он принял решение и собирался ему следовать.

Это все, что ему было нужно.

Армия Халифата постепенно приближалась. Килиан в последний раз проверил перевязь из железных цепей, надетую поверх черного пустынного одеяния, — единственное его снаряжение, что могло бы сойти за доспехи. Сабля, принадлежавшая адепту Лефевра, украшала его пояс, а ресурсы для преобразований были разложены по поясным сумкам. От винтовки чародей отказался и едва ли выглядел особенно угрожающе в глазах черных.

Ему совсем не нужно было, чтобы они сразу стали в него стрелять, не пытаясь поговорить.

Расчет оказался верен. Приближаясь к чужеземцу, войска замедлили ход. Вперед выступили несколько всадников, в одном из которых Килиан опознал адепта.

— Похоже, твои люди бросили тебя, — заметил адепт.

Ученый спокойно пожал плечом:

— К чему им зря рисковать?

Этот адепт отличался от тех, с кем он сталкивался до сих пор. Не ощущалось от него той ауры высокомерия и пренебрежения, что выделяла людей, овладевших силами, неподвластными человеку.

И это делало его еще более опасным. С высокомерными людьми справиться легко: их можно обмануть, воспользовавшись их слепым пятном в восприятии. Этот на простые уловки не поддастся, а сложные еще поди придумай.

— То есть, ты сам, в твоём представлении, не рискуешь? — осведомился адепт, оглядываясь по сторонам.

Ища засаду, ловушку, что-то, на что мог рассчитывать человек, оставшийся в одиночестве против целой армии.

— Рискую, конечно, — хмыкнул Килиан, — Но меньше, чем вы думаете. Я ведь тоже был адептом когда-то. Я знаю, что при этом происходит с психикой. Как весь мир как будто исчезает. Остается лишь один человек. Человек, становящийся для тебя всем. Человек, без которого ты остаешься один в пустоте... Ну как, знакомо?

Адепт Лефевра не дрогнул. Но глаза все-таки отвел.

— Мы догадывались, что наших людей убил один из адептов ложных богов.

Любой из адептов возмутился бы такой постановке вопроса. Стал бы доказывать, что его Бог — истинный.

Килиан лишь улыбнулся:

— Заявление даже более правильное, чем ты думаешь.

Черный кивнул, принимая к сведению информацию.

— Мы знали, что на Полуострове есть люди, ворующие колдовские тайны и

использующие их против нас. И поэтому я принял меры. Абу, Али!

Двое его спутников, не носившие столько украшений и терявшиеся на фоне своего предводителя, склонили головы и одновременно сосредоточились на заклинании. Килиан ощутил, как невидимая сила сковывает его. Она сковывала не его тело — лишь его псионические способности. Сколько бы ученый ни изучал этот вопрос, он так и не смог найти ту частицу, что позволяет разуму мага воздействовать на другие частицы. Он знал, что она существует: что вверху, то и внизу, и любое взаимодействие идет между частицами; но она была слишком мелкой для восприятия, — настолько же мелкой в сравнении с электроном, как сам электрон мелок в сравнении с видимым для человеческих глаз объектом. Возможно, нейтрино или гравитон, а возможно — что-то еще мельче.

Так или иначе, Лефевр, гениальнейший из Владык, по-видимому, смог ее найти. И обучить своих адептов ее блокировать. Это требовало от них постоянной концентрации, — но благодаря численному преимуществу они могли себе это позволить.

— Итак, — невозмутимо продолжил лидер адептов, — Ты в меньшинстве, и твои силы заблокированы. Что будешь делать теперь?

Килиан барабанил пальцами по рукояти сабли, — не торопясь, впрочем, ее выхватывать. Очевидно было, что победить в бою ему не удастся.

— Я бы предпочел сперва услышать все варианты, — сказал он наконец.

— Изволь, — кивнул тот в ответ, — Ты можешь сдать сейчас. Возможно, со своими знаниями ты сможешь нам пригодиться. В этом случае тебе будет сохранена жизнь, но естественно, не свобода.

Килиан услышал в этом то, чего адепт говорить не желал. С самой экспедиции в Гмундн Лефевр больше не выходил на связь. Это значило, что пополнения в рядах его адептов если и случаются, — научить чему-то, в принципе, может и другой адепт, — то гораздо реже, чем раньше. Хоть Орден Лефевра и был наверняка многочисленнее, чем Орден Ильмадики, но в минувшей войне он понес большие потери. Очень трудновосполнимые потери.

— Еще варианты? — осведомился Килиан, не торопясь ни соглашаться, ни отказываться.

— Еще... — не заканчивая фразы, адепт сделал знак своим воинам, и на ученого уставились сотни стволов винтовок.

— Ты можешь отказаться. И тогда мои люди тебя расстреляют.

Килиан поморщился:

— Меня уже расстреливали. Мне не понравилось.

Бровь его оппонента иронически приподнялась:

— Что ж так?

— После этого во рту совершенно отвратительный металлический привкус, — пожаловался чародей.

Адепт Лефевра хмыкнул, никак это не комментируя.

— В любом случае, это все твои варианты. Жизнь или смерть. Вопрос лишь в положении колен.

— Я слишком испорчен, чтобы воспринимать эту фразу адекватно, — рассмеялся ученый, — И я не уверен, что это и вправду единственные варианты. Я вижу еще как минимум один. Поделиться?

Чернокожий напряженно за ним наблюдал, ожидая подвоха.

— Поделись.

— Только пожалуйста, не перебивай, хорошо? — попросил Килиан, — Я знаю, что начинаю издалека и что не всегда очевидно, как то, что я говорю, относится к теме, но я ненавижу, когда меня перебивают.

Адепт не стал ни соглашаться, ни возражать.

— В общем, я хотел бы слегка перефразировать священные книги моей родины. А именно...

Он задумался, припоминая.

— Первую книгу Царств, глава семнадцатая, стих сорок пятый. Итак, ты идешь против меня с мечом и копьём и щитом, а я выхожу против тебя с...

Грохот взрыва заставил большую часть солдат обернуться в сторону его источника.

— ...порцией нитроглицерина и базовым знанием геомеханики, — закончил Килиан, торопясь скрыться за камнем с линии огня. Несколько пуль ударило рядом с ним, но большинству черных было совсем не до того.

Гора Ода, высочайшая вершина Этбайского хребта, нависавшая над перевалом, раскололась. Именно в этом заключалась часть плана, которой занималась Нагма: положить глиняный сосуд с нитроглицерином, приготовленным накануне, в указанное место. А затем метким выстрелом запустить реакцию.

Остальное сделал второй триггер вероятностей. Взрыв и разрушение скалы спровоцировали оползень. Камни, обломки пород, сходили на головы людей, собравшихся у заранее рассчитанного места. Об этом проходе через горы отныне можно будет забыть.

Как и об армии Халифата.

Обезумевшие от ужаса, солдаты бежали прочь от перевала, — хотя очевидно было, что большинство из них не успеет. Разумеется, в такой ситуации адептам было уже не до того, чтобы удерживать концентрацию на заклинании, и Килиан почувствовал, что больше его способности ничто не сдерживает.

Чем не замедлил воспользоваться, чтобы не разделить судьбу своих врагов. Используя магнитокинез, он подхватил цепи, обхватывавшие его тело, и поднял себя в воздух.

— ...ах, да, еще способностью вовремя улететь, — добавил ученый.

Приняв «позу вознесения», он поднимался над перевалом, ставшим братской могилой для тысяч воинов Халифата. Ему не было жаль их: они знали, на что шли. Он просто оказался умнее. Не испытывал он и злорадства: они были просто побежденными врагами.

Просто преодоленным препятствием.

Глава 5. Шаги в темноте

Дальнейшее было делом техники. Весть о разгроме армии на перевале достигла порта Аль-Каград быстрее ансарров, в пути обрастая все более фантастическими деталями. Город готовился к обороне, но даже закаленные в боях солдаты боялись того, чего не понимали. Оставалось лишь разыграть еще одну карту, помогавшую Килиану против черных уже не раз.

Их старательно выпестованный страх перед магией адептов. Защитить от магии, в понимании последователей Лефевра, могла лишь другая магия. Но ближайšie адепты остались там, на перевале через Этбайский хребет, под завалами тонн камней.

Демонстративно полетав над стенами, Килиан дал защитникам города сутки на раздумья.

Через несколько часов город сдался.

Килиан не испытывал иллюзий по поводу ансарров: он знал, что благородство и милосердие — черты отдельных людей, а не целых народов. Знал он также и что бывшие рабы с большой охотой отыграются на своих угнетателях.

К счастью, на это попросту не было времени. Разграбление города, конечно, будет, — но централизованно и с конкретной целью. Отдавать город на положенные три дня во власть победителей некогда: войска Халифата придут со дня на день.

— Джамиль, проследи, чтобы местное самоуправление не доставляло проблем, — отдавал распоряжения Килиан, — Ясмир, возьми пять человек на свой выбор и отправляйся в порт. Мне нужен самый легкий из доступных кораблей, способных выдержать все племя. Абу, на тебе арсенал. Нужно, чтобы все племя до последнего ребенка было вооружено винтовками. Возьми всех стрелков, кроме Ясмира, Джамиля и Нагмы, на случай сопротивления. Нагма, Яруб — вы со мной.

По распоряжению чародея, всех торговцев с местного базара собрали в одном месте — деревянном здании какого-то старого склада. Аура страха и нервозности ощущалась почти физически: как выяснилось, кто-то уже пустил слух, что теперь их тут запрут и подожгут. Успокаивать их Килиан не спешил.

— Нагма, держи их на мушке, — попросил он.

Полсотни человек один стрелок не остановил бы; но есть у толпы полезная психологическая особенность.

Никто не хочет принимать первую пулю.

— Господа, я надеюсь на плодотворное сотрудничество, — сказал Килиан на языке Дозакатных, что считался высоким наречием на Черном Континенте, — С выгодой вам из него не выйти, но живыми, здоровыми и свободными — вполне. Устраивает?

Народ безмолвствовал. Впрочем, вопрос и так был риторический.

— Нам понадобятся от вас определенные товары и услуги, — продолжил чародей, — Предоставьте их нам, и мы не будем иметь к вам более никаких претензий. К сожалению, я не осведомлен о том, кто из вас чем занимается. Поэтому на каждом пункте я хотел бы, чтобы тот, кто способен его нам обеспечить, поднимал руку.

Он чуть улыбнулся:

— И так как у многих из вас уже одолевает желание скрыть от меня свои подлинные возможности, я настаиваю на том, чтобы каждый из вас не только предоставлял мне собственные ресурсы, но и выдавал тех, кто также занимается ими. Это будет справедливо:

не дело, когда один отдувается за всех; и также это зачтется вам при определении вашей судьбы. Нагма, тех, кто вздумает шельмовать, можешь пристрелить.

Народ безмолвствовал. Если бы взгляды могли убивать, от чародея и его спутников не осталось бы, наверное, вообще ничего пригодного для опознания.

— Если возражений нет, то начнем с самого простого, — сказал ученый, — Нам понадобятся припасы для путешествия. Только то, что хранится в дороге, и только то, что было заготовлено заранее: мне совсем не улыбается, чтобы вы подсыпали нам яду. Итак, есть добровольцы?

Около десятка человек подняли руки. Еще четверо неохотно последовали за ними под предупреждающими взглядами. Кажется, попытка укрыться не прибавила им любви собратьев по несчастью. Еще бы: кто любил расплачиваться за других, пусть даже эти другие расплаты точно так же не заслужили?..

— Вот видите? — улыбнулся Килиан, — Это не так уж и сложно. Думаю, справедливо будет распределить траты между всеми вами поровну. Яруб, запиши их имена и состав предоставляемых товаров.

Знахарь был одним из немногих грамотных людей в племени, так что вести бухгалтерию ученый доверил ему. Один за другим, провожаемые стволом винтовки, торговцы подходили к старику, представлялись и озвучивали свои предложения. Еще немного времени ушло, чтобы сопоставить их с количеством людей, предполагаемой длиной пути и выкладками Килиана по предполагаемой грузоподъемности.

Но вот, наконец, с первым пунктом было покончено.

— Великолепно, — сказал чародей, — Теперь переходим к следующему. Господа, среди вас есть золотых дел мастера?

Пока что вызываться никто не спешил.

— Вы ведь знаете, как работает магия адептов, не так ли? — уточнил Килиан.

Как он и предполагал — не знали. Естественно, не знали. Знание — это власть. Если ты знаешь, откуда исходит сила твоего врага, это делает его уязвимым перед тобой. А адепты, несмотря ни на что, считали врагами собственный народ. Собственно, для адептов врагами были все, кроме их драгоценного Владыки.

Что ж, раз такая возможность, почему бы не просветить общественность?

— Магия адептов не работает без топлива, — сообщил чародей, — И лучшее топливо — тяжелые металлы. Свинец. Золото. Платина. Киноварь. Наверняка многие из вас замечали что адепты активно все это скупают.

Только что он запустил бомбу замедленного действия. Торговцы разносят не только товары. Они разносят новости, слухи, известия. Тайна адептов — больше не тайна. А знание — это сила, и теперь у народа Халифата была сила, позволяющая их свергнуть. Рано или поздно, но среди недовольных культом Лефевра появится тот, кто додумается атаковать его экономически.

И Халифат падет.

Впрочем, сейчас Килиану было до этого мало дела. После того, как ансарры обойдут флот Халифата, собирающийся блокировать их в гавани, появляться на Черном Континенте он не собирался.

— Разорение, какое разорение... — не удержался от комментария один из купцов.

И ученый немедленно обернулся к нему.

— Ага, вот и золотых дел мастер. Приятно познакомиться. А теперь укажи мне на своих

коллег, слишком боящихся привлечь к себе внимание. Ты ведь не хочешь взять все траты на себя? Подумай, это будет только справедливо, если вы разделите их поровну.

К сожалению, свинца (с которым прижимистый по характеру чародей любил работать больше, чем с золотом) нашлось не так уж много. Но золотых украшений хватало, чтобы не испытывать стесненности в использовании магии. Помимо того купца, что высказался про разорение, «поделились» еще пятеро.

Стрелять, по счастью, пока не приходилось. Не то чтобы Килиан сомневался в своей способности отдать необходимый приказ или в том, что этот приказ будет выполнен. Но все-таки ученый предпочитал избегать жертв среди мирного населения, насколько это только возможно.

Он не желал превращаться в палача.

— Третий пункт, — сообщил Килиан после того, как Яруб каталогизировал все полученное, — Мне понадобится кожа. Много кожи.

Оглядевшись собравшихся, он добавил:

— И сразу четвертый. Мне понадобятся люди, умеющие с ней работать. С ней и еще — с деревом.

В гавани их не запрут. Осталось объяснить рабочим их задание и выделить надзирателей, чтобы они не наделали глупостей.

— Что ты задумал? — прямо спросил Яруб, когда беседа с торговцами завершилась, и Нагма отправилась выяснять, как дела у Джамиля, Ясмира и Абу.

Килиан, однако, лишь загадочно улыбнулся:

— Терпение, друг мой, — сказал он, — Любой фокус требует подготовки, и не стоит раскрывать своих секретов раньше времени.

Этот ответ старому знахарю не понравился.

— Это не фокусы, Вотан... Килиан. Это не игра и не представление. От тебя зависят человеческие жизни.

Ученый кивнул:

— Думаешь, я не понимаю этого? Я принял эту ответственность, и я несу ее. Вам стоит уже привыкнуть, что мои планы нацелены на то, чтобы спасти вас всех.

— Я верю тебе, — ответил старик, — Нагма верит. Джамиль, как ни странно. Но не каждый на это способен. Они не знают, что и зачем ты делаешь. Ты завоевал некоторое доверие своей победой на перевале, но этого мало. Дай людям то, что им нужно, Вотан. Докажи им, что они могут верить в тебя.

Килиан резко мотнул головой:

— Прости, Яруб, но здесь ты неправ. Я не собираюсь доказывать, что я заслуживаю доверия. Это — путь в никуда.

Ансарр хотел было что-то сказать, но ученый продолжил:

— Я доказывал, что заслуживаю любви. Я доказывал, что заслуживаю уважения. Не знаешь, что объединяет все это? В конечном счете остается только пепел. Пламя амбиций испепеляет того, кто не нашел опоры в себе самом.

Он говорил резко, но в душе испытывал странное чувство покоя.

— Ильмадика использовала таких, как я. Тех, кто мечтал о любви и уважении, но сам не верил, что имеет на них право. Но знаешь, что? Я не виню ее. Это стало возможным лишь потому что мы сами позволяем себя использовать. Мы сами вручаем людям ключ от своих кандалов. Так что нет, Яруб. Я больше не хочу идти по этому пути. Я иду туда, куда сам

посчитаю нужным. А у вас выбор простой. Вы можете пойти со мной. Или уйти, если считаете, что найдете путь самостоятельно. Это уже решать только вам.

— Я понял, — хрипло ответил Яруб, отведя глаза, — Ансарры пойдут за тобой, асдик.

Асдик. Этим словом когда-то называл его Хади, а Килиан понятия не имел, что оно означает. Лишь пожив немного среди ансарров, ученый наконец-то раскрыл эту тайну.

Он узнал, что это слово означало «друг».

Закончив свои дела в городе, ансарры стали устраиваться на ночлег, чтобы утром покинуть его навсегда, — если повезет, вообще до того, как флот Халифата подойдет к стенам. Маленький отряд с комфортом расположился во дворце местного наместника: места хватало на всех. Сам наместник был пока отправлен в городскую тюрьму: башен для почетных пленников культура Халифата не предусматривала.

Завтра Килиану могли понадобиться все силы и вся концентрация, чтобы нигде не ошибиться и не напортчить, так что в свою комнату он ушел довольно рано. Подход Халифата к интерьерам ему, к слову, понравился. Черные не ставили в жилых комнатах обычных кроватей, стульев и столов. Прямо на полу они сваливали огромной грудой мягкие подушки ярких сине-красно-золотых расцветок. Развалиться на них было на удивление удобно, мягко и приятно.

Лане бы наверняка понравилось. Тем более что именно ее Килиан вспоминал, глядя на покрывавшие стены шелковые драпировки. Его замок она обустроивала похожим образом: чародейка не любила все, что доставляло дискомфорт, и сквозняки в том числе.

Только Килиан успел раздеться и устроиться на подушках, как дверь его комнаты резко, требовательно постучали. Ученый не расслаблялся в потенциально враждебном окружении: сабля лежала достаточно близко, чтобы он мог выхватить ее в считанные секунды, как и ресурсы для преобразований.

Именно таким, с клинком наперевес в одной руке, золотым браслетом в другой, и при этом голым, ученый и предстал перед вошедшей Нагмой.

Молодая ансаррка открывшись перед ней картины оглядела с интересом, после чего осведомилась:

— Могу я войти?

Килиан кивнул и посторонился. Стыдливо прикрываться он не стал, но саблю все-таки положил.

— Что-то случилось? — осведомился чародей, закрывая дверь за девушкой.

— Нет... То есть, да... То есть, нет...

Нагма поежилась, зябко кутаясь в свободное черное одеяние пустыни.

— Я хотела сказать тебе кое-что.

— Говори, — разрешил Килиан, присаживаясь на подушки и все-таки накрывая бедра тканью.

— Тогда, когда тот колдун пожелал забрать меня себе... — начала девушка, — Я почувствовала очень сильный страх.

— Тебя можно понять, — хмыкнул ученый.

Только на всю голову ушибленная женщина не будет испытывать страха перед реальной перспективой попасть в сексуальное рабство. Ну, или начитавшаяся соответствующих романов до полной утраты контакта с реальностью.

— Да, — согласилась Нагма, — Но я почувствовала кое-что еще. В тот момент я мысленно пожелала, чтобы кто-то заступился за меня. Кто-то... более достойный, чем этот

человек. И тогда вмешался ты.

Одним движением она скинула на пол одеяние пустынки. Под ним не было ничего.

Тело Нагмы было прекрасно, с этим Килиан не мог бы поспорить. Несмотря на обветренную кожу и небольшие, но крепкие мышцы, тело девушки оставалось нежным даже на вид. Гладкая, чистая кожа темно-бронзового оттенка. Небольшая, но мягкая, красивой формы грудь. Упругая, подтянутая попка.

Хороша была Нагма, что и говорить. И сейчас она стояла, обнаженная, в его покоях, недвусмысленно приглашая мужчину поближе познакомиться с достоинствами ее тела.

— И я почувствовала, что хочу принадлежать тебе. Что ты — тот мужчина, с которым женщина может чувствовать себя в безопасности.

Килиан соврал бы, если бы сказал, что не испытывал желания. Последней женщиной, с которой он делил ложе, была Ильмадика — еще там, в Землях Порчи. И все же...

— Это ложное ощущение, — хрипло сказал он, — Я не могу сказать всего. Но то, что ты чувствуешь, не настоящее.

Ведь она видела его в боевой трансформации. В трансформации, в которой резко усиливалась выработка тестостерона. Все-таки людей ведут инстинкты куда больше, чем они сами хотели бы признать. И из-за этой самой гормональной перестройки в трансформации он казался им «альфой». Поэтому ансарры последовали за ним: они просто на инстинктивном уровне почувствовали в нем вожака. И поэтому же Нагма была сейчас здесь. Самый авторитетный самец получает лучшую самку — это непреложный закон дикой природы, но не об этом мечтал ученый.

— Мне все равно, — ответила Нагма, — Я знаю, чего я хочу. Не то же самое ли ты говорил о себе?

Она придвинулась ближе, находя губами его губы. Килиан чувствовал жар, исходящий от тела пустынки. Он чувствовал, как жаждет она отдать ему всю себя. И правду говоря, хотелось ему принять этот подарок.

Свою награду за все, что он сделал для ее народа или собирался сделать.

Но вместо этого чародей отвернулся.

— Извини, Нагма. Но я люблю другую.

Против его опасений, она не обиделась. Лишь отстранилась и негромко спросила:

— Разве такой мужчина, как ты, не может позволить себе любить многих?

Ученый уже знал, что народ ансарров не имеет ничего против полигамии. И возможно, какое-то время назад он, как и многие мужчины, воспринял бы такую идею с энтузиазмом. Да и вердикт его собственного тела был однозначен: оно соскучилось по женской ласке и не видело ничего плохого в том, чтобы здесь и сейчас получить ее от этой женщины.

И все же...

— Нагма...

Килиан серьезно посмотрел в глаза пустынки. А когда мужчина, общаясь с красивой обнаженной женщиной, смотрит ей в глаза, это значит, что вопрос действительно серьезный.

— Пользоваться, чтобы удовлетворить свои потребности, — это не любить. Прости, но я не хочу обманывать тебя на этот счет. Если сейчас я возьму тебя, это будет не «любить», а именно «пользоваться». И я слишком уважаю тебя, чтобы поступить таким образом.

Ансарка посмотрела на него и просто спросила:

— А что, если мне не нужно твое уважение?

— Мне нужно, — убежденно ответил Килиан.

Какое-то время Нагма внимательно вглядывалась в единственный глаз. А потом отвернулась и стала одеваться.

— Если ты передумаешь, то я в твоём распоряжении.

Ученый промолчал. Что-то подсказывало, что даже простое «спасибо» будет звучать фальшиво и неуместно. Когда же за пустынной дверью закрылась дверь, он выдохнул. Хоть тело его и испытывало разочарование от того, что он упустил возможность провести незабываемую ночь, внутренне бывший адепт считал, что поступил правильно. Что решение, принятое им, было каким-то... более здоровым, что ли.

Хотя какая-то язвительная часть его вопрошала, поступил бы он так же, если бы не надеялся сегодня ночью снова встретить Лану в лабиринте снов?

Очень странным было это путешествие.

Да, пожалуй, «странное» — самое подходящее слово. Лана никогда не бывала в этих местах: никто из тех, кому была дорога жизнь, не заходил так далеко за границу Порчи. И все-таки пейзаж вокруг казался невероятно знакомым. Как будто шла она путем, по которому ходила десятки, сотни, тысячи раз. Где знала каждый камень, каждую травинку.

Не сразу, ох, не сразу чародейка поняла, что эти места рисовала задолго до того, как Мир привел ее сюда.

Неведомый предводитель созданий Порчи сдержал свое слово: хоть не раз и не два Матеас, ходивший на разведку, обнаруживал группы местных обитателей, нападать на путников не пытался никто. В каком-то смысле, похоже было, что эти существа открыли для себя понятие дипломатической неприкосновенности.

Впрочем, местные обитатели не трогали не только их. Тот же Матеас рассказал о преследующем их отряде в цветах Маврона Карно. Откуда-то враги уже знали, куда они направились, и по крайней мере знали, насколько это важно.

К счастью, знание местности и меньшая численность давали преимущество в скорости. Расстояние между двумя отрядами то сокращалось, то увеличивалось, но никогда не доходило до того, чтобы был реальный риск вступления в бой.

А вот ко времени возвращения нужно быть готовыми прорываться.

На второй день пути отряд несколько расслабился. Встречи с созданиями Порчи уже не вызывали немедленной реакции «готовиться к бою». Хотя оружие Тэрл все еще требовал держать на виду.

Как и девственные леса Восточной Империи, территории к северу от Елизарова Вала совершенно не походили на пустоши, какими представляли их в народе. В общем-то, если бы не легкий отклик в теле в те моменты, когда невидимая сила Порчи обрушивалась на магические щиты, Лана вообще не отличила бы их от дикой местности на территориях Иллирии или Идаволла. Моменты эти, к слову, случались довольно редко, и начались позже ожидаемого: похоже, что граница Порчи и вправду потихоньку отодвигалась.

Жаль, что медленно, слишком медленно.

Редкий лиственный лесок закончился: дальше дорога вела вверх, в горы. Те самые горы, пейзаж которых был последним, что рисовала Лана до начала войны с Халифатом. Сходство было несомненным. Сходство было поразительным.

Сходство было страшным.

На удивление ровная тропа вполне заменяла собой вымощенную дорогу. Плавно, полого

поднималась она в гору, — правда, в нужном им направлении вела не напрямую, а зигзагом. По словам Матеаса, до прихода вражеских сил оставалось еще часа три.

До места, где Лану ждал предводитель — минут пять.

— Стойте, — сказала чародейка, — Дальше я пойду одна.

Поймав удивленный взгляд Тэрла, она развела руками:

— Так нужно. Это будет разговор один на один. Не бойтесь за меня: мне ничего не угрожает.

— Ты не знаешь этого точно, — глухо ответил воин.

Она так не считала. Она не верила, она именно знала, что предводитель созданий Порчи сдержит свое слово. Магия давала ей это знание. Но только как объяснить это тому, что не понимал ее? Не понимал того, чем она живет?

Говорят, что невозможно наполнить сосуд, который уже наполнен. В случае Тэрла эта поговорка была более чем справедлива. Он верил, что знает мир, и всего, что он не знал, в его реальности попросту не существовало.

— Не знаю, — согласилась девушка, — Но если мы не будем верить, то все это путешествие бессмысленно с самого начала. Мы пришли, чтобы договориться. Так давайте вы не будете рушить мне дипломатию неуместным упрямством.

Гвардеец молчал. Видно было, что он не хочет отпускать ее одну. И Лана почувствовала жуткое раздражение.

Эти самцы могут хоть на секунду отключить свое мужское эго?!

— Слушай, — нахмурилась Лана, — Я не учу тебя воевать. Ты — не учи меня ничему, связанному с магией. Идет?

— У тебя есть двадцать минут, — ответил Тэрл, — Если через двадцать минут от тебя не будет вестей, мы идем по твоим следам.

Не давая ей возразить, он обернулся к подчиненным.

— Займите позиции для обороны. Незачем расслабляться. Бофор, мы с тобой за этим камнем. Остальные — вон за тем.

Две точки, занятые солдатами, позволяли вести перекрестный огонь по поднимающейся тропе. Если отряд Карно успеет раньше, чем ожидается, то здесь оборону можно будет держать неограниченно долго. А пути в обход этой тропы не было; точнее, не было в ближайших окрестностях. Пытаясь обойти их с тыла, враги потеряли бы не один день.

Так что позиция была выбрана практически идеально. Матеас и Хади, не имевшие ранее дела с Тэрлом, склонили головы в одобрении. Хотя наверняка заметили, как он тихо отдал еще один приказ Родрику, даже если и не слышали самих слов:

— Следи за Хади. Я ему не доверяю. Если он будет вести себя подозрительно, убей его.

А Лана двинулась дальше вперед. Склон становился все более крутым, и вскоре девушка всерьез забеспокоилась, что не уложится в отведенное время: к скалолазанию она привычна не была. Но вот, наконец, впереди показался вход в пещеру. Большую такую пещеру.

Ибо очень большим был ее единственный обитатель. Когда глаза чародейки привыкли к изменившемуся освещению, перед ней предстало ужасное и величественное создание из легенд.

Посреди пещеры, на груде золота, когда-то сплавленного в единый ком, но давно застывшего обратно, возлежал огромный дракон! Могучий ящер метров пятнадцати длиной, свернувшийся клубком, как кошка. Перепончатые крылья накрывали его тело, будто одеялом; в неверном желтом свете его чешуя отливала красным; лицо же (не морда, ни в

кчем случае не морда!) напоминало строением скорее волка или иного хищного зверя, чем рептилию. Янтарные глаза с вертикальным зрачком горели настолько ярко, что иных источников света и не было нужно: их сияния было достаточно.

А еще было в них нечто такое... Нечто такое, отчего Лана, едва взглянув в них, содрогнулась и поспешила отвернуться.

Когда-то давно задалась она целью нарисовать Время. Тогда у нее это так и не получилось. Сейчас она понимала, что достаточно было поймать, перенести на холст то неуловимое выражение глаз могучего существа. Эти глаза видели сам Закат. В отличие от Владык, дракон не провел эти тысячелетия в заточении: каждый век, каждый год, каждая секунда наполняли его мудростью и жизненным опытом.

От попытки представить, что творилось в его разуме, у Ланы закружилась голова.

Отведя глаза, чародейка увидела то, чему не полагалось быть в пещере. У дальних стен росли... деревья. Как вообще могут деревья расти в пещере?

Однако же, росли. Более того, казались эти растения ей знакомыми. Не потому что Лана уже рисовала их, нет. Дело в другом.

Она уже видела подобный дуб. Дуб, пытавшийся предупредить её, как бы нелепо это ни звучало для человека, чуждого магии.

— Рассвет Владык наступил.

Голос исходил от деревьев, но почему-то Лана знала, что говорят не они. Они лишь передают то, что хочет сказать дракон.

На лице исполинского ящера отразилось нечто, что могло быть только улыбкой. Он отметил ее узнавание.

— Буря началась, и вы в ее сердце. Приветствую. Я ждал вас.

Деревья говорили поочередно, но Лана уже не смотрела на них. Её взгляд был сосредоточен на настоящем собеседнике.

— Приветствую, — в тон ему ответила девушка, — Я Иоланта Д'Исса, и я пришла, чтобы говорить от имени Иллирии, Альбаны и повстанцев Идаволла.

— Я буду говорить не с ними, а с вами, Иолантадеисса, — ответил дракон.

Судя по тому, как произнесли это деревья, о таком явлении, как родовое имя, он не имел ни малейшего понятия.

— Зовите меня просто Лана, — попросила чародейка, — Как мне обращаться к вам? Заминка.

— Я Дареламианиативираикс, — представился в ответ дракон.

— Позвольте обращаться к вам Дарел? — тут же уточнила Лана.

— Позволю.

Что ж, по крайней мере, ей не придется произносить это языколомное имя. Деревьям, может, и нормально, а Лане было бы неудобно.

— Буря разыгралась, — продолжил Дарел, — Я призвал вас единственно потому что вы находитесь в ее сердце. От вас очень многое зависит; незначительные решения в вашей жизни обернутся колоссальными последствиями для мироздания.

Час от часу не легче.

«Но почему? Что во мне такого важного?» — обиженно подумала Лана. Наверняка кто-нибудь вроде адептов Ильмадики прыгал бы до потолка от радости, узнай он что-то подобное о себе. Но она — она никогда не просила о подобном. Она понимала, что означает это в первую очередь колоссальную ответственность. Она не желала для себя подобной

судьбы.

Она никому такого не желала.

Вслух, однако, чародейка спросила иное:

— Вы видите будущее? — уточнила она.

Кто знает? Быть может, эта встреча поможет прояснить сомнения и неопределенности, что терзали ей душу уже давно.

— Никто не видит будущее, — ответил дракон, — Это невозможно, ведь будущее не предопределено. Я вижу узоры вероятностей. Колоссальную паутину переплетающихся взаимосвязей, по которой вы, люди, можете ходить лишь вслепую. Я вижу, что не случись катастрофа, положившая начало этой буре, мой народ никогда не имел бы надежды на будущее.

В первый момент эти слова показались ей бессмысленными. Но затем...

— Вы говорите об освобождении Ильмадики? — спросила Лана.

— Сладкий Яд обрела невиданную мощь, — ответил дракон, — Сейчас она гораздо могущественнее, чем была в период Заката. Сейчас её Рассвет. Но за этим могуществом скрывается слабость. Она допустила ошибки, которые могут привести к ее падению... А могут и не привести. Это зависит от того, как переплетутся многие и многие вероятности. Каждое решение, принимаемое на пути, приближает или отдаляет исход, желаемый каждым из нас.

— И какого же исхода желаете вы? — спросила чародейка.

Дракон выпустил из ноздрей пару струек дыма, что, видимо, должно было быть эквивалентом пожатия плечами:

— Это очевидно. Я желаю исхода, где мой народ освободится от силы, что породила его и что убивает.

Лана промедлила, не решаясь задать следующий вопрос. Дарел, однако, понял её правильно:

— Вы хотите спросить, есть ли в исходе, желаемом мной, место для вашего народа. Это... зависит. Это зависит от многих факторов. Есть исход, где человечество будет уничтожено самим собой, и мой народ унаследует Землю. Есть исход, где наши народы смогут жить в мире. Есть вариант, где мы вытесним вас на юг и поделим Полуостров.

— Я предпочла бы второй вариант, — отметила чародейка.

— И в этом одна из причин, по которым от вас так много зависит, — подтвердил он.

Девушка устало потеряла переносицу. Не переносила она, когда люди пытаются напускать на себя демонстративно-загадочный вид. Они считают, что это придает им эдакой опасной харизмы. Но как обычно, на практике получается лишь омерзительное позерство.

Впрочем, дракон, такое впечатление, не пытался. Он искренне не знал, как выразить более конкретно то, что он просто чувствовал.

Лане это ощущение было знакомо лучше, чем кому-либо на целом свете. И она решила попробовать ему помочь.

— То обещание, что я дала на переговорах с серафимом, я смогу его выполнить? — задала наводящий вопрос девушка.

— Нет, — на этот раз дракон вполне по-человечески покачал головой, — Земля не в вашей власти. Это не ваше предназначение. Вы прекрасный целитель, но это не исцеление. Это владычество.

Лана не поняла, при чем тут владычество, но все же решила не заострять на этом

внимание.

— И все же, вы сказали, что исход, где наши народы смогут жить в мире, существует.

— Да, существует, — подтвердил Дарел, — Вероятности переплетаются, рождая новые вероятности. Каждый человек идет своим путем, но пересекаясь между собой, пути сходятся в единый путь.

— Начало знаю, а итог узнаю как-нибудь... — пробормотала Лана строчку из Дозакатных стихов, услышанных как-то от Килиана. Она сама не знала, почему вспомнила ее сейчас.

Рассуждение дракона на несколько секунд поставило её в тупик. А затем её вдруг осенило:

— Вы хотите сказать, что я не могу исцелить эту землю. Но я могу сделать что-то, что косвенно приведет к цепочке событий, ведущей к исцелению этой земли.

Дракон не ответил. Но почему-то Лана почувствовала, что попала в точку.

— В таком случае, какой мой первый шаг на этом пути? — спросила она.

Шаги в темноте. Именно так. Она не видела дорогу, и все, что ей оставалось, это шагать вслепую. А не шагать нельзя.

Кто остановится, погибнет.

— Первым делом — не умрите сегодня.

Дракон сказал это без какой-либо иронии, но почему-то Лане такой совет показался издевательским.

— Вероятность, что вы не доживете до заката Солнца, велика. Вы можете слегка уменьшить её; для этого снимите амулет и переложите в карман.

С некоторой опаской Лана последовала совету. Мелькнула мысль, а не пытается ли создание Порчи обмануть её, чтобы сделать уязвимой перед какой-то болезнью. Но это было бы глупо: если бы он хотел убить её, мог бы просто напасть. Противостоять ему чародейка не смогла бы.

— Амулет должен принять на себя удар, предназначенный мне? — осведомилась девушка.

— Золото — мягкий металл, — ответил Дарел, — Оно никого не защищает. Но амулет не должен потеряться. Он должен быть при вас в нужный момент. Тогда вероятности переплетутся наиболее благоприятным образом.

— И какова же будет вероятность того, что я выживу? — уточнила чародейка.

— Ноль целых тридцать одна сотая, — невозмутимо сказал дракон.

Что-то не радовала её такая оценка. И все же, Лана постаралась остаться невозмутимой.

— А в более дальней перспективе? Что главное, что я должна сделать, чтобы вероятности переплелись благоприятным образом?

И дракон ответил:

— Слушать свое сердце. В решающий миг лишь оно подскажет правильный выбор.

Чародейка поморщилась. Этот совет был настолько распространен, настолько абстрактен и настолько очевиден, что даже то, что он был еще и правилен, не делало его менее раздражающим.

— Что-нибудь более конкретное вы можете подсказать? — безнадежно спросила она.

Дракон задумался. Надолго.

— В тот момент, когда вам будет казаться, что вы совершили самую фатальную ошибку, вспомните о человеке, обязанном вам жизнью. И еще одно. Не бойтесь говорить о своей

боли. Именно молчание обращает её в яд.

Лана медленно кивнула. Первый совет остался ей непонятным. Но второй...

Разве не от того, что она боялась, что её боль сделает её неудобной, помешает другим людям, она отравляла собственное существование? Разве не то, что она глотала слезы обиды, заставляя себя улыбаться, сделало её уязвимой к манипуляциям Амброуса? Кто знает, может, раскройся она кому-то с самого начала, все могло бы сложиться иначе?

Впрочем, это неважно. Сейчас речь шла не о её личной жизни, а о делах.

— Последний вопрос, — сказала Лана, — Вы знаете, что это такое?

Она достала из сумки непонятное устройство, отобранное ими у Шнирке.

— Знаю, — подтвердил дракон, — Но объяснить не могу. Положите его к амулету: скоро он сыграет свою роль.

— Объясните хоть, для чего оно!

— Не могу, — покачал головой Дарел, — Но скоро вы все узнаете. Эта беседа закончена, Иолантадеисса. Если вы переживете сегодняшний день, мой народ прекратит свои нападения. Так и передайте своим сородичам, когда встретите их.

— У меня есть еще вопросы, — возразила Лана.

— Разговор окончен.

Дерева не повысили голос, и дракон не сделал ни одного угрожающего жеста, но почему-то Лана почувствовала, что продолжать расспросы будет опасно.

Смертельно опасно.

— Ладно, — кивнула она, — До свидания, Дарел.

— Прощайте, — откликнулся тот.

Почему он выбрал именно это слово?..

Развернувшись, Лана направилась на выход из пещеры. Девушка была раздражена. Разговор с древним и мудрым существом, который мог бы многое прояснить, лишь добавил загадок. Но по крайней мере, цели своей она достигла. Нападения прекратятся.

Нужно обрадовать Тэрла, а то он небось считает последние секунды перед тем, как ворваться в пещеру следом за ней.

— Тэрл, у нас получилось! — крикнула девушка, выйдя на свет, — Они...

Она осеклась, когда её речь прервали на полуслове. Грудь чародейки пронзила острая боль, и огромная сила опрокинула её на землю.

А затем мир погрузился в темноту.

Глава 6. Искусство умирать

Они приближались.

С болезненной четкостью Родрик осознавал, что разведка ошиблась. Не часы дороги отделяли их от погони из числа стерейской дружины, а минуты. Вскоре после того, как чародейка скрылась в пещере, до острого слуха молодого офицера донесся топот копыт.

Они приближались.

К счастью, позиция для обороны была выбрана грамотно. Когда передовой отряд стерейцев сбросил скорость, выезжая на горную тропу, над плечом Родрика свистнула стрела. Матеас был великолепным стрелком: первый враг еще не успел понять, что его убило, а наемник уже накладывал следующую стрелу на тетиву. Мгновением позже к нему присоединились Бофор и Хади. Звуки леса почти заглушили грохот двух винтовок. Родрик и Тэрл пока не стреляли: передовой отряд был не настолько велик, а уйти на перезарядку всем одновременно было бы неприятно.

Десять человек рухнули в пыль. Если дело будет продолжаться так, то экспедиции ничего не угрожает. До того, как эжени Иоланта закончит свои загадочные дела, они точно продержатся.

И все-таки молодой солдат не позволял себе расслабляться. У него был приказ — ответственный приказ, который он собирался исполнить в идеальном виде. Он не знал, насколько обоснованы подозрения командира в адрес чужеземца, и его это не волновало. Постоянная бдительность. Если чужеземец попытается предать их, он об этом пожалеет.

Новый отряд, побольше первого. Еще не основные силы, но на этот раз подключиться к бою пришлось всем. Пара минут непрерывного огня. Гора трупов, в которых Родрик очень старался не опознать соотечественников-идаволльцев. Бофор и Хади ушли на перезарядку, пока Тэрл, Родрик и Матеас держали под прицелом подходы к укрытиям.

Третья волна атаки медлила. Они уже знали, откуда начинается простреливаемая зона, и медленно, неторопливо стягивали войска к ее границам. Где-то там был и сам Карно, — если, конечно, ему вообще хватило смелости лично возглавить свою дружину. Были ли там легионеры, Родрик не знал. Но предполагал, что были.

На этот раз они атаковали гораздо осторожнее. Уже не было попыток завалить позиции обороняющихся горой пушечного мяса: стерейцы пересекали границу простреливаемой зоны, делали несколько ответных выстрелов и отступали обратно. На стороне экспедиции были укрытия, а на стороне стерейцев — плотность огня.

Пока что укрытия перевешивали. Хоть потери нападавших и не были столь велики, как в первые две волны атаки, но они все еще были весьма ощутимы.

Закончились патроны у Тэрла и Родрика. Теперь уже им пришлось уйти на перезарядку, пока Бофор, Хади и Матеас осуществляли прикрытие. Сказать, что Родрика такая ситуация нервировала, значит, ничего не сказать. Отработанным движением вставляя в винтовку новый магазин, он не отрываясь наблюдал за ансарром.

И именно благодаря этому мгновенно среагировал, когда легионер вдруг резко развернулся, нацелив винтовку в его сторону.

«Предатель!» — мысленно воскликнул Родрик с искренней ненавистью, а тело уже пришло в движение.

Удар прикладом под ствол направил винтовку в небеса, не позволяя легионеру стрелять

в бывших товарищей. Закончить перезарядку Родрик уже не успевал, поэтому выхватил из-за пояса короткий офицерский кортик...

— Сзади! — выкрикнул ансарр.

Мгновение на принятие решения.

Ровно на одно мгновение больше, чем Родрик мог себе позволить.

Молодой офицер почувствовал, как чья-то железная хватка смыкается на его волосах и тянет голову назад. А затем его горла коснулась сталь.

Острая боль.

Оседая на землю, в последние мгновения своей жизни Родрик уже не видел, что происходит вокруг.

Не видел, как стерейцы, заранее предупрежденные о предательстве, начинают массированное наступление на единственное укрытие, продолжавшее вести ответный огонь.

Не видел, как Хади пытается остановить Матеаса, — но боевой опыт наемника и колдовство адепта одерживают верх над тренировкой легионера. Как разряд молнии обжигает тело ансарра. Матеас не стал добивать его: не в том была его цель.

Ведь Ильмадика так и не простила чародейку, вмешавшуюся в ее планы. На этот счет у нового адепта был особый приказ.

И в тот момент, когда Иоланты, обрадованная успехом переговоров, вышла из пещеры, стрела из длинного лука поразила её в грудь.

Килиан сразу почувствовал, что что-то не так.

В саду шел снег.

Казалось бы, что в этом такого? Пусть настоящей зимы, настоящих льдов мифического Севера на Полуострове никогда не бывало, но холодные зимы иногда случались. Иногда снег выпадал, особенно в горах.

Но не здесь. Ни в коем случае не здесь.

В личном пространстве Ланы всегда царила весна.

И все-таки, даже зимой её сад был прекрасен. Повсюду, куда ни глянь, с неба сыпались белые хлопья снега. Одеялом стелился он по земле, умиротворяя, нагоняя сон, обещая покой.

Вечный покой.

Умирали под снегом прекрасные цветы, слишком хрупкие для зимы. Клонились они к земле, оплакивая свою весну.

Оплакивая свою жизнь.

Лана сидела прямо в снегу — тихая и поникшая. Её белое платье и алебастровая кожа странным образом гармонировали со всем этим. Казалось, она и есть — воплощение зимы.

И это при том, что чувствительная к любому дискомфорту, чародейка никогда не любила холод.

— Кили? — тихим, безжизненным голосом спросила девушка, когда ученый вошел в её разум, — Это ты? Ты... пришел за мной? Пришел сопроводить меня?

В первый момент Килиан не понял, что она имела в виду. А между тем, Лана продолжила:

— Спасибо. Спасибо, что пришел. Я... боялась. Я очень сильно боялась. А теперь мне не страшно.

И несмотря на эти слова, по её прекрасному лицу катились слезы. Чародейка тихо плакала. И казалось, вместе с нею плакали цветы.

— Чего ты боялась? — хрипло спросил Килиан, страшась услышать ответ.

Тень слабой улыбки мелькнула по бледному, без кровинки, лицу волшебницы.

— Я боялась, что мне придется умирать в одиночестве. Одна... Всеми покинутая, всеми забытая. Всеми брошенная.

— Я не брошу тебя, — сказал он, — Никогда.

И в тот же миг он ощутил укол вины. Пока он пытался разобраться в себе. Пока жалел себя, пока боролся с ломкой из-за отвержения Ильмадикой. Пока жил как ученик ансаррского знахаря. Все это время Лана была одна. Некому было помочь ей. Некому позаботиться. Некому поддержать. Некому хотя бы выслушать. А он... он был так поглощен своими бедами, что не задумывался об этом.

И — вот он, результат. Снег накрывает цветущий сад.

Смерть забирает её у него. Как когда-то забрала маму.

«Больше никогда!»

— Лана, — сказал Килиан, — Послушай меня. Это может прозвучать странно... Я приду за тобой. Но твое время еще не пришло. Борись. Пока можешь, борись.

— Зачем? — спросила девушка, — Я не боюсь смерти, Кили. Если настало мое время, я приму смерть с достоинством.

— В смерти нет никакого достоинства! — воскликнул мужчина, — Достоинство — это жизнь! Достоинство — это держаться за жизнь, пока только можешь!

Осознав, что почти кричит, он смутился.

— Извини. Лана. Ланочка. Послушай меня. Еще не все потеряно. Я не брошу тебя. Я помогу тебе. Просто дождись меня. Просто держись, пока можешь. Ты ведь еще можешь держаться?

Множество мучительных вечностей длилось её молчание. Но вот, наконец, слабо, неуверенно чародейка ответила:

— Наверное... Да. Могу. Какое-то время.

— Значит, мне нужно поспешить, — сделал вывод Килиан.

А затем, повинувшись внезапному наитию, подошел к девушке и крепко ухватился за её запястье.

— Держись за меня. Держись, пока есть силы. Держись, потому что я хочу, чтобы ты жила. Держись, потому что... потому что я люблю тебя.

Его сознание разделилось. Часть его осталась там, с Ланой. Поддерживая ее у Последних Врат. Другая же часть заставила тело проснуться.

Никогда еще Килиан так быстро не одевался. Накинув на плечо сумку с реагентами и пристегнув к поясу саблю, он бросился к горну — подавать сигнал тревоги.

Пару минут спустя сонно моргающие ансарры выстроились перед ним. Ученый прекрасно понимал, что Лана не станет для них весомым аргументом. Они вообще не в курсе, кто это такая.

Поэтому он сменил тактику.

— Только что мне было видение! — воскликнул бывший адепт, — Боги предупреждают нас об опасности! У нас нет времени до рассвета! Халифат атакует сегодня ночью, и их будут многие тысячи!

— Чужеземец, какое видение, какие боги... — начал было Джамиль, но Килиан жестом остановил его:

— Нет времени на пререкания! Вы или верите мне, или нет, но действовать нужно

сейчас же! Нагма, Яруб, за мной! Остальные — готовьтесь к отбытию!

Быстрым шагом, едва-едва не переходя на бег, ученый направлялся в порт, где всю ночь работали местные батраки по его проектам. К счастью, торговцы выделили ему достаточно людей, чтобы рассчитывать закончить работу к утру.

К несчастью, времени до утра у него не было.

Пока его тело направлялось в порт, его разум в субреальности сознания Ланы продолжал удерживать девушку. Он не чувствовал, чтобы что-то вырывало её из его рук; Килиан всегда представлял смерть как течение, которое рано или поздно унесет, как с ним ни борись.

Лана же, казалось, готова была просто исчезнуть, растаять, стоило бы ему хоть немного ослабить хватку.

Килиан уже не держал её за руку: сев в сугроб рядом с девушкой, он крепко обнимал её, прижимая к себе. Устроив ее голову у себя на плече.

Убеждая её и себя, что все будет хорошо.

Дорога до причала тянулась невыносимо долго. Но вот, наконец, Килиан увидел результаты своих интеллектуальных трудов.

Реквизированная у Халифата шхуна со снятым парусным вооружением была, пожалуй, тяжеловата; однако насколько мог судить ученый, в пределах допустимого. Как же жаль, что не было времени для тщательных проверок! Действовать приходилось вслепую, и даже контроль вероятностей слабо утешал. Не внушали доверия и модификации, внесенные им в систему управления. То есть, навскидку Килиан не видел отличий от своей схемы. Но кто мог поручиться, что подневольные рабочие не внесли какой-нибудь незаметной подлянки?

— Это точно то, что тебе было нужно? — со скепсисом уточнила Нагма.

Она так и не знала, в чем заключался план. Но каким-то образом чувствовала его сомнения.

— Я все тщательно проверил, — соврал Килиан, — Эта штука сделает все, что от нее требуется.

Девушка глянула на него с сомнением, но все же не стала подрывать его авторитет. У ансаррок не принято спорить с мужчинами на публике.

Килиан перевел взгляд на другой проект. Жарко горел огонь, нагревая огромный резервуар с морской водой. Пламя имело белый оттенок: Килиан бросил в него кое-какие химикаты, чтобы горело ярче и жарче. Это существенно помогало ускорить процесс.

От резервуара отходила труба, отводившая водяной пар. Вокруг другого её конца, напротив, был разложен лед со всех ледников в городе. Днем он, конечно, растает. Но до того — будет охлаждать поступающий пар. Заставлять его конденсироваться, превращаясь обратно в воду.

Только уже пресную.

Последним компонентом стал громадный кожаный шар, который и наполнялся водой. Когда трубу уберут, его должен закрыть герметичный клапан. К тому моменту вода должна наполнить его полностью. Он должен быть на грани того, чтобы лопнуть, — но все же не за гранью.

— Медленно, слишком медленно... — пробормотал Килиан.

— Нужно наполнить его быстрее! Разожгите огонь ЕЩЕ ЯРЧЕ!

Труба была на грани, но к счастью, пока держалась. Пока последние приготовления завершались, Килиан тасовал вероятности. Направление ветра. Избежание поломок.

Отсутствие сторонних помех. Состояние здоровья Ланы.

— Пусть я успею прийти ей на помощь, пока она еще жива. Сто процентов или цельная единица... Я так хочу!

Почему, по какому наитию он сказал «Я так хочу» вместо обычного «Да будет так»? Килиан не знал ответа. Но почему-то это казалось правильным.

«Я успею спасти тебя. Ты будешь жить. Потому что я так хочу!»

Теперь следующий момент. Там, в личной субреальности Ланы, часть сознания Килиана задала очень важный вопрос:

— Ты носишь амулет, что я подарил тебе?

Девушка промедлила. Кажется, отвечать о чем-то, происходящем в материальном мире, ей было почти физически тяжело.

И все же, тихим, слабым голосом она сказала:

— Дарел сказал положить его в карман. Сказал, что так шансов выжить больше.

«Дарел?» — не понял ученый. Но уточнять не стал. Совет загадочного Дарела приободрил его, помог поверить, что он на правильном пути.

В материальном мире Килиан занялся созданием «компас» на симпатической магии. Когда он создавал амулет, то капнул на янтарь своей кровью. Таким образом, при желании Лана в любой момент могла использовать амулет, чтобы отыскать Килиана, где бы он ни был.

Но эту связь можно было использовать в обе стороны. И сейчас Килиан собирался использовать её, чтобы определить направление на амулет.

Ансарры собирались на борту изуродованной шхуны. Все племя было готово к отбытию; каждый нес оружие, припасы, личные вещи. Большого груза не нес никто: переносимый вес был строго ограничен. Увы, по той же причине пришлось оставить и коней.

На чужбине пустынным кочевникам придется начинать жизнь с чистого листа.

— Чужеземец! — Джамиль подбежал к Килиану, — Армия Халифата у ворот. Они предлагают переговоры о нашей капитуляции.

— Шли их на, — отрешенно ответил ученый, напряженно наблюдая за окончанием заполнения шара.

После чего, моргнув, добавил:

— Хотя нет, не шли. Просто игнорируй. К моменту, когда они начнут штурм, нас уже здесь не будет. Линия ловушек готова?

— Конечно, — кивнул ансарр.

Ловушки, естественно, не смогут остановить армию. Но они смогут выиграть немного времени.

А время — это все. Никто не понимает ценности времени так, как мужчина, спешащий спасти свою возлюбленную.

— Закрывай клапан! — приказал Килиан, — Затем привяжи эти два каната к кораблю. Сам полезай на борт.

Чудовищный мутант, спроектированный по Дозакатным схемам из материалов, какие удалось добыть в городе черных, был готов отбыть... или пафосно разрушиться, угробив все племя. Против своей воли Килиан вспомнил, что сами Дозакатные доверие к таким машинам потеряли после эпического крушения одной из них. Тридцать шесть погибших, — вроде бы, и не так много, но достаточно, чтобы ужаснуть весь мир. Ансарры себе такие потери позволить не могли. И уж точно не считал их допустимыми Килиан.

Но выбора не было. По морю он на помощь Лане не успеет. Да и не дал бы им флот Халифата покинуть гавань: расстреляли бы, стоило бы отойти от берега.

Так что если нет лучшего варианта, оставалось извлечь максимум из того, что есть. А это значило, что роль свою предстояло играть до конца. Благо что для того, чтобы Дозакатная машина поднялась в небеса, оставался лишь один последний штрих.

Понижение!

Их загоняли, как диких зверей.

Тэрл понимал это, но не мог ничего поделать, и бессильная ярость душила его. Благо, хоть мишеней для выплескивания этой ярости было более чем достаточно. Хватило бы патронов.

Теперь, оглядываясь назад, гвардеец сам не понимал, какого черта они не подозревали Матеаса. Даже Фирс проверял его скорее формально. Сам Тэрл догадывался, что Орден попытается внедрить к ним своего агента, но подозревал почти исключительно Хади. Оглядываясь назад, он понимал, что ВЕРИЛ в то, что единственный кандидат в предатели, это именно ансарр.

Вспоминая свои реакции в разговорах с обаятельным наемником, гвардеец подозревал какое-то колдовство, искажение восприятия. Но какая теперь разница? Теперь это знание ничего не изменит. Случилась задница, и нам с ней работать.

— Ну что там? — потребовал отчета Тэрл, уходя на перезарядку.

Горную тропу они были вынуждены оставить, отступив в леса. Благо, могучий ансарр, несмотря на ожоги, смог тащить бесчувственное тело чародейки на себе, не теряя скорости. В лесу Тэрл нашел небольшой овраг, где они не попадали на линию огня. И теперь они с Хади поочередно поливали огнем подходы, не давая стерейцам приблизиться, пока Бофор оказывал Лане первую помощь.

— Все плохо, — откликнулся артиллерист, — Задето легкое. Проводя постоянную декомпрессию, я могу растянуть ее агонию, но и только. Тут нужен настоящий врач, а лучше целитель.

Вот только целителем в их отряде как раз и была Лана. Ей самой помочь было некому.

— Не справляюсь, — коротко сообщил Хади.

Полтора десятка стерейских солдат вели непрерывный огонь, и бывший легионер уже не мог даже высунуться; лишь вслепую поливал он лес широкой очередью пуль. Кажется, кого-то ему удавалось ранить.

Но остальные продолжали стрелять.

— Ложись!

Так же вслепую Тэрл бросил в нападавших гранату. К сожалению, стояли они недостаточно плотно, чтобы взрыв задел многих; однако, он ошеломил их, посеял хаос в их рядах.

Дал немного времени для ответного хода.

Выскочив из оврага, гвардеец открыл огонь. Двое противников рухнули в пыль, но остальные за пару секунд перенацелили оружие на новую мишень.

Тэрл никогда не позволил бы своим людям тратить на это ЦЕЛЮЮ пару секунд.

Петляя, как перепуганный заяц, гвардеец, отступал влево, разделяя внимание врагов между собой и укрытием, где оставались артиллерист и ансарр. Пули ударяли в деревья рядом с ним, но плохая видимость играла ему на руку. Попасть в него они могли разве что

случайно.

Позиция преследователей была более уязвима: растительность на подходе к оврагу уже была выкошена очередями пуль. И еще три врага получили свое. Внес свою лепту и ансарр: его выстрелы настигли двоих, прежде чем закончился магазин. Если бы бой продолжился в таком темпе, у Тэрла и Хади были бы хорошие шансы положить всю группу.

Жаль, что это был лишь авангард.

Даже сейчас сквозь просветы в деревьях Тэрл мог увидеть охотничий лагерь Карно. Сам адепт не спешил присоединиться к погоне, но гнал вперед всех солдат, что у него были. Что ж. Он допустил серьезную ошибку.

А пока отряд авангарда наконец определился с приоритетами. Обстрел оврага продолжился, и Хади снова вынужден был спрятаться в укрытие. Но на этот раз Тэрл воспринял это как сигнал к действию. Рывок вперед. Короткая очередь. Еще двое упавших солдат.

И отступление за секунду до того, как полдюжина стволов разрядятся в то место, где гвардеец только что стоял. Стерейцам бы разделить силы, четко распределить зоны ответственности, — но некому было отдать нужный приказ. Сперва весь отряд обстреливал овраг. Теперь же весь отряд преследовал Тэрла.

Как и было запланировано.

Тем временем Хади должен был осторожно поднять Лану на плечи. Покинув овраг, они с Бофором должны были отступить к следующему укрытию. И тогда был шанс, что враги потратят больше времени на их поиски.

К сожалению, дальше, чем попытки потянуть время, заглядывать было бессмысленно.

Хотя Тэрл всегда предпочитал делать ставку на кавалерийский натиск, тактика боя в лесу ему была также хорошо знакома. Главное правило — относительность расстояний.

Можно быть далеко и в то же время — очень близко.

Стерейцы следовали за ним по единственному возможному пути, даже не представляя, что в какой-то момент гвардеец перестал убежать. Дождавшись, пока они пройдут под его укрытием, Тэрл бесшумно спрыгнул с дерева на одного из солдат. Второго он крепко ухватил за горло, используя как живой щит против его же товарищей.

И короткая очередь напоследок.

Авангард был перебит полностью, за исключением одного человека, — раненного солдата, который должен был вернуться и доложить. Карно не прекратит наступление и не сменит тактику. Тэрл улыбнулся, слушая звук охотничьего рога.

Карно был предсказуем.

Маврон Карно сидел, развалившись, в кресле, принесенном в охотничий лагерь специально для него. Видимость в этом проклятом лесу была почти никакая, так что насладиться картиной того, как его люди загоняют этого труса Адильса, толком не удавалось, но несмотря на это, Маврон был доволен жизнью. Он добился всего, о чем мог мечтать, — богатства, власти, уважения. В одной руке новоявленный граф Стерейи держал бокал с дорогим красным вином, а другой рассеянно поглаживал коленку своей прекрасной супруги, леди Селесты — очаровательнейше покорной, готовой целовать ему ноги по первому требованию.

И все — благодаря Ильмадике. Единственной, кто оценил его по достоинству. Той, кто позволил ему занять то место, какого он реально заслуживал своими качествами.

Той, кто со временем сделает его королем.

От этой мысли и от воспоминания об облике Ильмадики адепт почувствовал нарастающее возбуждение. А еще — вдруг подумал, как его не устраивает его супруга. Считавшаяся одной из первых красавиц двора, на фоне Ильмадики она казалась скучной и пресной, лишенной всяческой харизмы.

Как она вообще смела сидеть рядом с ним?!

Хлесткая пощечина сбила девушку с ног, но несмотря на это, Селеста улыбнулась, — так, будто только что получила от своего вельможного супруга величайшую милость. Будто только и мечтала о том, чтобы он её ударил. Обычно Маврона это заводило, но сейчас вызвало только раздражение.

И за это она будет наказана.

— На колени, шлюха!

Карно любил, когда высокородная аристократка, ранее и не смотревшая на него как на равного, ублажает его именно так. На коленях, как покорная рабыня. Своим мягким ртом и пышной грудью. И обязательно при свидетелях, наблюдающих за её унижением.

— Вам не кажется, что сейчас не самое подходящее время? — осведомился стоявший рядом Матеас.

Этот дурак вызывал у Маврона лишь смех. Недоадепт, выучивший пару трюков и решивший, что стал ему ровней. Тот же смех наемник вызывал и у Ильмадики. Но это не мешало ей его использовать.

— Мне эта охота наскучила, — ответил граф, — Это гораздо интереснее.

— Если мы упустим ведьму, предателя и Адильса, Госпожа Ильмадика будет недовольна, — заметил Матеас.

Маврон бросил на него гневный взгляд и внушительно припечатал:

— Слушай сюда, Саймон. Ты в адептах без году неделя. Я гораздо опытнее тебя. Я получил за счет своего мастерства свой титул, деньги и вот эту женщину, а что получил ты? Ты всего лишь жалкий фокусник, и не льсти себе мыслью, что можешь стать вровень с настоящими адептами. Так что не спорь с теми, кто умнее и достойнее тебя, утрись. И подстригись, кстати, а то выглядишь как баба.

Ответить наемнику было нечего. Бросив на него презрительный взгляд, Карно снова глянул на супругу:

— И чего тупишь, корова? Сиськи наголо!

Впрочем, сейчас соблазнительная картина коленопреклоненной полуобнаженной аристократки не могла полностью отвлечь внимание адепта. Снова переведя взгляд на Матеаса, он решил довершить разгром:

— Я поднялся с самых низов. Я был простым рыцарем, и теперь я граф. Ты же — как был простым лучником, так и остался. Так что я лучше тебя знаю, как командовать моими людьми. Понял?!

И надо же было именно в этот момент вернуться в лагерь одному из отправленных им солдат. Выглядел он неважно: ощутимо хромал; лицо его было в грязи, мундир пропитался кровью, а правая рука висела плетью. В довершение этот трусливый идиот умудрился потерять где-то выданную ему винтовку!

— Господин... — произнес он, — Авангард... разгромлен...

— Идиоты! — заорал Карно, — Их трое, а вас пятнадцать! Как вы могли проиграть?!

Пнув напоследок солдата, он обратился к своему порученцу:

— Пошлите больше людей!

— Но господин... Нас осталось всего...

— Плевать! — крикнул граф, — Пошлите всех, но притащите сюда этих ублюдков! Кто вернется без добычи, того я велю казнить! Все ясно? Выполнять!

Солдаты быстро подобрались и отправились в погоню за беглецами. Было их тридцать один человек. Против троих — более чем достаточно. С Мавроном остались только Селеста, Матеас и десяток слуг.

Лучник не говорил ни слова, но его саркастическая усмешка выводила графа из себя.

— Что?! — не выдержал Карно, — Завидуешь?

— Скорее предвкушаю, — поправил Матеас.

— Что...

Договорить граф не успел. Чья-то мощная рука ухватила его за волосы, и он почувствовал сталь у своего горла.

— Отдай приказ прекратить атаку, — сказал над его ухом хриплый, сорванный командами мужской голос.

— Неплохо, Адильс, — одобрительно заметил Матеас, кладя стрелу на тетиву.

— Не пытайся, — предупредил его Адильс.

Подлость, подлость, подлость! Маврон ненавидел эту мразь. И это — командующий гвардией?! Подлец, не желающий драться лицом к лицу. Только и может, что нападать со спины.

Вслух он, однако, сказал другое:

— Делай, как он говорит!

Матеас, однако, плавно, явно наслаждаясь моментом, поднял натянутый лук к лицу:

— Если ты думаешь, что меня волнует жизнь этого ничтожества, то ты глубоко ошибаешься.

Карно почувствовал, как сердце пропустило удар от этих слов. Предатель! Все они предатели! Труссы и ничтожества, продавшие его при первой возможности!

— Нет! — закричал он, — Не убивайте меня!

Гордость? К демонам гордость. Кто вообще стал бы думать о гордости, когда к горлу приставлено лезвие ножа?

— Тогда отдай приказ отменить погоню, — напомнил Тэрл, отпуская волосы графа и освободившейся рукой наводя на лучника пистолет.

И тут в игру вступила та, о ком все трое успешно забыли. Леди Селеста, как была, с голой грудью, вдруг бросилась на гвардейца, защищая своего мужа. Слабая и безоружная, она не могла победить обученного воина, но на мгновение ее атака заставила его отвлечься.

И в следующий момент стрела Матеаса пронзила руку, в которой Адильс сжимал нож. Пистолетный выстрел все-таки грянул, но ушел в молоко. Маврон рухнул на землю и за дальнейшим наблюдал уже лежа.

Матеас выпустил еще одну стрелу, но на этот раз Тэрл сумел отклониться в сторону. Отшвырнув от себя Селесту, он бросился на наемника, замахиваясь пистолетом. Отбросив бесполезный лук, стрелок выхватил шпагу, выходя ему навстречу.

Два удара — и пистолет лежит на земле. Отступив чуть назад, Тэрл взялся за собственный меч. Он не собирался тратить время на долгий поединок.

Непрерывному натиску гвардейца наемник мало что мог противопоставить. Матеас отступал назад, из последних сил держа оборону и не давая полуторному клинку коснуться

тела. Адильс, однако, продолжал наседать, выбивая противника из равновесия.

До тех пор, пока Маврон не выпустил тонкий разряд молнии ему в спину.

Тэрл Адильс — всего лишь жалкий дурак.

Яркий голубоватый разряд ударил ему в поясницу, и бывший гвардеец рухнул на землю.

Тотчас же подбежав к нему, граф Маврон стал пинать его ногами. И этого самоуверенного дурака не хватило даже на то, чтобы защищаться.

Выпустив пар немного, Карно сказал:

— Вот так. Ты просто ничтожество, Адильс. Как и все мятежники.

После этого он перевел взгляд на Матеаса:

— Ты предал меня. Но я все равно спас тебе жизнь. Вставай на колени и благодари.

Наемник смерил его безразличным взглядом:

— Этим пусть жена ваша занимается.

Перебранку прервало возвращение отправленного отряда. Из трех десятков вернулись лишь девять человек, которые тут же стали новыми жертвами гнева графа.

— Идиоты! Из-за того, что вы оставили пост, вашего хозяина чуть не убили!

— Но господин... — робко ответил один из них, — Вы же сами приказали...

— Молчать, ничтожества! Заткнитесь и надейтесь, что того, что вы хотите мне сообщить, достаточно, чтобы умерить мой гнев.

— Да, господин, — закивал солдат, — Мы захватили их. Двое живых воинов и смертельно раненная женщина. Все — с нами.

Маврон внимательно оглядел добычу, забыв и про нерадивых подчиненных, и про идиота-наемника, и про поверженного им гвардейца.

Мускулистый дикарь встречал его взгляд спокойно и невозмутимо. Его тело покрывали десятки небольших кровоточащих ран, но дикарь ничем не выдавал, что ему сколько-нибудь больно. Маврон почувствовал в этом некий вызов; тем более что как он знал, этот дикарь был бойцом Железного Легиона, предавшим Владычицу.

Если Маврон преподнесет ей его, сломленного и умоляющего о снисхождении, Владычица несомненно оценит это и наделит своего вернейшего слугу своей благосклонностью.

Хмурый мужичок графа особо не заинтересовал. Мелкий, плотный, немолодой, — какой идиот вообще его в армию взял? Смех один, а не противник.

А вот девчонка... Хороша была девчонка, что и говорить. Не хуже Селесты, пожалуй. Да только сейчас это уже, по сути, труп: не выживет она с такими ранами и даже в сознание не придет. А жаль.

— Что ж ты её сразу убил-то? — попенял Маврон Матеасу.

Наемник, однако, безразлично пожал плечами:

— У меня четкий приказ. Она должна умереть. А теперь, если позволите, я перережу ей глотку.

Карно мотнул головой:

— Сперва я ее обыщу. У неё должна быть вещь, которая интересует Ильмадику, и я не позволю тебе, мошенник, наложить на нее свои лапы.

Еще не хватало, чтобы этот дилетант, ни черта полезного не сделавший, украл у него заслуженную славу и почет! Украл у него благосклонность Ильмадики! Сама мысль о подобном приводила адепта в бешенство.

Матеас промолчал, оставшись в стороне. А Маврон тем временем приступил к обыску.

Его жизненный опыт подсказывал, что самым надежным «тайником» женщины обычно считают вырез платья; отсюда он и решил начать. Пока чародейка не начала остывать.

— Что это за звук? — спросил вдруг Матеас.

Рассекая воздух, дирижабль стремительно несся над Полуостровом. Под чутким руководством Килиана ансарры выжимали из Дозакатной машины все, на что была способна кустарная конструкция. Где-то в районе семидесяти узлов, значительно больше, чем мог бы выдать корабль или самый лучший конь.

И все равно Килиану это казалось ужасно медленным.

— Штурвал левее! — командовал ученый, — На одиннадцать часов! Стравливайте газ... хватит! Руль высоты вниз на четыре градуса! Мы почти на месте, поднажмите!

Трое ансарров поворачивали тяжелый штурвал, стараясь чутко подстроиться под его указания. Еще шестнадцать человек вращали педали, приводящие в движение малый пропеллер. Большой пропеллер двигал сам Килиан, используя магнитокинез и регулярно уничтожая запасы драгоценностей, чтобы поддерживать достаточный уровень энергии. Все это придавало необходимый импульс кожаному мешку, наполненному гелием, полученным из Понижения опресненной воды. Снизу же к гондоле была привязана корзина, сделанная из корпуса корабля, где и располагалось все племя.

Рядом с ученым сидели Нагма и Яруб. Знахарь удерживал перед ним магический «компас», где бегали, как живые, две капли его собственной крови. Одна указывала на его тело, другая — на созданный им амулет. Именно туда держал курс дирижабль, которому просто некогда было придумывать достаточно пафосное название.

Что до девушки, то она периодически утирала пот с лица чародея. Поддерживая одновременно и компас, и магнитокинез, и еще ментальную связь, делать что-то еще и руками мужчина уже не мог.

«Лана, пожалуйста, продержись. Помощь уже близко!»

Стравив часть гелия, дирижабль снизился, — возможно, чересчур. Еще бы немного, и они рисковали попасть в обстреливаемую зону к северу от Елизарова Вала.

На то, чтобы просить у князя разрешения пролететь над его владениями, времени, разумеется, не было.

— Вижу людей впереди! — сообщил зоркий Джамиль, выступавший в качестве впередсмотрящего.

— Сколько? — тут же осведомился Килиан, обращая иридиевую пыль в осмий.

Он знал, что в отряде Ланы всего пять человек.

— Четырнадцать! — потратив несколько секунд на подсчеты, ответил ансарр, — Трое явно пленные!

— Готовьтесь к бою.

Не переставая вращать пропеллер, Килиан прошел вперед, к носу дирижабля. Единственный глаз ученого, испорченный годами чтения в полумраке и опытов с киноварью, не мог рассмотреть деталей на таком расстоянии.

Но Лану он узнал бы в любой ситуации.

А когда дистанция еще немного сократилась, мужчина почувствовал нарастающий гнев. Негодяй Маврон, которого следовало убить еще тогда, во время подчинения Стерейи, лазал руками за пазуху бессознательной чародейки! И что-то подсказывало: не с целью оказать медицинскую помощь.

— Держать курс на эту группу, — распорядился Килиан, — Руль высоты вниз на двенадцать градусов; снижайтесь. Когда дистанция сократится, откройте огонь.

— Стой, что ты... — начал было Джамиль, но Килиан его уже не слушал.

Заложив в заклятье достаточно силы, чтобы какое-то время пропеллер еще продолжал вращаться, ученый выпрыгнул за борт.

Маврон и его люди к тому моменту успели заметить приближающийся дирижабль, опознать его как угрозу и дать первый залп в его сторону. К счастью, расстояние пока что играло в пользу ансарров: пули и стрелы теряли энергию и не достигали цели.

Пока что.

К счастью, сосредоточившись на более крупной мишени, они упустили из виду более мелкую. Стремительно летя в сторону земли, Килиан подсчитывал цифры.

Ускорение свободного падения: девять и восемь десятых метра в секунду в квадрате.

Время до столкновения с землей: тринадцать с половиной секунд.

Необходимая дистанция для торможения: триста метров или более.

Чародей затормозил на десятой секунде. Как и тогда, у Этбайского хребта, спасла конструкция из цепей, которую он ухватил магнитокинезом, постепенно снижая скорость падения.

Приземляясь прямо перед врагами.

Заминка на несколько секунд, пока стороны внимательно изучали друг друга. А затем — истерический крик Маврона:

— Стреляйте, идиоты!

Винтовки трех первых отреагировавших солдат заклинило: сработал любимый Килианом прием защиты через контроль вероятностей. Однако, еще шесть очередей пуль ударили в щит из магнитных полей, который торопливо выставил перед собой чародей. Он не пытался остановить пули в полете: это потребовало бы слишком много энергии и концентрации. Лишь слегка отводил в стороны, пропуская мимо себя.

— Кто ты такой, мразь?! — крикнул Маврон, и Килиан понял, что в пустынном одеянии и с выбитым глазом старый знакомый его попросту не узнал.

Шесть щелчков возвестили об истраченных патронах в винтовках стерейцев, и вот тогда-то в игру вступили пленные. Здоровенный ансарр, в котором Килиан с отстраненной радостью опознал Хади, обрушил кулаки на головы двух солдат, неосмотрительно повернувшихся к нему спиной. Может, он и не мог победить всех в одиночку, но гигант-ансарр смог прекрасно отвлечь на себя внимание охраны.

На поле боя воцарился хаос, но у Килиана сейчас были более насущные проблемы. Сразу два адепта обрушили на него поток молний, но ученый, сосредоточив магнитное поле на рукояти воткнутой в землю сабли, отводил разряды вниз. Шесть секунд поддерживали они атаку, а затем в их натиске образовался просвет.

И Килиан бросился вперед, на ходу бросая горсть осмиевой пыли.

— Не смей трогать Лану!

Право же, не будь он сейчас так озабочен судьбой чародейки, придумал бы более запоминающуюся фразу. Например, придумал бы, как лаконично сформулировать «Я же говорил, что наследников у тебя не будет», как напоминание о том, что у них уже был конфликт из-за Селесты...

Впрочем, слабую фразу компенсировал впечатляющий эффект от его заклятья. Магнетизм, ранее защищавший его, теперь перешел в атаку. Осмиевая пыль, разогнанная до

скорости пули, ударила в горло Карно, разрывая его в клочки, как заряд картечи. Кровавая дымка взметнулась в воздух, окрашивая в розоватые тона воздух над трупом несостоявшегося графа.

Горестно взвыла Селеста, в рыданиях бросаясь на колени перед мертвым телом своего мучителя. И против своей воли подумал Килиан, что еще недавно вел бы себя так же, — если бы кому-то хватило мастерства убить Ильмадику.

Между промыванием мозгов с помощью магии и теми манипуляциями, что позволяли Владычице управлять своими адептами, разница была гораздо меньше, чем могло показаться.

Развивать эту мысль, однако, было некогда. Жуткая смерть Маврона не шокировала второго адепта. Быстрым, отработанным движением он вскинул лук, — и Килиан понял, что не успеет ни уклониться, ни вернуть магнитное поле в положение щита.

Спас его тогда Тэрл. Избитый, держащийся на одном упрямстве воин неожиданно быстрым и точным движением оказался между Килианом и стрелком. Голой рукой он поймал стрелу на лету, — стрелу, которая, как видел теперь Килиан, была нацелена прямо в сердце.

Несомненно, вторую стрелу подряд гвардеец не перехватил бы. Но уже наложив ее на тетиву, адепт бросил взгляд вверх — и обратился в бегство, бросая стерейских солдат умирать под пулями ансарров.

Через полминуты все было кончено. Пленных не брали: некогда было. Так и не успевшие перезарядиться стерейцы полегли полностью. Дирижабль с ансаррами снизился до пары метров, и первым на землю прыгнул Яруб.

— Хади! — с непередаваемой радостью и облегчением воскликнул старый знахарь, подбегая к гиганту.

Казалось, на глазах помолодел ансарр лет на двадцать. Как будто тревоги, сопровождавшие его повсюду, висевшие над ним, подобно плотной дымке, враз развеялись, как дым.

— Отец?! — будто не веря своим глазам, спросил Хади, — Отец!

Сын и отец бросились друг другу в объятия, и против своей воли Килиан почувствовал легкий укол зависти. У него самого никогда не было отца, который был бы рад встрече с ним. Когда спустя двадцать пять лет разлуки он отыскал своего отца, то первым, что он услышал, было «Я знаю, что ты повинен в колдовстве, но не стану давать делу ход, пока ты мне полезен».

Всего секунду наблюдал Килиан за этой семейной сценой, а потом бросился к той, ради которой и совершил этот перелет на пределе возможностей небесной машины.

Лана была плоха. Очень плоха. На удивление, ей оказали вполне приличную медицинскую помощь, но этого было недостаточно. Осматривая стягивавшую её грудь окровавленную повязку, ученый обратился к тому мужичку, что, кажется, и отвечал за её состояние:

— Удалось избежать пневмоторакса?

Тот в ответ кивнул:

— Я откачал воздух и тампонировал рану. Но если она откроется...

— Я могу заговорить кровь, — перебил его Килиан, — Тогда рана не откроется. Но это только даст нам отсрочку. Легкое повреждено, такие раны сами не заживают.

Идаволлец снова кивнул:

— В Альбане есть врачи. Нужно доставить её туда: они помогут.

— Не говори ерунды! — огрызнулся Килиан, — Я знаю, на что способны обычные врачи. Если они и смогут спасти ей жизнь, то здоровье ее будет подорвано окончательно.

Его собеседник пожал плечами:

— Это лучше, чем смерть.

Ученый тяжело вздохнул, стараясь успокоиться. Сейчас эмоции только мешали. Он волновался за Лану. Даже не так: он боялся за неё. Боялся, что потеряет её — сейчас, в шаге от её спасения. Не стоит запрещать себе бояться: страх — это инструмент, помогающий выживанию. Это информационный ресурс: вплетенное в самую подкорку знание, на что нужно обратить внимание, чтобы избежать смерти и потерь.

Но когда знание уже получено, страх должен уступить место логике. Только разум может найти выход из любой ситуации.

Из любой ситуации есть выход. Килиан верил в это. Нужно просто его найти.

— Лана смогла бы исцелить эту рану без следа, — сказал он.

— Но вы же видите, что она не сможет колдовать, даже если вы приведете ее в сознание.

Ученый бросил взгляд на Яруба. Старый знахарь некогда выходил его после нескольких пулевых ранений в грудь. Но ему тогда повезло больше, чем Лане, — или просто адепты не стремились закончить дело одним метким выстрелом. Ансаррская народная медицина здесь поможет не больше, чем знания Университета свободных наук.

Ансаррская медицина. Знания Университета. Почему он подумал именно так, а не «знания Яруба» и «знания Килиана»?

Да потому что в этом и скрывался ключ.

— Нагма, опусти машину еще ниже! — приказал Килиан, — Нам нужно погрузить её туда. Курс на восток.

Он поднял Лану на руки, не чувствуя её веса, и шагнул было к дирижаблю, но тут дорогу ему преградил Тэрл. Воин уже вернул себе оружие и сейчас угрожающе помахивал обнаженным мечом.

— Альбана на юге, — напомнил он.

— Я знаю, — кивнул ученый, — Но в Альбане ей не смогут помочь.

— И я должен верить, что у тебя есть место, где ей помочь могут? — осведомился гвардеец.

— А по-твоему, я мог бы обманывать, когда дело касается её жизни? — возмутился Килиан.

— Мог бы, — уверенно ответил Тэрл, — Ведь ты — адепт Ильмадики. Слуга нашего врага.

Килиан дернулся, как от удара, но постарался говорить спокойно:

— Я больше не адепт. Теперь я сам по себе. И ты можешь мне не верить, но я люблю Лану и хочу спасти её.

— Ты прав, — согласился воин, — Я тебе не верю.

Напряжение ощущалось почти физически. Килиан вдруг почувствовал, что Тэрл уже высчитал зоны обстрела ансаррских стрелков. Если начнется бой, то шансов у гвардейца будет немного. Но он готов был рискнуть.

— Проклятье, Тэрл! — воскликнул ученый, — Для непонятливых поясню: я везу её в Иллирию. Туда, где обитают маги, подобные ей. Те, кто научили её исцелять чужие раны.

Единственные, кто смогут ей помочь. И если ты, мать твою, умеришь свое ослиное упрямство и отойдешь с моей дороги, то у нас даже есть шанс успеть, пока не станет слишком поздно!

Последние слова он почти кричал. Но гвардейца это совершенно не впечатлило.

— Это просто слова, — ответил он, — А факты в том, что я еще ни разу не видел бывшего адепта.

— В другой ситуации я бы порадовался, что я такой уникальный, — проворчал Килиан, — Но сейчас вопрос не в этом. У тебя есть собственный план, как спасти её? Нет? Я так и думал. Тогда будь так любезен, дай мне воспользоваться моим планом.

Два взгляда скрестились, как шпаги.

И тут голос подал Хади:

— Я поручаюсь за него, командующий. Я знаю этого человека, и я обязан ему жизнью. Я знаю: он не лжет. Я также знаю, что мой народ не пошел бы за предателем. Вы можете доверять ему. Вы и ваш народ.

Тэрл перевел взгляд на него, затем снова на ученого:

— Я не могу доверять никому. Мы в разгаре гражданской войны; доверие для нас — непозволительная роскошь. Но я дам вам шанс. Мы с Бофором едем с вами. Если попробуешь что-то выкинуть, Реммен... я отправлю тебя обратно в Преисподнюю. Даже если это будет стоить мне жизни.

— Иного я и не ожидал, — невозмутимо ответил Килиан и обойдя воина, осторожно, бережно уложил девушку на борт дирижабля.

— Мы вылетаем немедленно. В Иллирию.

Глава 7. Незримая красная нить

Открыв глаза, Лана с удивлением обнаружила, что у неё ничего не болит. Это было странно. Она точно помнила, что так не должно быть.

Но как же это было восхитительно!

Чародейка глубоко вздохнула — легко и свободно. Те минуты (или часы?), что ей приходилось бороться за каждый вздох, практически не отложились в её памяти. Только чувства: боль, агония, беспомощность. Неотвратно приближающиеся шаги Смерти, неумолимый стук Судьбы в дверь.

А еще — странное чувство поддержки и покоя. Чувство, что ей не страшно умирать.

Лана не знала толком, что происходило после того, как её ранили. Не воспринимала она тогда реальность. То есть, наверное, хорошенько подумав, можно было найти аналогии между теми видениями, что она испытывала, мечась в предсмертном бреду, и тем, что окружало её на самом деле. Но при попытке сделать это у девушки разболелась голова.

Зато потолок над своей головой она опознала уже через пару секунд. Ведь хорошо знаком был этот потолок. Все детство она провела в этих краях.

Она находилась в особняке рода Д'Исса. Её комната, красиво обставленная в нежных бело-розовых тонах, осталась такой же, какой она её оставила, уезжая в путешествие вместе с Лейлой.

Казалось, целую вечность назад.

Сквозь приоткрытые занавески пробивался солнечный свет, естественным образом прогревая воздух в комнате. С приглушенным стоном девушка повернулась на бок на кровати, — не слишком мягкой, идеально выверенной под ее предпочтения, чтобы не портить осанку.

Неподалеку от кровати подремывал в кресле мужчина в повседневном камзоле. Немолодой, но все еще сохранявший остатки былой формы, он был совершенно лыс, но чародейка знала, что в молодости у него были такие же рыжие волосы, как у неё.

— Папа! — воскликнула она.

Как давно она его не видела!

— Лана! — обрадовался он, мгновенно проснувшись, — Как ты себя чувствуешь?

— Живой, — коротко ответила девушка, — И даже, кажется, здоровой.

Поднявшись с кровати, чародейка крепко обнялась со своим отцом. На мгновение она снова почувствовала себя маленькой девочкой, почувствовала, что мир прекрасен и полон чудес, что жизнь легка, что с любой проблемой можно обратиться к старшим, и они все исправят.

На какое-то мгновение.

— Что произошло? — спросила она.

— А что ты помнишь? — вопросом на вопрос ответил отец.

— Мы были в землях Порчи, — начала вспоминать Лана, — Я пыталась договориться с драконом о том, чтобы местные обитатели прекратили нападения на Альбану, чтобы мы могли без помех воевать с Орденом. Мне удалось. Но он предупредил, что я могу не дожить до следующего утра. Когда я выходила из пещеры, меня ранили. Я не видела, кто... Очнулась я уже здесь.

— Что ж, до следующего утра ты дожила, — сообщил отец, — Мишель лечил тебя всю

ночь. Он заверил, что когда ты проснешься, будешь здорова.

Лана кивнула. Мишель Д'Сар был учеником Нестора и целителем, как и она. Они с самого детства учились вместе; когда-то у них даже был роман, но расстались они очень нехорошо. По мнению Ланы, он был инфантилен, безответственен, истеричен, а главное — не понимал её и не желал понять. Он был слишком зациклен на себе, и никому другому места в его сердце не было.

И все-таки, магом он был хорошим, и в этом на него можно было положиться.

— Как я сюда попала? — задала она следующий вопрос.

— Тебя привезли на летающей машине. Адильс со своим артиллеристом, группа дикарей и...

Отец замолчал.

— И — кто? — уточнила Лана, осененная смутной догадкой.

Что, если ее видения были ближе к действительности, чем ей казалось?..

— Палач Неатира, — ответил отец, — Килиан Реммен.

Значит, это правда...

— Килиан?! — воскликнула чародейка, — Он жив?!

— Жив, — подтвердил отец явно без какого-либо одобрения, — Сейчас он в темнице, вместе со своими дикарями.

Лана, как раз собиравшаяся спросить, почему он не дождался ее пробуждения, нахмурилась:

— В темнице? За что?

Отец воззрился на нее с недоумением.

— Он — адепт. Ваше появление здесь ускорило события. В ближайшие дни здесь соберутся главы благородных домов Иллирии. После традиционных споров и переливаний из пустого в порожнее будет принято решение о начале открытых боевых действий против Идаволла и Ордена. В такой ситуации просто глупо оставлять одного из сильнейших слуг нашего врага на свободе.

— Но он больше не слуга Ильмадики! — возразила Лана, — Он пошел против нее. И спас жизнь твоей дочери, так, между прочим.

— Это не отменяет его преступлений. Неатир, Стерейя, Миссена — вся эта кровь на его совести. Нестор погиб из-за него!

— Да его там даже не было! — возмутилась девушка, — Неужели ты не видишь?! Неужели не понимаешь, что Ильмадика просто спихнула всю вину за свои действия и действия своих адептов на того, кто, единственный, воспротивился её воле?!

— Люди говорят... — начал было отец, но Лану было уже не остановить. Войдя в поток, она продолжала тараторить, уже обращая мало внимания на то, насколько её слова подобают приличной леди:

— Люди говорят, что в рабстве у Идаволла меня драли во все щели! Так вот, заявляю тебе ответственно, что это не так! Именно потому что Кили защищал меня! Или думаешь, я лгу, чтобы прикрыть свой позор?! Если думаешь, то так и скажи!

— Я ничего такого не думаю, — хрипло ответил отец, — Но я не могу рисковать, понимаешь? Сейчас слишком многое поставлено на карту. Положение Иллирии неустойчиво. Среди знати хватает тех, кто обвиняет нас в потере мира с Идаволлом. В том числе те, кто обвиняет тебя. Твое свидетельство просто не будет иметь достаточно веса.

— Конечно, нужно было оставить их Герцогиню секс-куклой Амброуса! — фыркнула

девушка, — И как я не догадалась?! Зато мир был бы. Правда, под властью долбанной психопатки, промывающей людям мозги, и предателя, убившего родного отца, но это же такие мелочи!

— Мы поговорим об этом, когда ты немного придешь в себя, — ответил отец, отводя глаза, — Как и о том, что нам придется сделать, чтобы помочь восстановить мир на Полуострове. Сейчас отдыхай.

Отвернувшись к двери, он направился на выход. Лана не пыталась останавливать его. Упрямство её было определено фамильным. В прошлом они с отцом неоднократно сталкивались в спорах. И ни один из них не уступал. Никогда.

— Позволь мне хотя бы поговорить с ним, — попросила чародейка.

— Я, знаешь ли, не глупее тебя, — усмехнулся лорд Д'Исса, — Стража уже предупреждена. Тебя пропустят.

— Спасибо.

Он вышел за дверь, оставив её одну. Грегор Д'Исса был сильным и благородным человеком. В свои пятьдесят шесть он оставался стойким бойцом и уверенным лидером. Дочь он искренне любил и защищал; Лана всегда могла чувствовать себя в полной безопасности рядом с ним. Но вот одного ей остро недоставало.

Простой человек, твердо стоящий на земле, он никогда её не понимал.

Высокие материи, к которым был обращен взор дочери-чародейки, оставались для отца темным лесом. Вещи, восхищавшие её, заставляли его скучать. Вещи, заставлявшие её плакать, вызывали лишь саркастичные комментарии. Лана могла чувствовать себя с ним как за каменной стеной, да только за этой стеной было ужасно холодно.

Её мать была другой. Именно от нее Лана унаследовала свой дар. Да только в детстве ужасно мало она общалась с матерью.

А потом стало поздно.

Чародейка тряхнула головой, отгоняя неуместные мысли. Не время. Нужно восстановить контроль над ситуацией.

Если чему-то и научила её эта война, то это тому, что контроль над ситуацией нужно сохранять всегда.

Распахнув шкаф, девушка потратила несколько минут на одевание. Зеленый костюм для верховой езды и голубая накидка, которые она надела перед путешествием в Земли Порчи, были, скорее всего, в стирке или на починке. Так что выбирать приходилось по большей части из платьев, каковые она всегда предпочитала прочей одежде.

Как будто в этом шкафу лежал кусочек её-прежней.

В итоге Лана остановилась на удобном льняном платье без жесткого каркаса, верх которого был белым, а к подолу цвет постепенно переходил в черный. Поверх него девушка накинула короткую кожаную жилетку. Украшений на этот раз она не надела.

Не считать же таковым прицепленный к бедру «кинжал невинности», с которым она теперь не расставалась никогда.

— Миледи.

На ходу приветствуя слуг и стражу, эжени вышла за порог поместья и с наслаждением вздохнула. Казалось, даже воздух в Иллирии пахнет не так, как на чужбине.

Казалось, он пахнет домом.

И все-таки, едва заметные глазу детали не позволяли расслабиться. Необычная торопливость в доносившемся от кузниц стук молотов. Повышенная подозрительность во

взглядах караульных. Исходившая от магов неуловимая аура защитных чар.

Иллирия готовилась к войне. К войне, которая совсем скоро унесет тысячи жизней. К войне, которую принесла сюда она.

Но Лана не раскаивалась и не сожалела. Она сделала то, что должна была. Она поступила правильно. И на Совете она скажет то же самое. И примет любую судьбу, что ей уготована.

А сейчас нужно встретиться с тем, кто, как ей казалось, уже принял свою.

Темница поместья Д'Исса называлась таковой лишь условно. Мирный род, давно не ведший войн, они, как правило, не держали пленных. Для преступников существовала тюрьма в ближайшем городе... а чаще — веревка на ближайшем суку: Грегор Д'Исса был крут нравом и скор на расправу. По сути, это был просто запираемый подвал, который при необходимости было легко переоборудовать в погреб или иное хранилище. Здесь не было ни решеток, ни крыс, ни пыточных инструментов. Хотя неприятный холод заставил Лану содрогнуться. Она могла потерпеть холод, потому что легко выйдет отсюда, но находиться здесь подолгу ей бы не хотелось.

Другим неприятным фактором была толкучка. Подвал не был рассчитан на такое количество людей, что посадили туда сейчас. Покрывала, служившие заключенным в качестве постелей, лежали вповалку. Сами ансарры сгрудились вокруг что-то рассказывавшего старика, рядом с которым уселся уже знакомый девушке Хади. А в стороне...

Хотя Лана и уже знала, с кем встретится, все равно ее сердце пропустило удар. В сторонке от остальных стоял Килиан. Черные волосы, уже не собранные в хвост, спутались; лицо портила совершенно не шедшая ему застарелая щетина, а левый глаз скрывала кожаная пиратская повязка, но все же, это был он. Друг, которого она успела оплакать. Ангел-хранитель, оберегавший её с того света.

Обернувшись на звук открывающейся двери, ученый улыбнулся, — светло и радостно. Он произнес всего одно слово:

— Лана...

— Миледи, осторожнее с ними, — предупредил её стражник, видя, что девушка направляется к заключенному.

— Этот человек не причинит мне вреда, — уверенно заявила чародейка, — Вы можете быть спокойны.

Войдя в темницу, она решительным шагом пересекла помещение. Встала прямо перед Кили. Их глаза встретились.

А затем она отвесила ему звонкую пощечину.

— Что ж, наверное, я это заслужил, — задумчиво заметил ученый, потирая щеку.

— Как ты мог?! — воскликнула Лана, — Если ты был жив, то почему не сказал об этом? Почему не дал знать?!

— Это бы ничего не изменило, — ответил мужчина, — Там, где я находился, ты не смогла бы мне помочь. Лишь зря волновалась бы, когда у тебя своих проблем хватало.

Новая пощечина. Уже с другой руки.

— Ты за меня решил? За меня решил, буду я волноваться или нет?! Ты понимаешь, что я корила себя за твою смерть?! А ты, оказывается, жив!

Несколько секунд ученый молчал, как будто то, что она сказала, было для него действительно неожиданно.

— Я не думал, что... для тебя это так важно, — признался он.

Еще одна пощечина, сильнее двух предыдущих. За такие слова... За такие слова Лане хотелось ударить его по-настоящему.

Но вместо этого она бросилась ему в объятия.

— Дурак ты, — всхлипнула она, пряча лицо в грубой ткани пустынного одеяния на плечах мужчины, — Дурак...

Килиан неловко обнял девушку в ответ:

— Наверное, да, — согласился он, — Наверное, я дурак. Прости, что заставил поволноваться. Я не хотел этого.

Казалось, вернулось то время, когда она плакала у него на плече, а он утешал её. Как же давно это было! До предательств, рабства, до гражданской войны. Они изменились с тех пор — оба изменились. Но сейчас они были прежними. И как и тогда, Кили тихо повторял, что ей не следует стесняться своих слез. Что слезы — это нормально. И как и тогда, в его объятиях она находила успокоение.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. И неловко отстранившись, Лана вернулась в реальный мир.

В настоящее.

— Как ты выжил? — спросила она, — Ты не мог выжить. Что произошло там, в темнице Идаволла?

— Кристалл, — коротко пояснил Килиан, — Я положил два оставшихся телепортационных кристалла в нагрудные карманы куртки. Один использовал, чтобы переправить тебя в Альбану. Второй так и лежал в кармане, когда адепты начали расстрел. Пуля угодила в него, высвободив его содержимое. Так как червоточина не была откалибрована, разброс получился большим: я оказался на высоте пары метров над пустынным барханом на Черном Континенте. Там меня и нашли ансарры. Яруб вылечил меня и выходил. И я остался жить в их племени.

— Как ты приходил в мои сны? — задала следующий вопрос Лана, — Ты не говорил, что умеешь подобное.

— Я не умею, — ответил ученый, — Просто в какой-то момент у меня начало это получаться. Это похоже на ту магию, которой научила меня ты: я никогда не использовал для этого энергию преобразований. Только мечта однажды снова увидеть тебя.

Чародейка поморщилась:

— Не надо, пожалуйста.

Разомкнув объятие, она сделала пару шагов назад. Однако чародей не отставал:

— А собственно, почему? Ведь это правда. Ты особенная, Лана. Для меня — особенная. Там, в пустыне, я мечтал снова встретиться с тобой. И вот, наконец... мечта сбылась.

Снова приблизившись, Килиан обнял её за плечи и попытался поцеловать в губы.

Однако Лана просто отвернулась.

— Тогда, в Неатире, — продолжил ученый, — Ты формально считалась моей рабыней. Ты зависела от меня, и я понимаю, почему тебе было неприятно от моих притязаний. Но теперь?..

— Дело не в том, кем я формально считалась, — прервала его девушка.

— Тогда в чем же?..

Она снова посмотрела в его лицо. Кили, Кили... Кили, вечно пытавшийся все понять. Въедливо расспрашивавший обо всем, чего не понимал. Пытавшийся взвесить и измерить

магию, вдохновение — и даже любовь.

Такой близкий и такой невыразимо чуждый.

— Я смотрю на тебя, — медленно, боясь того, что сейчас случится, заговорила Лана, — Я смотрю на тебя, но я не вижу тебя. Я смотрю на тебя и вижу Её. Твою Владычицу. Я вижу, как ее черты проступают на твоём лице. Я вижу, как ее взгляд блестит сквозь твои ресницы. Я вижу, как она говорит твоим голосом. И то, что ты отверг её... Не думай, я этого не обесцениваю. Но этого мало. Она уже внутри. Вот здесь.

Чародейка положила руку на грудь друга, чувствуя, как его сердце забилось чаще. Она смотрела в его лицо и видела раздиравшую его внутреннюю борьбу. Он не понимал — не желал понимать, что она хотела сказать ему. И в то же время — понимал прекрасно и был с ней согласен.

— Я — не Ильмадика, — хрипло сказал Килиан.

— Возможно, нет, — пожалала плечами девушка, — Но ты носитель того же вируса, что освободил вместе с ней. И я просто не могу поцеловать тебя и не бояться заразиться им. Это уже почти случилось там, в Неатире. Второй раз я этого не допущу.

— Если это вирус, — заметил ученый, — То помоги мне излечиться.

— Я уже это делаю, — ответила она, — Но будет больно. Очень больно.

— Боль меня не пугает, — кивнул он, — Я к ней привык.

И что-то было в этих словах такое, что чародейка дрогнула. Это не была пустая бравада.

Она почувствовала, что с момента, когда он предал Владычицу ради ее спасения... он испытывал боль постоянно.

Ильмадика всегда была предусмотрительна и могла позаботиться о том, чтобы её рабы не допускали и мысли о предательстве.

— Ты веришь мне, Лана? — спросил Килиан, — Ты веришь, что я смогу излечиться? Веришь, что я смогу быть тебя достойным?

Много чего она могла сказать. Она могла бы заверить его, что верит, — просто чтобы он не терял надежды. Могла бы сказать, что если его цель — быть ее достойным, если он делает это для кого-то, — то он уже проиграл.

Но вместо этого она просто пожалала плечами:

— Посмотрим.

— Отойдите от леди, — угрожающе предупредил стражник, вошедший в темницу.

Лана, однако, жестом остановила его:

— Не стоит. Этот человек не представляет опасности.

После чего снова обратилась к другу:

— Я постараюсь убедить отца. Если у меня все получится, тебя и твоих людей освободят.

Килиан усмехнулся, — как прежде:

— В таком случае, мне следует уже думать о том, как я, выйдя на свободу, смогу помочь вам в вашей борьбе. Ты ведь примешь мою помощь? Не Тэрл, не Леинара и не твой отец. Именно ты.

— Чуть не забыла!

Крикнув это на всю камеру, Лана поспешила достать из сумочки свой бесценный груз. Устройство Дозакатных, добытое в конвое Шнирке.

— Ты знаешь, что это?

И по выражению единственного глаза поняла. Знает. Конечно же, дракон имел в виду

именно это. Он предвидел, что скоро она встретится с Килианом.

— Откуда это у тебя?..

— Ответ на вопрос, — поняв, что это прозвучало по-допросному, Лана чуть смягчилась, — Это мы отбили у адептов Ильмадики. А теперь ответь мне. Пожалуйста.

— Не могу устоять перед такой вежливой просьбой, — усмехнулся бывший адепт, — Впрочем, перед тобой я вообще не могу устоять.

Стойко выдержав испепеляющий взгляд, он продолжил:

— Это устройство для хранения информации. Маркировка частично стерлась, но судя по ее остаткам, от одного до десяти петабайт. На момент Заката — немного; там могли храниться документы, переписка... всякое такое.

Документы... Переписка... Знания! Возможно — знание, как победить Ильмадику!

— Ты можешь прочитать, что там записано?! — от волнения Лана даже забыла сделать выговор за неуместные комплименты.

Килиан снова усмехнулся, на этот раз мрачно:

— Куда я его вставлю, в задницу, что ли? Это не магия, это технология. И чтобы считать информацию, необходимы соответствующие технические средства. Без технологий Дозакатных это — не более чем украшение.

— Те машины, что стоят в Убежище Идаволла, — вспомнила Лана, — Они могут это прочитать?

— Я не успел их толком изучить, — признался Килиан, — Не до того было. Но по первому впечатлению: могут. Вот только скажи мне, Лана. Как ты думаешь, а Ильмадика знает, что они это могут?..

Ильмадика, естественно, знала. По три раза на дню она проверяла охрану дворца. Периодически заглядывала и в убежище, убеждаясь, что туда не сможет пробраться ни однамышь. Буквально: ведь она сама когда-то учила Килиана общаться с животными и использовать их в качестве своих шпионов.

Новость о возвращении старого врага ей принес Матеас.

— Значит, вот оно как обернулось... — задумчиво протянула богиня, развалившись в кресле и слушая доклад коленопреклоненного лучника.

В этом кресле она выглядела королевой на троне, — хоть происходил этот разговор и не в тронном зале, а в её покоях.

— И ты бросил своего брата по ордену умирать? — резко спросил король, стоявший за её плечом, как телохранитель.

Амброусу Матеас не нравился. Категорически не нравился. Презрение и ревность создавали гремучую смесь. Ильмадика приложила немало усилий, чтобы её Первый Адепт видел в наемнике соперника за её сердце.

А то после якобы смерти своего брата он как-то расслабился.

— Спокойно, Амброус, — протянув руку, Владычица коснулась его бедра, чувствуя, как по телу короля как будто пробегает легкий разряд тока. Жадно ловил он каждый её знак внимания.

Каждый знак того, что имеет право жить.

— Матеас принес нам важные вести. Маврона жаль, но он сам виноват. Эта операция была спланирована бездарно. Я верю, что ты таких ошибок не допустишь.

— Спасибо, Госпожа, — склонил голову Амброус, довольный похвалой.

Доволен похвалой был и Матеас, хотя по нему это было не так заметно. Лучник казался спокойным и невозмутимым, но Владычица читала в глубине его души амбиции человека, чувствующего неопределенность своего таланта. У него был отличный потенциал.

Пожалуй, он мог бы стать следующим Первым Адептом.

— Госпожа, — подал голос наемник, — Если этот человек для вас так опасен, я могу поставить себе следующей целью его уничтожение.

Богиня заливисто расхохоталась:

— Опасен для меня? Это невозможно. Я бессмертна. И всемогуща. Килиан должен заплатить сполна за свое предательство, но мы не должны забывать о приоритетах. Если Селеста перейдет на сторону мятежников, мы можем потерять Стерейю. Я дам тебе пять адептов из молодых и сотню человек Железного Легиона. Они составят костяк твоих сил. Все войска Маврона также переходят под твое командование. Ты должен нанести упреждающий удар по логову мятежников в Альбане. Если сумеешь захватить королеву живой, сделай это. Если нет, позаботься о версии для общественности. Все должны верить, что она убила себя, не вынеся мук совести из-за того, что предала своего супруга.

— Есть еще одна вещь, которую вы должны знать, — сообщил Матеас, — Я выяснил это перед выходом в Земли Порчи, и считал не приоритетным в тот момент, но в дальней перспективе это важно. Королева беременна.

На несколько секунд воцарилось молчание. Сложно было усомниться в том, что рождение законного наследника Иллирии и Идаволла способно поколебать чаши весов. Если об этом будет объявлено, мятежники получат куда большую поддержку среди идаволльской знати. А уж в Иллирии и вовсе Орден потеряет последних своих союзников.

— Её ребенок не должен родиться, — уверенно сказала Ильмадика, — Если ты захватишь её живой, дай ей отвар пижмы. Я выделю ученого с медицинским образованием; он поможет ей избавиться от мертвого плода и снять интоксикацию.

Матеас согласно кивнул. А вот Амброус, кажется, заколебался.

— Но Госпожа... Разве наследник двух Герцогств не укрепит нашу власть и влияние?

— Укрепит, — ответила Ильмадика, — Но не сейчас. Сперва нужно погасить пламя мятежа. А потом сделаешь ей еще одного наследника. Не бойся: я подтасую вероятности, чтобы она не стала бесплодной.

Амброус побледнел, и на его лбу выступили капельки пота. Услышанное вызвало в нем безотчетный протест, и что-то как будто пыталось сопротивляться.

— Я не хочу видеть в этом ребенке только средство. Я не мой отец.

Тут они вступали на опасный лед. Травма, нанесенная Амброусу бесчувственностью его отца, была тем ключом, что открыл Ильмадике ворота его души. Нельзя было дать этому средству обратиться против неё.

— Ты не твой отец, — подтвердила богиня, — И ты можешь сделать для этого ребенка лучшее, то, что не смог сделать твой отец для тебя. Не позволить ему стать орудием в политической игре. Не позволить повторить твою судьбу.

Риторика была довольно спорной. Но Амброус давно уже хотел ей верить больше всего на свете. Ему этого хватило.

— Да, Ильмадика, — облегченно согласился он.

Противоречие было устранено, и можно было двигаться дальше.

— Кстати, об ученых, — поспешила сменить тему она, — Твои люди изъяли оборудование из Университета?

Король кивнул:

— Частных коллекционеров мы тоже проверяем. Скоро все технологии Дозакатных будут у нас в руках.

— А как насчет Халифата?

А то с Лефевра случилось бы подговорить дикарей создать квантовый компьютер.

— Наш агент раскрыт, — ответил король таким тоном, будто не устроил это сам, — Перед раскрытием и казнью он как раз получил сведения о том, что нам необходимо добыть образцы технологий. Разумеется, он раскрыл их под пыткой. Так что теперь Халифат укроет то, что у него есть, не хуже, чем мы. Тем более что действия моего брата у Этбайского хребта играют нам на руку: они заставили Халифат беспокоиться об ответном ударе.

Ильмадика кивнула:

— Прекрасно. Мы должны закрыть один из фронтов: замирить или Иллирию или Альбану. А затем... настанет черед предателя. Принеси мне, пожалуйста, шкатулку из нижнего ящика комода.

Как вышколенный слуга, король всего Полуострова торопливо исполнил приказание. Шкатулка красного дерева открывалась лишь личным ключом Владычицы. Там скрывалось одно из резервных средств, обеспечивавших её власть над Орденом.

Найдя нужное отделение, Ильмадика извлекла оттуда пару черных волосков.

Странное впечатление производила Иллирия на Тэрла.

Прежде он видел ее в основном с другой стороны линии фронта. Он знал, что у Иллирии многочисленная конница, но строевой пехоте недостает дисциплины и надежности. Он знал, что эжени подчас способны преподнести сюрприз на поле боя, но знал также и что их самостоятельность и индивидуализм нередко мешают организованным действиям.

В этот раз он прибыл в Иллирию с миром. И первым, что удивило его, было изобилие демонстративной эстетики.

Казалось бы: лорд Д'Исса был военным. И военным хорошим. Но при этом в его поместье повсюду были цветы. Розы, лилии и еще какие-то, которым воин даже не знал названий.

Наверное, только в такой обстановке и мог вырасти такой цветок, как Лана.

Росли цветы и вдоль тенистой аллеи, где сейчас прогуливались хозяин и гость, ведя неторопливую беседу.

— Значит, вы говорите, что видели, как умер эжен Нестор, — отметил Грегор Д'Исса.

— Да, — кивнул Тэрл, — Он погиб, как герой.

— Не сомневаюсь в этом, — согласился старый лорд, — Нестор был моим другом.

— Поэтому вы отдали ему в обучение свою дочь? — осведомился идаволлец.

Он просто не знал, как по-другому подвести к интересующему его вопросу. За время подготовки восстания командующему гвардией пришлось изрядно поднатореть в интригах. Но все равно, он чувствовал себя неуютно в делах, которые нельзя разрешить мечом или пулей.

Его место было на поле боя, а не на тенистых аллеях.

— Не поэтому, сэр Адильс, — покачал головой Грегор, — Я вижу, вы не вполне понимаете. Могу вас понять: я тоже этого не вполне понимаю, но я привык. Эжени... Они не такие, как мы с вами. Они мыслят по-другому. По-другому видят мир. Вот посмотрите на

этот цветок. Что вы видите?

— Он розовый, — пожал плечами Тэрл, — Я не знаю, как он называется.

— Это азалия, — поделился знанием лорд, — Но не суть. Вы видите это. Я вижу это. А эжени увидели бы, что чувствует этот цветок. Чем он живет. Какие энергии через него струятся. О чем мечтал садовник, посадивший его, и как эти мечты изменили его жизнь.

— И насколько соответствует действительности то, что они видят? — скептически осведомился воин.

Иллириец пожал плечами:

— Этого с полной уверенностью не скажут даже сами эжени.

— Тогда это больше похоже на галлюцинации.

Грегор усмехнулся как-то грустно:

— Когда-то я говорил то же самое. В общем, я к чему. Именно в этих галлюцинациях моя дочь увидела, что Нестор станет ей Наставником, а он, в свою очередь, что она будет ему достойной ученицей. И ни разу ни он, ни она не пожалели об этом решении. Помните об этом, когда вам в следующий раз покажется, что она несет какой-то бред. Да, она действительно несет какой-то бред. Но в этом бреде скрываются крупницы знания, что нам с вами неподвластны.

— И своего мужа она будет выбирать так же? — осведомился Тэрл.

Лорд Д'Исса откровенно расхохотался:

— Женское сердце — самая странная и загадочная вещь, что существует на этом свете. И это совершенно никак не зависит от того, идет ли речь об обычной женщине или об эжени. Впрочем, вы ведь не ради этого пришли. Вас интересует, вступит ли Иллирия в войну на вашей стороне.

— Интересует, — признал Тэрл.

— Это решать буду не я. Скоро соберется Совет. Вам будет предоставлена возможность высказаться.

— Благодарю, милорд, — поклонился командующий гвардией.

— И все-таки, кое-о чем я хотел бы с вами поговорить.

Он прекрасно знал, что Лана проклянет его за этот разговор.

Если узнает.

— Ты обещал нам свободу, — сказал Джамиль после того, как дверь за Ланой закрылась, — Но в результате мы оказались в подвалах.

Ансарры молчали. На этот раз даже Яруб и Нагма не высказались в защиту Килиана. Ученому предстояло защищать себя самому.

— Это лишь временные трудности, — ответил он, — Я верю Лане: она не оставит нас в беде. Нас освободят, и мы выступим в союзе с иллирийцами и идаволльскими повстанцами. Они оценят нашу помощь.

— Используют её, ты хотел сказать, — заметил Джамиль.

Чародей пожал плечами:

— Можно сказать и так.

— И тебя это не смущает?..

Килиан ответил раздраженно:

— Я не юная девица на выдanie, чтобы смущаться. Человеческое общество построено на том, что люди используют друг друга. Глупо с этим бороться, гораздо разумнее вместо

этого просто найти такие условия, что будут устраивать лично тебя. Вот скажи мне, Джамиль. Когда мы спасали Лану и остальных. Ты успел рассмотреть те земли, где это происходило?..

— Я успела, — откликнулась Нагма, — Там... Очень много зелени. Я никогда столько не видела. Как будто оазис растянулся до самого горизонта.

— На Полуострове нет оазисов, — поправил её ученый, — Тут нет оазисов, потому что нет пустынь. Здесьние земли плодородны безо всяких искусственных систем орошения. Я не буду говорить, что это Рай: нам все-таки придется изрядно потрудиться, прежде чем мы сделаем его таковым. Но ваши дети не будут умирать от голода и жажды, вам не придется прятаться от песчаных бурь. Думаю, за это стоит немного повоевать.

— Но кто владеет этой землей? — спросил Яруб, — Ты говорил, что на землях Полуострова процветает феодализм. У каждой земли есть хозяин, и они неустанно борются между собой за территорию. Так кто же хозяин этих земель?..

— Никто, — усмехнулся Килиан, — Это Земли Порчи. Пустоши, как еще принято говорить.

Ансарры, — кроме Хади и Нагмы, — рефлекторно отшатнулись от него. Как будто страшными словами он мог передать заражение им.

— Расслабьтесь, — уже откровенно смеялся ученый, — Опасности нет. Я позаботился об этом заранее. А впоследствии... У меня ведь был проект, когда меня казнили. Я вывел заклятье, способное очистить землю от заражения Порчей. И когда я применю его, территория, пригодная для проживания, расширится. Думаю, что королева, что князь Альбаны, — оба оценят перспективы и согласятся взамен принять нас под свое крыло.

— В рабство, — проворчал Джамиль. Впрочем, он остался в меньшинстве: после всех чудес, что сотворил для них странный чужеземец, ансарры верили его обещаниям, как никогда.

— Дорогой друг, — улыбнулся Килиан, — Я не понаслышке знаю, что такое рабство. И я клянусь всем, что у меня еще есть, что я не позволю сделать нас рабами снова. Я вырвался из рабства Ильмадики. Леинаре с ней не потягаться.

— Ты сможешь это сделать? — голос Яруба звучал нейтрально, а вот во взгляде Нагмы читалась надежда.

— Смогу. У нас на руках все козыри. Я — единственный, от кого они могут получить и очищение земель от Порчи, и сведения об использовании запоминающего устройства. Так что сейчас... Королева у меня в руках.

— Но даже будучи у тебя в руках, она все-таки заключила тебя в темницу, — указал Джамиль.

— Друг мой, — подал голос Хади.

Наконец-то Килиан знал, что значит его фирменное «асдик».

— ...я верю тебе. И я пойду за тобой. Даже если другие откажутся.

— Я тоже, — откликнулась Нагма.

Один за другим ансарры делали шаг навстречу, и от этого зрелища Килиану было светло и радостно. Когда он был всего лишь бастардом, выскочкой, он и представить не мог, что кто-то способен поддержать его. Ему казалось, что он один против всех — один на целом свете. Когда он стал слугой Ильмадики, ему казалось, что никто не сможет поддержать его добровольно, — лишь его власть, его сила, его магия заставят кого-то идти за ним. Именно тогда Хади преподал столь важный урок, просто согласившись ему помочь. Просто так.

Следующий урок преподавала Лана, отказавшись бежать, бросив его в ледяной пещере. Хотя знала, что ужасно рискует, оставаясь с ним, — в итоге из-за этого решения она чуть не лишилась собственной личности.

И вот, теперь эти люди шли за ним — за чужаком, за колдуном. Шли не потому что он их заставил. А потому что они видели его цели, его мечты, его устремления. Видели и разделяли.

Это было для него ново и странно.

А еще нет-нет да и посещала его мысль, а не ведет ли он их на смерть. Ведь и Хади, и Лана ничего хорошего от помощи ему не получили. Хотя в итоге оба они живы и свободны, были моменты, когда их жизнь и свобода висели на волоске. Разве не правильнее было бы сделать все в одиночку?

Нет. Не правильнее. Не только потому что в одиночку он бы не справился. Это их путь. Их решение. Именно потому что он не принуждал их идти за ним и даже не манипулировал ими, как Ильмадика, ужасным оскорблением было бы теперь попытаться заставить их отступить.

Он слишком уважал их, чтобы обесценить их право идти за ним.

— Друзья, — улыбнулся Килиан, — Я рад слышать это. Действительно рад. Я не буду врать, что будет легко. Некоторые из нас могут погибнуть: от этого не застрахован никто. Потому что следующий ход за Ильмадикой, и очень скоро она его сделает. Каким он будет, мы не знаем. И должны быть готовы.

В общем-то, он был уверен, что Ильмадика свой ход уже сделала. Наверняка ей уже донесли о его возвращении. И в то, что у Владычицы не было припасено ничего на этот случай, бывший адепт не верил. Он изучил ее достаточно, чтобы понимать, что за свою власть древняя чародейка будет держаться мертвой хваткой.

И все-таки, он был спокоен. Каким бы ни был её ход... Он собирался встретить ее во всеоружии.

Бывший адепт готов был сражаться со своим бывшим божеством.

— Вы чувствуете?

Килиан демонстративно принялся, хотя запах, который он улавливал, был не буквальным, а метафорическим.

— Надвигается буря. И мы — в её сердце.

Глава 8. Когда боги смеются

Давно поместье рода Д'Исса не видело столько блеска, столько величия... и если говорить без обиняков — столько пафоса и самодовольства.

Весь цвет иллирийского дворянства съезжался на совет. Графы и бароны, рыцари и чародеи. Все те, кто мог сказать свое слово в предстоящей войне.

Незнакомый с ситуацией человек мог бы решить, что в скромный (на фоне блистающих одеяний вельможных гостей) зал собраний набилось слишком много народу. Но Лана, знавшая каждого из тех, кто здесь был, и каждого из тех, кто должен был здесь быть, слишком явственно видела пустые места, прорехи.

Она видела, что Тэрл сидел на месте, предназначенном для Рогана. Она видела, что не было представителей Неатира, так и оставшегося в руках Владычицы и ее адептов. Она видела, что пустовало место, предназначенное для Герцога: Герцог Иллирии погиб под Неатиром, и его дочь не могла присутствовать по объективным причинам. Там же, в Неатире, погибло и еще немало прославленных воинов. В том числе лорд Д'Фирре, сосед и боевой товарищ ее отца, чьи земли сейчас представлял его двенадцатилетний сын.

Но больше всего боли ей причиняло отсутствие привычной группы магов-целителей, к которой некогда принадлежала и она сама. Сейчас ее представляли лишь Мишель и еще трое её соучеников. Шесть человек остались в Миссене. Включая Нестора, ее учителя.

Помимо этого, недоставало и кое-кого из тех, кто был еще жив. И это, пожалуй, печалило не меньше. Их не пригласили, потому что боялись. Боялись, что тогда дела совета станут достоянием врага.

А это значило, что в Иллирии больше нет единства.

Всего на совет собрались одиннадцать магов, семь графов и два десятка феодалов рангом пониже. Чего им остро недоставало, это порядка, организации. Обычно кому и когда говорить, решал глава собрания — Герцог Иллирии собственной персоной. Первый среди равных. Сейчас среди равных первого не было, и градус бардака неуклонно повышался.

— ...война неизбежна, господа, — вещал, размахивая тростью, Габриэль Пламенный, один из сильнейших эжени среди ныне живущих, — Все стихии поют об этом в унисон. Война неизбежна, и лишь глупец станет это отрицать.

— Вы правы, — согласился, поглаживая бородку, его извечный оппонент, погодный маг Венсан Д'Роан. Эти двое редко сходились во мнениях, но сейчас знаки, что любой эжен получал от Мира, трактовались вполне однозначно.

— Вы правы в том, что мы должны начать войну. Но значит ли это, что мы должны лезть на рожон? Возможно, следует укрепиться в своих владениях и ждать, пока идаволльцы сами к нам придут. Дворянин силен своей землей. Даже стены помогают истинному хозяину.

— Вы понимаете, о чем вы говорите? — молодой граф Д'Илюна не был магом и обычно давал сперва эжени озвучить все, что говорило их чутье, но сейчас не стерпел и подал голос, — Это измена! Оставив Альбану без помощи, мы бросим Герцогиню на растерзание волкам! Я не могу этого позволить.

Услышав эти слова, Венсан слегка смешался:

— Разумеется, Герцогиню необходимо сперва аккуратно вывезти в Иллирию. В этом никто из собравшихся не сомневается. Просто стыд, что мы до сих пор не сделали этого.

Быть может, используя левитаторов...

— Что за глупость!..

— Господа, — вмешался Тэрл, — Не хочу прерывать вашу увлекательнейшую беседу, но вы не понимаете ситуацию. Это не вопрос чести и долга. Это вопрос выживания. Стены помогают, вы говорите? Никакие стены не помогут и не защитят против той силы, которой обладает Владычица. Она в одиночку прорвалась в Миссена-Клив, разгромила целую армию и убила Герцога. И что-то подсказывает мне: это далеко не предел её могущества.

Габриэль пренебрежительно усмехнулся в рыжие усы:

— При всем моем уважении, сэр Адильс, вы чужой здесь. Такие, как вы, не слышат Мир, ваше восприятие прискорбно узко и односторонне. Вы не осведомлены о том, как работает чутье эжени, и едва ли можете сказать что-нибудь уместное по предмету обсуждения. Простите мне мою грубость, но гораздо уместнее вам будет помолчать и послушать.

Воин скрипнул зубами, но уверенно парировал:

— Зато Нестор был осведомлен. И как, помогло это ему?

После этих слов на несколько секунд воцарилось молчание. Учителя уважали. И в Иллирии, и даже за ее пределами. Будь он здесь, к его словам прислушались бы, пожалуй, все, — даже если и не все согласились бы с ними. Да что тут говорить, если не так давно даже Герцог Леандр, никогда не доверявший магам, отдал им должное?

— Эжен Венсан, — подала голос Лана, воспользовавшись паузой, — Прислушайтесь, пожалуйста, к своим чувствам. Они ведь говорят вам то же, что и нам всем. Если мы не сплотимся и не выступим единым фронтом, все усилия пойдут прахом.

Погодный маг молчал. Зато неожиданно заговорил Мишель:

— Мне они говорят и кое-что другое. Нити судеб сплетаются в три узла. Первый узел — здесь. Второй — во дворце Идаволла. Но третий — во дворце Иллирии. В этих трех местах решится судьба мира. И еще одно.

Он обернулся к Лане:

— Палач Неатира. Какое бы решение мы ни приняли, он отбрасывает густую тень на все три узла. Его путь полон тьмой и кровью. Ад следует за ним. Необходимо избавиться от него, пока не стало слишком поздно.

Иоланта почувствовала себя так, будто только что получила нож в спину. Но на этот раз она была готова к этому дару.

Позицию Мишеля она просчитала заранее и не ждала от него поддержки.

— Все, что ты сказал, ты почувствовал? — холодно уточнила она, — Или половина из этого — твои додумки, добавленные из личных эмоций?

С каким-то истеричным весельем она подумала, что наверняка Тэрл сейчас недоумевает, в чем разница между одним и другим.

— Откуда исходят твои слова — от сердца или от разума?

— Они исходят от разума, — честно ответил юноша, — Но основания достаточно веские, чтобы двух вариантов тут быть не могло.

— И то, что ты меня до сих пор ревнуешь, тут совсем не при чем? — без обиняков осведомилась Лана.

Конечно, это была не самая подходящая аудитория, чтобы распространяться о таких вещах. Личная жизнь должна была оставаться личной. Но только так она могла представить собравшимся позицию Мишеля тем, чем она была на самом деле. Показать всем, что он

ослеплен, и суждение его искажено.

— Ревную — к кому? — сморщил нос целитель, — К безродному алхимику с руками по локоть в крови?

— Вернемся к делу.

Реплику Тэрла можно было назвать приказом... А можно — констатацией факта. Лане так и не удалось понять, каким образом гвардеец умудряется говорить с такой интонацией, что никому и в голову не приходит возражать. Ладно, что это легко проделать со своими солдатами. Но как ему это удастся с дворянами, которые выше его статусом?..

— Кого вы казните, а кого отпустите, это никак не повлияет на главный вопрос. Ни идаволльское Сопротивление, ни Альбана, ни Иллирия не смогут поодиночке противостоять Ордену. Только действуя бок о бок, мы сможем что-то им противопоставить. Мы должны объединиться и скоординировать силы. В единстве наш шанс на победу.

Венсан устало прикрыл глаза, ничего не говоря. Спорить погодного мага, кажется, больше не тянуло. Молчал и Габриэль; нахмурившись, он нетерпеливо теребил рукоятку трости. Зато высказалась леди Д'Элири:

— Я согласна с вами во всем, кроме последнего. Я не чувствую возможности победить. Вообще.

Она не была особенно сильным магом; однако высказала именно то, что боялись озвучить все остальные. Ни один вариант не чувствовался выигрышным. Человек не может сражаться с богом.

Владычицу победить невозможно.

Обсуждение длилось еще два часа и ни к чему толком не пришло. Все были согласны, что воевать необходимо. Все были согласны, что выиграть невозможно. Все были согласны, что других вариантов все равно нет.

Под конец отец оптимистично заметил, что наверняка в последующие дни они придут к какому-либо плану. Но несмотря на это, оставшись наедине с дочерью, он был мрачен и хмур.

— Они все понятия не имеют, что им делать, — озвучила Лана их общие мысли.

— Не имеют, — согласился он, — Как и мы.

— Я не знаю, что делать им, — согласилась девушка, — Но я знаю, что делать мне.

Отец молчал. Но в этом молчании был ответ. Старый лорд Д'Исса до сих пор считал ее маленькой девочкой. Неспособной на настоящее решение и настоящий поступок.

Но Лана уже не была ребенком. Месяцы войны заставили ее повзрослеть так, как никогда не заставила бы мирная жизнь.

— Тэрлу нет смысла оставаться здесь, — сказала она, — Ты же слышал: его даже не приняли всерьез. Отправь его со мной. Пусть позаботится о моей безопасности, если она тебя так беспокоит.

Она не считала, что ее безопасность зависит именно от него. Но знала, что это, пожалуй, единственный человек из тех, кто согласится последовать за ней, кому отец будет хоть немного доверять. Не ансарр и не адепт. Хоть и все еще чужеземец, Тэрл был прославленным воином, — а Грегор Д'Исса уважал войну.

И все-таки он молчал. Молчал и, кажется, не желал смотреть на дочь прямо.

— Ладно, чего я еще не знаю? — вздохнула Лана, уже готовясь к тому, что новости будут не из приятных.

И отец не подвел ее ожиданий. Вот хоть бы раз ее опасения оказались напрасными.

Хоть бы раз.

— Брак леди Леинары с маркизом Идаволльским, — глухо заговорил он, все так же не глядя на нее, — Был гарантом союза между Идаволлом и Иллирией. Сейчас, когда статус этого брака под вопросом, союз этот трещит по швам. Часть идаволльской знати, в основном из числа недовольных Орденом, поддерживает претензии Леинары на престол, но...

— Но они не хотят видеть над собой чужеземку, — вздохнула волшебница.

Какая же все-таки глупость. Какая разница, кто и откуда? Неужели каких-то несколько миль к востоку — и человек перестает быть человеком? Границы, территории, метки на карте. Иллирия, Идаволл, даже Черный Континент, — неужели это действительно так уж важно?

Неужели это действительно стоит того, чтобы кровь продолжала литься?

— Иллирия и Идаволл веками враждовали, — напомнил отец, — Брак был символом примирения. Теперь этот символ уничтожен.

— И это имеет отношение ко мне, — это был не вопрос, это было утверждение.

— Совет хочет сгладить углы. Но пока не решен вопрос с рождением общего наследника двух государств, о вступлении леди Леинары в новый брак не может идти и речи. Было решено заключить ряд династических браков между странами среди дворянства рангом ниже.

Он все еще не решался сказать прямо, к чему ведет. Но Лана догадалась.

Она ведь не была душой.

— За кого я должна выйти замуж? — прямо спросила девушка.

Отец вздохнул:

— Тэрл Адильс. Не то чтобы ты прямо должна. Я не стану принуждать тебя вступать в брак против твоей воли. Это будет только твое решение. Ты вправе отказаться. Однако...

— Я поняла, — поморщилась чародейка, — Я вправе отказаться, но если я откажусь, все последствия, несомненно ужасные и катастрофические, будут на моей совести. Иными словами, я вправе отказаться, но если я не сука, то не воспользуюсь этим правом.

— Я выступал против этого решения, — сказал отец, — Но ничего не мог сделать. Совет счел это необходимым, и я остался в меньшинстве.

Иоланта удержала рвущиеся с языка резкие слова. Как чародейка, она могла рассчитывать на то, чтобы быть чем-то большим, нежели пешка в династической игре. Она могла добиться уважения, признания, самореализации.

И в то же время какая-то часть её всегда знала, что все будет именно так. Могло быть иначе, но не в ее жизни. Тэрл был, на самом деле, не самым плохим вариантом. По крайней мере, между ними не было вражды, а было даже некоторое уважение.

Вот только понимания между ними не будет никогда. Её мир для него был столь же чужд, как и его мир — для нее. А что бывает с чародеем, вступающим в союз без понимания, она уже видела на примере мамы.

Угасшей и зачахшей, когда она была еще ребенком.

— Необязательно принимать решение сейчас, — нарушил молчание отец, — Подумай. Взвесь все «за» и «против». Дай время эмоциям успокоиться.

— Я подумаю, — отрешенно ответила девушка, — А сейчас давай вернемся к насущным вопросам. Дай мне действовать, как я считаю нужным. Теперь, когда я знаю, что ты не решался мне сказать, я не боюсь давить. Мне нужна свобода действовать и помощь.

Она смотрела на отца холодно и уверенно. Обычно опытный воин только посмеялся бы над попыткой глупой девочки быть суровой и властной.

Но его чувство вины ставило их на равных.

— Ты уверена, что... — начал было он, но она перебила:

— Ты уже решил за меня мою личную жизнь. Давай я по крайней мере решу за себя, как мне выиграть войну.

Лорд Д'Исса аж подпрыгнул от такой формулировки. Вот теперь он посмотрел на дочь — как-то по-новому, будто в первый раз увидел. Как будто только теперь его разум вдруг осознал, что за последние лет десять девочка успела повзрослеть.

И кажется, впервые в жизни он полностью понял, что она не шутит.

— Что потребуется?

Впервые за долгое время Килиану удалось нормально побриться, и теперь он нет-нет, да и проводил неосознанно ладонью по гладкому подбородку. Нагма, к слову, изменения не одобрила: у ансарров без бороды ходили только женщины и дети. Но ему было все равно. Ему так нравилось определенно больше.

И дело было, разумеется, совсем не в том, что Лана однажды обмолвилась, что с небритым мужчиной ей целоваться неприятно.

Нет, правда, не в этом. Пытаться сократить между ними дистанцию Килиан пока не планировал.

Пока.

Сменил он и вооружение: вместо сабли Халифата взял пару привычных легких шпаг. А вот костюм остался прежним: с пустынным одеянием ученый успел сродниться, да и ансаррам так было привычнее.

Когда сам лорд Д'Исса спустился к нему в камеру, выхватил меч и приставил к его горлу... на какие-то секунды Килиан всерьез поверил, что ему конец. Что знать Иллирии приняла решение о казни. Или что старый лорд узнал, что едва не произошло в Неатире. Но аристократ сказал лишь:

— За мою дочь отвечаешь головой.

— Я не подведу вас, милорд, — заверил в ответ Килиан.

Лорд Д'Исса лишь скептически хмыкнул, но меч все-таки опустил.

— Освободить их. Отведите им гостевые покои в задней части дома.

Иными словами, они не пленники, но демонстрировать их гостям лорд не собирался. Благо, Килиан уже догадывался, что долго они тут не пробудут.

Он оказался прав. На следующее утро, в четыре тридцать пять, дирижабль готовился к отбытию. Позевывающая Лана держалась рядом с ученым, но не заговаривала. Молчал и он. Да и Тэрл тоже держался настороженно.

Совершенно неожиданно обнаружилось, что той, кто хоть как-то нарушал гнетущее молчание, оказалась Селеста. Графине Стерейи предстояло вернуться домой. Сейчас, после гибели ее мужа, армиями графства руководил чужак, наемник, колдун, приставленный Ильмадикой. Естественно, глупо было бы ожидать, что увидев дочь своего господина по другую сторону баррикад, солдаты немедля сложат оружие. Но после того, как графство будет захвачено, ее присутствие поможет избежать мятежа в тылу армии Королевы.

— Эта машина летает?! — поражено спросила аристократка. Ну да, по дороге сюда она пребывала в отключке. Да и состояние, в котором она находилась во время своего

замужества за Карно, сложно было назвать полной осознанностью; возможно, к ее счастью.

— Она действительно летает?!

— Не так хорошо, как если бы у меня было больше времени и ресурсов для ее постройки, — признался Килиан, — Но в Альбану нас доставит.

И дальше, но об этом говорить раньше времени не следовало. У них с Ланой был план дальнейших действий, но говорили они о нем только по ментальной связи.

— Это... невероятно, — во взгляде Селесты читалось неприкрытое восхищение, но Килиану от него стало скорее грустно.

Ведь он знал, что оно ненастоящее. Дар Ильмадики — фальшивое восхищение.

И этот дар несет в себе проклятье, — как и любой дар от демона. Ильмадике не нужно было, чтобы ее адепты могли быть близки с кем-то кроме нее. Их силы позволяли пользоваться другими людьми, превращать их в своих слуг, солдат или игрушки, но никак не в друзей или возлюбленных.

— Это дает нам преимущество, — ответил чародей, — В бою — не особенно большое, но вот в мобильности...

— Вообще, мы могли бы поставить здесь корабельную артиллерию, — заметил Бофор.

Ученый, однако, покачал головой:

— Грузоподъемности не хватит. И так на пределе летаем. Если бы у меня было время оптимизировать конструкцию корпуса...

— Все готово к отбытию! — крикнул в этот момент Джамиль, передавая слова Яруба.

— Все на борт! — приказал Тэрл, на секунду опережая Килиана.

Ученый сделал вид, что так и надо, и первым поднялся на дирижабль, после чего галантно подал руку Лане. Чародейка приняла ее с небольшой задержкой, так что Селеста, которой помогал Тэрл, оказалась на борту раньше.

— Отдать швартовы! Руль высоты на двадцать градусов!

Вновь наполненный гелием от Понижения водорода в воде, дирижабль, ныне носивший гордое имя «Искренний», поднимался в воздух легко и быстро. Ансарры крутили педали, приводя в движение малый пропеллер и направляя машину в сторону Альбаны.

А вот большой пропеллер пока что вращался слабо. Хотя важно было улететь из Иллирии до того, как поместье начнет просыпаться, и уж конечно, речи не шло о том, чтобы потратить весь день на дорогу, но такой спешки, как когда Килиан спешил на помощь Лане, не было и в помине. Тогда он вкладывал все силы во вращение пропеллера и готов был отдать все награбленные богатства, лишь бы успеть, пока не станет поздно.

Теперь же ресурсы стоило сэкономить. Вместо того, чтобы дальше уничтожать золото, Килиан тренировался в том, чтобы вращать пропеллер на собственных ресурсах.

Под чутким руководством Ланы.

«Нет, нет, ты все делаешь слишком правильно!»

Хотя они и сидели рядом, но для удобства общения соединились ментальной связью в его субреальности. Так что Килиану снова приходилось распределять внимание. По его мнению, это сильно затрудняло ему концентрацию, но он не жаловался.

Слишком приятна была такая близость.

«Слишком правильно? Это вообще как?»

Большой пропеллер замедлился и практически перестал вращаться. Чародей тяжело дышал от усталости.

«Ты пытаешься следовать правилам. Тем, которым тебя научила Ильмадика»

«А что, им не нужно следовать?..»

Это, мягко говоря, удивляло и несколько даже пугало. Килиан потратил много времени и усилий на то, чтобы научиться владеть магией. Если та магия, которой пользуются эжени, вообще никак не использует привычные ему принципы... то вряд ли он когда-либо сможет овладеть ею толком.

«Нужно, конечно. Но не слишком»

Ответ Ланы ничего не прояснил.

«Ты пытаешься использовать свою силу как чужую. Ты давишь на нее, пытаешься подчинить. Заставить следовать твоей воле. Но твоя собственная сила в этом не нуждается. Просто дай ей течь. Твоя магия — это часть тебя. Ты же не пытаешься подчинить свою руку, чтобы что-то сделать, правда?»

Килиан чуть усмехнулся.

«Скорее наоборот. Чтобы чего-то не сделать. Не ударить Карно, к примеру. Правда, в итоге его пришлось убить, но это другой вопрос.»

Лана тяжело вздохнула:

«Так не сдерживайся! Позволь себе проявляться! Это ведь и есть — настоящая магия. Просто позволить себе жить свою жизнь!»

«Если я просто позволю себе жить свою жизнь», — проворчал ученый, — «То жить я буду плохо и, скорее всего, недолго. Сдержанность придумали не просто так. Слишком часто отказаться от нее — значит в лучшем случае разозлить других, а в худшем — навредить им.»

«Часто», — согласилась девушка, — «А еще чаще ты зажимаешься в своем страхе и ничего не делаешь, даже когда сделай ты это, ничего плохого бы не случилось. Скажешь, такого никогда не бывало?»

На несколько секунд Килиан задумался. А потом кивнул:

«Бывало. И довольно часто. Но знаешь, часто лучше десять раз перестраховаться, чем один раз ошибиться.»

«Я понимаю», — ответила она, — «Но именно из-за таких перестраховок люди и разучились быть магами. Из-за перестраховок и привычки довольствоваться меньшим. Ну и что, что я не получу желаемого, — говорят они. Зато не будет рисков. Зато я буду удобен. Знаешь, ведь любой человек — на самом деле немножко маг. Но только слишком глубоко они закапывают магию внутри самих себя. И потом сами не могут ее найти. Найти и открыть.»

Килиан никогда не любил абстрактные рассуждения. Но почему-то от этих слов ему стало невыразимо грустно. Почему, интересно? Неужели только из-за того, что сказаны они были по ментальной связи?

Или все-таки она просто была права?

«Что же я должен сделать?» — спросил он, — «Чтобы открыть ее?»

«А что ты изо всех сил стараешься не делать? Перестань перекрывать поток — и энергия наконец-то потечет в желаемое русло»

Ученый прикрыл глаза и глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду. А затем одной рукой неловко приобнял девушку за плечи. Лана чуть улыбнулась:

«Вот видишь? И как, случилось от этого что-то страшное?»

Пропеллер сделал несколько оборотов.

К закату «Искренний» достиг линии фронта. Для того, чтобы понять это, достаточно

было лишь прислушаться.

Чтобы услышать залпы орудий и раскаты грома.

— Снижаемся, — приказал Тэрл, — Вот туда, к роще. Дальше пойдем пешком.

У Килиана был вообще-то другой план, но спорить со специалистом он не стал. Все-таки ученый хоть уже и приобрел определенный опыт в ведении военной стратегии, оставался мирным человеком и не мог тягаться с профессиональным солдатом.

— Руль высоты на двадцать градусов! Газ пока не стравливайте.

На этот раз они не собирались задерживаться для повторной накачки баллона, и запасы гелия очень скоро понадобятся.

Благо, Джамиль уже приноровился к управлению, и дирижабль снизился настолько четко, насколько это вообще было возможно без обученных пилотов. Оставив позади Яруба и Селесту, небольшой отряд высадился на окраине рощи. По настоянию Тэрла поверх пустынных одеяний ансарры набросили зеленые плащи с нашитыми на них листьями. Также одетая в зеленое, Лана как раз заканчивала «договариваться» с растениями, и как он ни старался, Килиан не смог уловить принцип того, что она делает.

А затем был марш-бросок. Минут пятнадцать заняла дорога через расступившиеся заросли, по окончании которой отряд увидел наконец сражавшиеся армии.

Обладая преимуществом в численности, королевские войска наступали, тогда как мятежникам оставалось защищаться. Вышколенные копьеносцы Терла сохраняли строй, удерживая ударную пехоту — ополченцев с цепями и наемников с двуручными мечами — на расстоянии удара копьем. У них за спинами, на небольшом пригорке занимали позицию стрелки с винтовками, неустанно прореживавшие ряды нападавших. Еще дальше располагалась артиллерия, а на флангах — конница.

Позиция оборонявшихся казалась весьма надежной, но постепенно расклад на поле боя изменялся. И дело было не в том, что то тут, то там в землю ударялись заряды шрапнели, унося десятки жизней. Это, как ни печально, естественный ход сражения.

Один за другим стрелки уходили на перезарядку. Как понял Килиан, еще до их прихода удачный (наверняка нацеленный с помощью магии) залп артиллерии уничтожил более чем на две трети один из двух стрелковых отрядов, что должны были сменять друг друга. А это значило, что скоро плотность огня по нападавшим резко упадет.

Командир Ордена явно ждал этого. К сожалению, он находился слишком далеко в растянутом по ширине строю королевских войск, чтобы его местонахождение можно было выявить сходу. Лишь когда над полем боя раздался сигнал горна, стало более-менее понятно, кто в этой людской массе командир. Он держался ближе к центру войска, тогда как ансарры подобрались к правому флангу, упиравшемуся в рощу для защиты от возможного кавалерийского удара.

Зато отсюда легко было достать до одного из четырех орудийных расчетов. По сигналу Тэрла ансарры взяли артиллеристов на прицел, но пока что не торопились стрелять без команды.

А между тем, наемники, слыша сигнал горна, организованно расступились в стороны. Ополченцы среагировать не успели и оказались между двух огней.

Потому что огромная масса конницы пошла в лобовую атаку на оцетинившийся копьями строй. Впереди всех, на острие клина, неслись не боящиеся верной смерти легионеры. С тем, чтобы ценой своих жизней создать пролом в рядах мятежников, куда хлынут простые рыцари. План жестокий, но эффективный.

Наверняка именно эти рассуждения пронесли в голове командира повстанцев. Именно поэтому их конница также пришла в движение. Взять нападающих в клещи. Перехватить, остановить. Не позволить сохранить силы в едином кулаке.

И вот тогда-то командир Ордена выложил на стол последний козырь. По два всадника отделилось от каждого из «крыльев» клина, выступая навстречу врагу. Все, как на подбор — красавцы в развевающихся плащах, с уверенными, решительными лицами. Синхронным движением они взметнули руки, — и дорогу обоим отрядам преградила длинная цепь, удерживаемая магнитокинезом с двух сторон и натянувшаяся на уровне груди всадников. У них было достаточно времени, чтобы сообразить, что сейчас произойдет.

Но недостаточно, чтобы отвернуть или остановиться.

Тэрл бросил быстрый вопросительный взгляд на Килиана и Лану. И в тот же момент ученый быстро передал девушке по мыслесвязи:

«Я беру правых, ты левых. Действуем с воздуха»

После чего быстро кивнул и подал условный знак, означавший «прикройте меня».

— Огонь!

Короткая очередь буквально скосила артиллеристов, как раз готовившихся поджечь фитиль. По команде Тэрла ансарры тут же переключились на тех солдат, что обернулись к ним, стараясь в первую очередь выцеливать стрелков. Хади сразу же, не тратя времени, выхватил клинок, защищая своих.

Но этого Килиан уже не видел. Подхватив Лану на руки, он расплыл золотое кольцо и поднял обоих магнитокинезом. Пронесшись над полем боя, ученый и эжени взлетели над атакующим клином. И пока Лана творила свой жест, напоминающий молнию, Килиан высвободил одну руку, направляя частицы.

Рассеивать чары он не умел. Но подобное всегда можно побороть подобным. Магнитному полю, созданному адептом, он противопоставил собственное магнитное поле. С такой же полярностью.

Когда магнитные поля оттолкнулись друг от друга, цепь хлестнула адепта по груди, сметая его под копыта лошадей. Его напарник, незнакомый Килиану смазливый рыжеволосый парнишка, в считанные секунды отыскал источник вмешательства и нацелил на него сложенные пистолетиком пальцы, на ходу сотворяя заклятье ударной ионизации.

Упустив из фокуса внимания цепь.

Перенаправив уже созданное магнитное поле, Килиан избавился от второго адепта, но обрадоваться успеху не успел. Как противостоять магнитокинезу, знал не только он, и у королевских войск еще оставался как минимум один адепт в резерве.

Магнитное поле, благодаря которому ученый удерживался в воздухе, столкнулось с чужим и пришло к взаимонейтрализации. К счастью, находились они на высоте всего нескольких метров, что можно было без труда пережить, приняв основной удар на боевую трансформацию. К несчастью, с местом приземления им крайне не повезло.

В другой ситуации Килиан, может, и был бы не против обнаружить, что он лежит на спине, а Лана развалилась на нем сверху. Но не тогда, когда со всех сторон, куда ни глянь, над ними возвышаются враждебно настроенные всадники. Сразу три или четыре клинка обрушились сверху, высекая искры из спешно выставленного девушкой купола защитного заклинания.

Лана отчаянно выводила мелодию, но Килиан буквально чувствовал, как она слабеет. Новые и новые удары сыпались со всех сторон. Как далеко до подмоги, ученый не видел.

Лошадиные задницы загоразивали.

Звон металла, грохот пороха, ржание лошадей. Казалось, он сейчас оглохнет. Даже раньше, чем его зарубят...

Килиан тряхнул головой. Нужно работать. Нужно колдовать. Из положения лежа, чтобы не сбивать концентрацию напарнице.

Сосредоточившись, чародей направил свою волю вниз, в землю. Почва под ногами. Хаотичная каша из самых разных минералов, не говоря уж о воздухе и воде. Получить из всего этого что-то конкретное, определенное вещество, причем в достаточном количестве, не смог бы, наверное, даже сам Лефевр.

Но им это и не было нужно. Везде, где есть хаос, достаточно его немного усилить.

Пространство непосредственно под своей спиной чародей оставил неизменным. А вот дальше...

Случайным образом Килиан Повышал и Понижал попадавшие под руку элементы, создавал, разрушал и изменял кристаллические структуры. Он не знал, что получится в итоге, да ему, в общем-то, и было все равно.

Главное, что под ногами окруживших его всадников земля ходила ходуном. Лошади металась, спотыкались, роняли седоков и падали сами. В рядах нападавших образовался хаос, не позволявший им организованно наступать и эффективно пользоваться своим численным превосходством.

А между тем, подмога все-таки подошла. Лавина конницы мятежников ударила в нарушенные ряды Ордена, пробиваясь сквозь них. Сейчас Килиан уже видел приходящую подмогу, оставалось лишь чуть-чуть продержаться.

Стряхнув с себя Лану, чародей поднялся и выхватил шпаги. Не самая выгодная позиция, но магия уравнивает силы: направляемые через клинки электрические разряды означали, что ему достаточно было лишь коснуться вражеских клинков. Удар, парирование, поворот. Взмах вслепую. Веерная защита. Новый удар, и враг падает под ноги. Но его место тут же занимает новый. В какой-то момент один из легионеров, улучив момент, поражает его мечом в грудь, но Лана наготове со своими исцеляющими чарами. Он защищает, она исцеляет. Простая и совершенная схема. Почему-то Килиану казалось, что у нее должно быть какое-то емкое и запоминающееся название.

Бой закончился неожиданно. Просто Килиан нанес очередной удар, и на этот раз место убитого противника никто не занял. Каким-то краешком сознания ученый услышал сигнал горна. Враг не был разбит полностью. Какие-то остатки войск продолжали держать оборону. Но большинство — организованно отступали в сторону замка.

Терять силы в бессмысленной битве в неудобном положении командир Ордена явно не желал. И точно так же Тэрл не желал преследовать его сейчас.

— Победа! — крикнул кто-то из солдат.

Этот клич разнесся по всем рядам мятежников, передаваемый от одной группы к другой.

Победа.

Субреальность сознания наемника Владычицу разочаровала. Напоминала она густой лиственный лес без признаков цивилизации — и с минимумом удобств. Не сравнить ни с дворцом Амброуса, ни даже с кристальной пещерой Килиана. И тем не менее, Ильмадика не преминула восхититься увиденным. Всякому приятно, зная, что кто-то заглядывает в его

душу, услышать, что она прекрасна.

— Госпожа, — склонился Матеас, — Битва прошла по плану. Мы оставили границу и отступили в замок. Скоро мятежники последуют за нами.

— И тогда я уничтожу их, — кивнула богиня и широко улыбнулась.

Армия мятежников была велика, и в союзе с Альбаной могла доставить неудобства ее войскам. Но против нее самой простые смертные не могли сделать ничего. И большой глупостью с их стороны было рассчитывать, что их клинки и пушки могут нести угрозу для Бога.

— Какие-нибудь затруднения возникли? — уточнила все же она.

Не то чтобы ее это так уж интересовало. Но адепт должен чувствовать, что она интересуется и беспокоится о его делах.

Что она любит его.

— Я потерял двух адептов, Госпожа, — вздохнув, признался мужчина.

Лицо Владычицы исказилось болью и скорбью, почти разрывая его сердце. Она не сказала ни слова, но смотрела так, что он готов был разорвать себе плотку от осознания того, какую боль причинил своей возлюбленной.

— Как это случилось? — спросила, наконец, Ильмадика, убедившись, что эффект достигнут.

— Реммен, Госпожа, — дрожа от ненависти к виновнику происшедшего, сказал Матеас, — Он подобрался к нам с тыла. Видимо, на той летающей машине, о которой я рассказывал. После чего вступил в бой с двумя адептами, прикрывавшими конницу, и убил обоих. Они не справились — вдвоем против одного.

Он спохватился, поняв, что по сути, высказал претензию своей Владычице. Но она лишь улыбнулась. Сейчас акцентировать на этом внимание не стоило.

Лучше приберечь на потом.

— Не будь к ним так строг, Матеас, — сказала она, — Они всего лишь дети. А ты... ты совсем другое дело. Ты особенный лучший из всех. Возможно, со временем именно ты станешь моим Первым. И знаешь...

Говоря эти слова, Владычица начала было поглаживать мужчину по плечам, дразня и провоцируя его желание, но тут связь начала распадаться. Вернувшись в свое тело, она поняла, что Амброус зовет ее — и зовет довольно долго.

— Госпожа! Госпожа, очнись!

Она сидела, развалившись в любимом кресле в своих покоях. Она всегда так делала, когда связывалась с кем-то с помощью магии. Хотя таких ошибок новичков, как «упасть, потеряв контроль над своими ногами», она не совершала уже много тысячелетий как, но все же, потерять восприятие окружающей действительности, стоя или вообще двигаясь, — приятного мало даже для Бога.

— Надеюсь, это что-то действительно важное, — сказала Ильмадика, переводя взгляд на лихорадочно блестящие глаза короля, — Ты же знаешь, что я не люблю, когда меня прерывают из-за ерунды.

«Ты — ерунда», шло подтекстом в ее словах, «Ты недостойн мне служить». Когда-то Амброус Идаволльский, первый своего имени, был ценен. Но сейчас он плавно приближался к тому, чтобы выработать свой потенциал. После короткого спора из-за ребенка богиня поняла это с особой четкостью.

А значит, нужно торопиться извлечь из него максимум.

— Да, Госпожа, — закивал он, — Наш агент в Иллирии докладывает. Нашим врагам удалось договориться. Быстро. Иллирия восстанет в ближайшие дни, и война разгорится в полную силу.

— И все? — пренебрежительно скривилась Владычица, — Ты разочаровываешь меня, Амброус.

Каждый из адептов, получивший от нее дар боевой трансформации, получал вместе с ним и особую слабость. Наркотик, вырабатываемый их собственным организмом под ее влиянием. Когда она была ими довольна, выработка усиливалась. Когда разочаровывалась, наоборот, ослабевала. Если кому-то из них хватало глупости предать... выработка останавливалась полностью.

Сейчас Владычица лишь вызвала у короля небольшой приступ паники. По-настоящему наказывать его за, в общем-то, мелочь, было пока неуместно.

Пока.

— Я знала, что это произойдет. Восточные гарнизоны готовы. А делать что-то еще я буду только после того, как разберусь с Альбаной и предателем.

На мгновение Ильмадика задумалась, не стоит ли сейчас вернуться в сознание Матеаса. В итоге решила, что не стоит: пусть помнит свое место. Пусть помнит, что она божество, которое приходит по своему выбору, а не влюбленная школьница, гонящаяся за парнем.

Пусть он заслуживает ее благосклонность.

— Прости, Владычица, — пав на колени, взмолился Амброус.

В полном отчаянии от мысли, что она может не простить.

— Прощаю, — небрежно кинула она, поднимаясь с кресла, — Но сейчас мне нужно отправляться. К Матеасу.

Протянув руку к столу, она взяла несколько черных волосков, которые ранее Амброус доставал по ее приказу из шкатулки. Это было еще одно средство контроля за своими адептами. У каждого из них она когда-то забрала образцы, по которым могла найти их в случае необходимости. Сейчас она собиралась использовать это, чтобы сразу по прибытию в Стерейю исправить досадную ошибку своих адептов, неспособных даже расстрелять одного безоружного человека.

Сотворив заклинание поиска, несколько секунд Владычица удивленно смотрела на результат. Что-то было не так.

Что-то было не так.

Что-то было не так.

А затем она вдруг поняла, что происходит. И где в ее планах скрывался роковой просчет. И куда показывает стрелка магического «компаса».

— Сукин сын!

Волна силы отшвырнула к стене стол и пару стульев. Взметнулись черные волосы, когда богиня подорвалась, не тратя времени на переодевания. Уже направляясь, почти бегом, к выходу из покоев, Ильмадика коротко приказала:

— Отправь инструкции Матеасу. Передай, пусть держит оборону столько, сколько потребуется! Я приду ему на помощь, как только смогу! Передай, что пусть верит в меня и ждет!

— Но...

— Нет времени! Все висит на волоске!

Глава 9. Прикосновение Времени

Сама осада проходила, как по учебнику.

К счастью, на этот раз повстанцам не пришлось сидеть под стенами. Замок Стерейи был расположен таким образом, что достаточно было перекрыть основные пути, а сами войска расквартировать в близлежащей деревне.

Учитывая, что по словам графини, подготовлен к осаде замок был из рук вон плохо, позиция была выигрышной, и будь это обычная война, Тэрл склонялся бы к тому, чтобы вовсе отказаться от штурма и взять замок измором. Однако два чародея на стороне противника ситуацию заметно меняли. Они не могли с такого расстояния поразить нападавших молнией или чем-то подобным, но неудачи сыпались на армию нескончаемым потоком.

Еще по пути к замку зарядили ливневые дожди, из-за которых артподготовка откладывалась на неопределенный срок. Подготовленные заранее осадные лестницы сгнили и рассыпались в труху. Регулярно возникали проблемы с поставками продовольствия, ломалось оружие, снаряжение и экипировка. А часть припасов склевали чайки. Чайки!

В задумчивости Тэрл потрогал переданный ему Ланой амулет с янтарем. По крайней мере, он предохранял от самого страшного. Наверняка адепты уже не раз пытались вызвать эпидемию в стане осаждающих.

Струи дождя барабанили по плащам из непромокаемой ткани, созданной Элиасом по древним технологиям. Очень важно было, чтобы противник увидел эту ткань воочию: это станет серьезной гирькой на весах переговоров.

Ведь в то самое время, пока Тэрл, Селеста и Корбейн с Бофором дожидались парламентаров от защитников замка, Элиас как раз руководил созданием навесов, способных прикрыть пушки от воды.

Тэрл ожидал, что участие Селесты в переговорах поможет посеять сомнения в головах защитников замка, но орденский командир оказался достаточно умен, чтобы просчитать этот ход. На переговорах Матеаса сопровождали лишь трое легионеров в характерной золотой броне.

— Я вижу, вы не очень доверяете своим людям, — приветствовал противника командующий гвардии, — По крайней мере, тем, чьи мозги не промыты. Неужели правду говорят, что подлец всегда ожидает от других подлости?

Воин до сих пор досадовал, что так глупо повелся на обман этого человека. И то, что стало это возможным лишь благодаря чарам, утешало его слабо. Скорее напротив, пугало: можно сражаться с противником, обрушивающим на тебя молнии, но как сражаться с тем, чего ты даже не осознаешь?

Все сильнее он понимал, насколько мудры были предки, решившие, что колдовство должно быть уничтожено полностью. Никто не должен обладать такой силой.

— Сэр Адильс, — с укоризной протянул наемник. Сейчас, когда ему не было нужды притворяться, в его голос проник оттенок ехидства, какого он, будучи подчиненным, себе не позволял.

— Не стоит пытаться пристыдить меня подлостью. Вам ли не знать, что подлость, благородство, — все это понятия высокородных сынков.

Оглядев делегацию осаждающих, он осведомился:

— А где же ваша королева? Она не почитит нас своим присутствием?

Тэрл пожал плечами и парировал:

— А как насчет вашей Владычицы? Где же она?

Матеас прекрасно владел собой. Но не настолько прекрасно, чтобы от Тэрла укрылось легкое изменение в его выражении лица. И когда гвардеец понял, что это значит, то почувствовал легкий укол страха.

Владычица направлялась сюда. Это чудовище в обличье прекрасной женщины, на его глазах в одиночку уничтожившее целый отряд. Им предстоит сражаться с ней.

Рано, слишком рано!

— Моя Госпожа всегда со мной, — уверенно ответил адепт, — А как насчет вашего Бога? Придет ли он вам на помощь? Защитит ли тех, кто поверил вам и пошел за вами? Или же вы, как обычно, привели их на верную смерть?

Он бросил испытующий взгляд на Корбейна, но тот встретил этот взгляд с дерзостью. «Подойди на длину меча, и мы узнаем, кого из нас ждет смерть!» — как будто говорило лицо кавалериста. Тогда наемник перевел взгляд на Бофора, но и тут его ждала неудача: артиллерист казался невозмутимым и даже слегка рассеянным. Как будто угроза мало его касалась.

Тэрл же лишь покачал головой и покровительственным тоном отметил:

— Не пытайтесь напугать моих людей. Возможно, вам это сложно понять...

Он покосился на легионеров.

— ...ведь единственная честь, верность и храбрость, с которой знакомы вы — это честь, верность и храбрость безвольных рабов, идущих за господином. Но мои люди — знают, на что они идут. И идут они, потому что верят мне.

— ...или потому что за неподчинение командованию их повесят, — фыркнул адепт, глядя на своего противника исподлобья.

— Можете считать так, если хотите, — пожал плечами Тэрл, — Впрочем, я уверяю вас, что повешение — не самая страшная участь, что я могу обеспечить предателю. Я даю вам последний шанс. Сложите оружие и сдайте крепость, и тогда я гарантирую вам справедливый суд и обращение как с военнопленным, а вашим людям — помилование. Как только прозвучит первый выстрел, предложение отзывается. Если крепость придется брать штурмом, смерть ваша будет долгой и мучительной.

— Как только прозвучит первый выстрел, — холодно ответил Матеас, — Я позабочусь о том, чтобы угодил он именно в вас. Оставил вашу мятежную армию без командира и показал зажавшимся аристократам их истинное место.

Тэрл поморщился с таким видом, будто услышал непристойность от ребенка:

— Я надеюсь, что поразмыслив здраво, вы измените свое решение. Я даю вам сутки на раздумья. Воспользуйтесь ими.

Наемник криво усмехнулся:

— Воспользуюсь. Но не надейтесь, что я изменю свое решение.

Бывший командующий гвардии смотрел вслед удаляющемуся врагу. Смотрел минуты две, пока не убедился, что тот отошел достаточно далеко. А затем негромко приказал:

— Командуйте начало штурма. Немедленно.

— Пушки пока не готовы, — хмуро напомнил Бофор.

— К демонам пушки. К моменту, когда сюда прибудет Ильмадика, мы должны уже быть за стеной. Выполнять!

Верный Корбейн помчался передавать приказ, и уже через считанные минуты армия повстанцев пришла в движение. К сожалению, поняв, что сейчас произойдет, Матеас поспешил скрыться за воротами, и перехватить его под обстрелом со стен не представлялось возможным.

Тэрл рвался вперед в первых рядах, и никто не смог бы сказать, что он рискует меньше своих людей. Двумя руками гвардеец сжимал тяжелый башенный щит, прикрывавший его спереди от стрел и пуль. С боков его прикрывали вооруженные такими же щитами солдаты из отборных. Щитonosцы во втором ряду держали щиты поднятыми над головой, а еще дальше располагались вооруженные винтовками стрелки, ведшие ответный огонь. Пока что, впрочем, результаты их деятельности оставались довольно скромными: высокая позиция давала обороняющимся решающее преимущество.

Снова и снова пули ударяли, как крупный град, выбивая щепки и норовя выбить щит из рук. Время от времени они пробивали преграду насквозь, ранив или даже убивая человека под ней. И все-таки Тэрл со своими людьми продолжали упрямо рваться вперед.

Иногда исход сражения решает не хитрая тактика, а лишь то, кто проявит большую решимость, отвагу и упорство.

Не зря он муштровал солдат, гоняя их в хвост и в гриву: даже во время марш-броска под проливным дождем они продолжали держать строй и прикрывать друг друга. Не было тысяч людей: был единый механизм из тысяч деталей. В кратчайшие сроки армия повстанцев достигла стен Стерейи.

По сигналу Тэрла ряды солдат организованно расступились, пропуская таран. Окованное железом бревно, оно вряд ли было бы так уж эффективно против замковых ворот, — если бы не загадочный механизм, созданный Элиасом и усиливающий удар за счет сжатого воздуха. Ворота содрогнулись, и за стеной началась беготня: увидев опасность, Матеас поспешил перевести часть людей на опасный участок.

Сверкнула ослепительно-яркая молния, и трое солдат по правую руку от Тэрла повалились в грязь. В ответ на это гвардеец схватил винтовку и дал короткую очередь по источнику атаки, но колдун, кажется, предусмотрительно укрылся за зубцом стены. Гранату бы туда закинуть, но с такого расстояния, да снизу вверх — слишком велик риск не попасть. Да и гранаты очень скоро еще как пригодятся...

Они пригодились, когда очередной удар тарана оставил пролом в воротах. Пролом этот был еще недостаточно велик, чтобы через него можно было пробиться внутрь. Но искаженные яростью боя лица столпившихся на той стороне защитников Тэрл увидел.

— Назад! — скомандовал он, забрасывая гранату через пролом.

Гвардеец не видел, сколько народу задел взрыв. Но когда ворота все-таки рухнули, кровь и потроха покрывали и землю, и стены. Судя по выражению паники на лицах уцелевших противников, бросок удался на славу.

— В атаку! — крикнул Тэрл, отбрасывая щит и перехватывая винтовку, — За леди Селесту! За королеву Леинару! За Истинного Бога!

Очередь пуль он выдал, почти не целясь: да ему и не требовалось целиться. Что требовалось, это убить больше врагов до того, как те опомнятся и откроют ответный огонь. Считанные секунды прошли, прежде чем вместо очередного выстрела послышался тихий щелчок. Перезаряжаться было некогда, и Тэрл, выхватив короткий клинок-кацбалгер, пошел в рукопашную.

Неся большие потери, отряд упрямо продвигался вперед. Вот уже завоеван внутренний

двор, и задние ряды, сохранившие щиты, торопливо выстраивались, чтобы защитить товарищей от обстрела со стен. В тот же самый момент фланговые отряды начали штурм — без лестниц, заблаговременно уничтоженных вражескими колдунами, за счет простой веревки с крюком. Очень важно было выбрать правильный момент: чтобы защитники на стенах успели отвлечься на войска, захватившие внутренний двор, но еще не успели перестрелять их, как свиней на бойне.

Пал, сраженный снайперской пулей, младший адепт Ильмадики. И хоть Тэрл и знал, что он по сути всего лишь ребенок, ни на секунду воин не позволил жалости тронуть свое сердце.

Враг — это не человек.

— Укрыться за щитами!

Снова ливень пуль и стрел обрушился на стену из щитов. Повстанцы несли потери, но все же держали строй.

Дожидались просвета.

Часть стрелков ушла на перезарядку. Другая вынуждена была перейти к обороне от тех солдат, что взобрались по веревкам. И Тэрл решил, что лучшего момента не будет.

— В атаку!

Поднимаясь на стены, повстанцы торопились смешать ряды с противником. Тем самым огнестрельное оружие стремительно теряло в эффективности: все сложнее было стрелять, не задевая своих. Сам Тэрл уже давно оставил винтовку во внутреннем дворе. Пистолет он разрядил в одного из вражеских стрелков еще на подъеме и теперь, перехватив за ствол, использовал в качестве дубинки. Снова и снова он колот клинком столпившихся врагов, не гнушаясь порой и просто отпихивать их плечом. Гвардеец получил уже с полдюжины ран, но все же, удача сопутствовала ему: ни одна из них не угрожала его жизни и боеспособности.

Что особенно радовало, учитывая, что на этот раз им приходилось обходиться без колдуна-целителя.

Убивая без разбора, Тэрл, однако, четко видел свою цель и продвигался к ней. Матеас, командовавший стерейцами, посылал стрелу за стрелой в наступавших повстанцев. Если добраться до него, армия окажется обезглавленной. Не говоря уж о том, что, как подозревал гвардеец, молнии — это не все, чем мог быть опасен адепт.

Иногда исход сражения решает лишь то, у кого яйца крепче. В этот раз они оказались крепче у повстанцев. Деморализованная армия распадалась на глазах. Все меньше стерейцев продолжали защищать своего командира, фактически, единственным препятствием оставалась дюжина бойцов Железного Легиона. Уже расстреляв все патроны и стрелы, они, однако, сохраняли строй, удерживая нападавших на расстоянии с помощью копий и щитов.

— И где же твоя Владычица?! — насмешливо осведомился Тэрл, давая войскам сигнал приостановить наступление.

И поразился тому выражению, что мелькнуло на лице матерого наемника. Это не была боевая ярость или насмешливое презрение, даже на страх оно походило мало. Скорее какая-то... детская обида.

— Она придет, — выдохнул Матеас, — Она не оставит меня!

Кого он пытался убедить в этом? Его или себя?

— Если это так, — ответил Тэрл, — То ей лучше поспешить. У нее осталось не так много времени.

Адепт выбросил ладонь перед собой, закрываясь магнитным полем от возможной атаки

с его стороны, но настоящая угроза исходила не от него. Один из стрелков, остававшихся в тылу, все это время ловил удобный момент для выстрела. Коротко тренькнула тетива, и стрела пронзила горло адепта. На его лице так и застыло выражение непонимания.

Непонимания, как его звезда, обещанная богиней, могла закатиться так скоро.

Дальнейшее было делом техники. Лишенные командования, солдаты не могли толком сопротивляться. Опасность все еще представляли легионеры, но против численного превосходства ничего не могли поделать даже они. Когда последний легионер пал, а верный Корбейн отрапортовал о захвате стрелковых башен, в крепость неторопливо въехали «воительницы». На самом деле ни Леинару, ни Селесту в бой отправлять дураков не было. Они были слишком важны, и они не умели сражаться — даже одного из этих факторов было бы достаточно.

Но вот сейчас, когда основные боевые действия завершились, они, прекрасные, облаченные в парадные доспехи с гербами своих домов, смотрелись на диво впечатляюще. Особенно велико было воздействие на стерейцев, боевой дух которых был окончательно сломлен осознанием, что они сражались против своей же графини. А может, сыграло роль и то, что со смертью Матеаса чары, которыми он воздействовал на собеседников, развеялись, — кто его знает?

Тэрл точно не знал. Да его это и мало интересовало. Переложив на Корбейна командование добиванием тех, кто еще не сложил оружие, воин уселся прямо на землю, опираясь спиной на стену. Адреналин и боевой кураж схлынули, оставив ломоту в теле и глухую боль в голове. Усталость и раны стали настойчиво напоминать о себе. Надо было бы, конечно, обработать их, но сейчас поднять руки или даже просто держать глаза открытыми было тяжело.

Из дымки забытья его вывело ощущение чьего-то мягкого прикосновения. Оно не было угрожающим или болезненным, но несмотря на это, воин застонал и дернулся.

— Лежи спокойно. Я помогу тебе. Я умею.

Знакомый голос... Чей же это голос? Ах, да...

— Миледи, — произнес Тэрл, — Неужто вам некому передоверить эти обязанности?

С трудом разлепив глаза, он увидел, что Леинара, королева Идаволла, смущенно и чуть озорно улыбается.

— Сказал главнокомандующий, который пошел в атаку в первых рядах и собрал на себя, кажется, все удары.

— Не все, — не согласился воин.

Лана наверняка сказала бы про «художественное преувеличение». Лейла же просто согласилась:

— Ладно, не все. Но все-таки, почему? Неужели никто другой не мог рисковать жизнью вместо тебя?

— Мог, — согласился Тэрл, глядя, как она с неожиданной сноровкой прочищает его раны, — Но у меня это получилось лучше, чем у кого-то иного. А вы, стало быть, и в целительстве — лучшая?

— Шутишь? — рассмеялась королева, — Я вообще не думала, что мне когда-нибудь придется заниматься этим на практике. И вообще оказаться в ситуации, где рядом нет лекаря-мага.

— Тогда почему?..

— Почему я делаю это сама? Да очень просто. Все эти люди славят меня за мою победу.

Но я ради этой победы не ударила пальцем о палец. Другие рисковали вместо меня. И если я не сделаю ради них хоть что-то, я сама себя уважать не буду.

Тэрл задумчиво кивнул. Такая линия рассуждений была ему хорошо знакома и понятна. И все-таки он не удержался от вопроса:

— Но почему тогда из всех раненых вы выбрали именно меня?

Однако на этот вопрос отвечать королева не пожелала:

— Как много времени у нас до того, как сюда прибудет Ильмадика? — сменила она тему.

— Матеас ждал, что она явится во время осады, — ответил Тэрл, — Но чем больше я думаю о его поведении, тем сильнее опасаюсь, что она не явится вообще.

— Опасаешься? — переспросила Лейла, — Почему? Ведь если нам не придется с ней сражаться, это нам же на пользу. Если только...

От внезапного осознания она побледнела.

— Ох...

— Да, — мрачно кивнул Тэрл, — Если она не явится вообще, то скорее всего, это потому что она выследила «Искренний».

В это самое время Килиан и Лана осторожно, стараясь не привлекать внимание, пробирались по пустынным улицам. Девушка поминутно оглядывалась, тогда как ученый задавал направление, ориентируясь по схеме, которую набросал еще сверху. Они не переговаривались вслух: когда кому-то требовалось что-то сообщить, он пользовался магической связью. О праздных разговорах и речи не шло: никому из них не хотелось отвлечься и не заметить вовремя группу каких-нибудь зомби. Или еще чего похуже.

Именно через магическую связь Килиан коротко просигналил:

«Мы на месте. Через один поворот, справа. Не высовывайся»

В прошлый раз на подходе к воротам Тюрьмы Богов им пришлось прорываться через заградительный отряд воинов Халифата. На этот раз конкурентов у них не было, но это вовсе не значило, что в древнюю тюрьму можно было зайти, как к себе домой. Килиан прекрасно знал, что Ильмадика поставила себе на службу все защитные системы тюрьмы, созданной, чтобы сдерживать таких, как она, — с перспективой со временем использовать ее военные и производственные мощности для завоевания Полуострова.

Заняв позицию, с которой просматривались ворота, выбитые еще в прошлый раз, ученый жестом приказал ждать.

Минута. Две. Четыре.

Спустя четыре минуты и тридцать семь секунд в воротах показался патрулирующий территорию охранный робот. Стандартная модель, напоминающая приплюснутую миску. Боевому роботу не требуется быть грозным гигантом: гораздо практичнее та форма, при которой в него будет трудно попасть.

— Пусть его проржавевшие контакты перемкнет, — в первый раз нарушил тишину шепот чародея, — Сто процентов или цельная единица. Я так хочу.

Когда они двумя неслышимыми тенями вошли в железное здание, в воздухе витал мерзкий запах паленой изоляции. В иной ситуации Килиан не преминул бы прихватить что-нибудь из запчастей для дальнейшего исследования. Но сейчас груз и так оттягивал его плечи.

Насколько знал ученый, в распоряжении Ильмадики оставалось еще семь рабочих

моделей. Не стоило и думать о том, чтобы обезвредить их все таким образом. К счастью, зная их примерное расположение, можно было спланировать маршрут так, чтобы встретиться с как можно меньшим их количеством.

Большую часть охраны Ильмадика сосредоточила у входа в единственный еще работавший лифт. Лестницу охранял всего один робот, которого удалось вырубить с помощью заклинания.

«Куда теперь?» — осведомилась Лана по магической связи, — «Вверх?»

Килиан коротко мотнул головой:

«Вниз»

В подвальном помещении, отведенном под склады и подсобки, охраны у лифта не стояло вовсе. Дыра в безопасности, — впрочем, вынужденная. Все-таки не хватало у Ильмадики подконтрольных роботов, чтобы защищать столь большое здание. Да и кому бы понадобилась тюрьма на краю мира?

Им вот понадобилась.

«Прошу»

С шутливым поклоном Килиан открыл перед Ланой двери лифта. Бросив на негукоризненный взгляд, девушка, однако, невозмутимо прошествовала внутрь.

Десятый этаж. Килиан не знал, сохранились ли действующие компьютеры на этажах ниже: после освобождения Ильмадики ему некогда было это выяснять. Но в одном месте они сохранились точно.

Там, где все началось.

И вот, Килиан шагал между пустых камер. В прошлый раз он поднялся сюда один. Тогда он еле брел, израненный битвой с Мустафой. Сейчас с ним была Лана — и Небо, как же тяжело было ловить на себе ее сочувствующий взгляд.

Она понимала, насколько тяжелые воспоминания пробуждает в нем это место. Но к счастью, ничего не говорила.

«Сюда»

К счастью, пароль, когда-то вычисленный и переданный ему для освобождения Ильмадики, все еще подходил: менять его было незачем, а потом некому. Безумно долгие минуты запускалась система, пытаясь связаться с уже не существующими серверами.

Как будто древняя машина пыталась докричаться до своего времени. До времени, когда подобные ей были в каждом доме.

Килиан достал запоминающее устройство, окончательно освобождая рюкзак. Пара минут на необходимые проверки. И вот, перед ним открылись бесконечные ряды файлов. Копии переписок. Там были только они.

Но в таком количестве, что будь у них время прочитать их все, информации хватило бы на несколько жизней.

«Как мы найдем то, что нужно?» — осведомилась Лана по мыслесвязи.

Килиан развел руками, понимая, что в их гениальном плане наметилось слабое звено. Почему-то думал он, что та информация, из-за которой это устройство было так важно, или составляет все его данные, или по крайней мере как-то выделена. А тут... до старости можно искать.

Он попробовал начать с конца, рассудив, что если там было что-то опасное, то явно не в начале. Однако, здесь его ждало разочарование.

«Где же ты растерял все свое божественное величие и достоинство, Властелин Хаоса?»

— от этого короткого послания, адресованного Владыке Эланду, так и сквозило язвительностью.

Впрочем, то письмо, в ответ на которое оно было отправлено, целиком состояло из семиэтажного мата. И хотя подобное отношение к Ильмадике Килиан разделял, он не мог не согласиться, что богу так вести себя не очень-то к лицу.

Ученый прокрутил эту переписку выше, но особого конструктива там не нашел. Эланд упрекал бывшую соратницу за предательство, все больше распаляясь и срываясь на ругань. Ильмадика в ответ подначивала его короткими пренебрежительно-ехидными репликами. При этом в чем конкретно заключалось предательство, так и осталось неясным: видно было, что оба бога прекрасно знали, о чем идет речь, и не спешили разъяснять это неожиданному читателю.

«Что там?» — осведомилась Лана, не знавшая языка Дозакатных.

«Не то, что нам нужно», — коротко ответил Килиан, закрывая переписку.

Переключившись на следующую, он с неудовольствием обнаружил общение с поставщиками о поставках ценных ресурсов для Повышения (или «ядерного распада», как это называлось в Дозакатные времена). Это могло бы быть полезно, если бы он не знал, что те места, где хранились запасы на Полуострове, Владычица проверила сразу же после своего возвращения. Что уцелело, перепрятала, а уцелело немногое. Что до складов в землях Порчи, то едва ли они стоили того, чтобы за ними отправляться. Энергию можно было получить множеством более простых способов.

А тем временем завывала сирена. Видимо, нарушителей все-таки обнаружили, и вскоре здесь будет охрана. Килиан схватился за оружие, но Лана покачала головой:

— Продолжай искать. Я выиграю нам время.

Подбежав к закрытым дверям, она запела. Затянула ту самую абстрактную мелодию, с помощью которой фокусировала свой творческий огонь на поддержании щита. Только на этот раз щит этот служил для укрепления, чтобы двери выдержали обстрел.

Килиан тем временем переключился на следующую ветку переписки — и тут же вынужден был до боли сжать виски, чтобы сохранить относительную ясность сознания. Слишком много тяжелых воспоминаний вызвала в нем проповедь, обращенная к адептам Ильмадики — к тому их поколению, что сражалось и умирало за свою Владычицу во времена Заката.

Грохот выстрелов эхом отдавался от металлических стен. С душераздирающим звоном пули ударяли в двери комнаты, но щит чародейки держался надежно. И будет держаться — в этом Килиан был уверен.

Лана его не подведет. Осталось только ему не подвести ее.

Он переключился на следующую ветвь переписки, уже понимая, что тактику нужно менять. Если он будет продолжать ковыряться так, то пока они что-нибудь найдут, от старости успеют умереть не только они, но и Владычица.

Безо всякой плановости Килиан выбрал случайную из непрочитанных веток переписки, и тут его осенило.

Случайность! Вот оно! Этот выбор — случаен! А значит...

— Пусть следующим сообщением, которое я выберу случайным образом из содержащихся на этом диске, станет то, что содержит информацию, раскрытия которой Владычица Ильмадика боится сильнее всего. Сто процентов или цельная единица. Я так хочу!

Сцепив пальцы в замок, Килиан нажал на полосу прокрутки. Казалось, прошла пара вечностей, — хотя в действительности прокрутка списка заняла от силы секунду.

Отгоняя дурацкий образ того, как заклинание сейчас выведет его на личный дневник Ильмадики с ее женскими секретами типа «я люблю Эланда, но он дебил», ученый углубился в чтение. С неудовольствием он понял, что попал куда-то в середину беседы между Ильмадикой и неким человеком, чье имя не было указано и никак не выводилось из электронного адреса.

«Что вы хотите за свое предательство?» — спрашивал он. Ну да, кто бы сомневался, Сладкий Яд опять кого-то предала...

«Для начала не называйте это предательством. Я не несу ответственности за жестокость и неосмотрительность других Владык. Я не предаю никого. Я просто делаю то, что считаю правильным.»

Очередная пуля ударила в дверь, и на металле образовалась трещина. Верный признак того, что щит начал ослабевать. Необходимо было поторопиться с чтением.

«Вы выдаете информацию, которая поможет мне уничтожить ваших бывших товарищей. Если вы не врете, конечно, и это не имеет единственной целью заманить нас в ловушку.»

«Всего лишь уравниваю силы. Мистер Зеро, мне больно смотреть, как этот зверь Лефевр уничтожает мирных людей. Когда я наделяла его бессмертием, я и представить не могла, что до этого дойдет. Вы можете не верить мне, но я подставляю в том числе и себя, потому что верю, что вы — именно вы — сможете остановить его бесчинства. И я должна помочь вам, потому что несу ответственность за то, что он творит.»

«Не пытайтесь играть со мной. Ваши заверения на меня не действуют, — по крайней мере, когда я вне досягаемости измененного запаха и прочих воздействий. Вы говорите, что не знали, что все сложится таким образом, — и в то же время вы утверждаете, что предусмотрели лазейку в своей методике.»

Очередная очередь пуль пробила щит, и кусок двери рухнул внутрь помещения. Килиану пришлось оторваться от чтения и броситься на помощь напарнице. Разряд молнии поразил одного из стражей, но кажется, не убил — лишь замедлил и дезориентировал. Впрочем, чародей и не особо рассчитывал на это: коснувшись пола, он заставил металл сформировать еще три барьера, преграждавших дорогу охране.

— Там есть что-нибудь? — сбивающимся голосом спросила Лана, торопясь восстановить дыхание.

— Есть, — кивнул ученый, — Выиграй мне еще пару минут. Отдышись, пока они пробивают первый барьер, а потом выставляй щит.

В металл уже ударили первые пули.

«Это не предусмотренная лазейка. Это недочет, с которым я не сумела справиться. Мое заклятье восстанавливает структуру организма, и эта часть действительно безупречна. Даже разрушение головного мозга для Владыки не является необратимым. Но вот информацию, записанную в нем, восстановить таким же образом невозможно. С этим сделать ничего нельзя: если заставить ее восстанавливаться, существо остановится в развитии и просто не сможет воспринимать окружающий мир. Во вложении все необходимые расчеты, которые позволят вашим ученым изготовить стиратель. С его помощью вы сможете уничтожить самую личность Лефевра или любого из его ставленников.»

Килиан готов был поспорить, что ответ будет чем-то вроде «или вашу», но проверять было некогда. Раскрыв прилагавшийся файл, он быстро глянул расчеты, но почти сразу с

огорчением понял, что ни его знаний, ни производственных мощностей Послезакатного мира не хватит, чтобы создать этот самый «Стиратель».

От очередной пули в последнем барьере образовалась трещина.

«Долго еще?» — постучалась ему в голову Лана.

— Сейчас, почти, — вслух ответил Килиан.

Запустив контекстный поиск, он стал искать данные по «Стирателю» или информации в мозгу, но ничего полезного не нашел. Тогда он решил глянуть информацию о «мистере Зеро», и вот тут ему улыбнулась удача. Начальник орденовской разведки передавал сведения об одной из ячеек сопротивления власти Владык. В частности, о расположении трех ее лабораторий — на Иберийском полуострове, на Японском архипелаге и на Южном полюсе. Координаты Килиан переписал в свой блокнот, решив потом свериться с Дозакатными картами. А вот информация о том, в какой из них проводилась разработка «Стирателя»...

Ее не было. Или по крайней мере, он не мог ее найти.

— Заканчиваем, — сказал Килиан, выдергивая диск. Секунду он колебался, не стоит ли напоследок разрушить компьютер (он смутно помнил, что как-то можно было определить следы того, какие операции на нем совершались)... но решил, что разбираться с этим некогда.

Бросив под дверь фосфорную гранату, ученый схватил Лану за руку и побежал в сторону подъема. Им нужно было забраться на крышу, где их подберет Джамиль на дирижабле.

В целом, операция прошла в рамках задуманного. Ильмадика не ожидала такой наглости, как проникновение в Тюрьму Богов. Необходимую информацию им получить удалось, и хоть проверить три лаборатории на разных концах Пустошей — задача нетривиальная, но по крайней мере, у них было с чем работать. К счастью, ни один из тех вариантов, которых Килиан опасался больше всего, не случился...

Спустя полминуты после этой мысли ученый с негодованием обнаружил, что вопреки всем возможным исследованиям, закон подлости все-таки побивает теорию вероятности. Естественно, именно теперь, свернув за очередной поворот, они должны были нос к носу столкнуться с Владычицей.

— Так, так, — сейчас, когда не перед кем было притворяться, от Ильмадики веяло неприкрытой угрозой, — Вижу, ты даже умереть не можешь нормально. Своей назойливостью ты напоминаешь моего бывшего мужа.

— Что я могу сказать: ты определенно плохо выбираешь мужчин, — ухмыльнулся в ответ Килиан.

Одновременным, синхронным, зеркальным жестом Владычица и бывший адепт сотворили по боевому заклинанию. Ильмадика успела первой.

Сверкая синим светом, сразу шесть сгустков заряженных ионов сформировалось вокруг нее. Независимо друг от друга ударившись об воздух, они сотворили шесть разрядов молний, с разных сторон ударивших...

...в магнитное поле, сформированное Килианом вокруг рукоятки шпаги, приставленной к полу. Он не надеялся опередить противника, обладающего тысячекратным превосходством в боевом опыте, и вместо атакующего заклинания творил защитное. Разряд уходил по железу в землю, не причиняя вреда ни ученому, ни стоявшей за его спиной Лане.

Пару секунд спустя все стихло.

— Я хорошо изучил твои приемы, — не удержался от комментария Килиан, направляя лезвие шпаги на Владычицу.

Одна-единственная тонкая молния ударила в грудь богини, — точнее, должна была ударить. Не тратя сил на создание магнитного поля, Ильмадика остановила разряд прямо в воздухе, и только напряжение в голосе выдавало, что подобное надругательство над физическими законами все-таки требовало от нее усилий и концентрации.

— Я научила тебя всему, что знаешь ты, — заметила она, — Но не всему, что знаю я.

Мысли о том, как именно она это делает, Килиан решил оставить на потом.

— В таком случае, тебя ждет сюрприз, — парировал он и одновременно скомандовал по мыслесвязи:

«Давай!»

До поры не вмешивавшаяся в поединок Лана сделала шаг вперед и сотворила привычный жест, напоминавший молнию. Отгоняющий чары.

В отличие от сражения с халифом на острове, на этот раз она применяла свою магию точно, направленно. Ее заклинание разрушило контроль со стороны Ильмадики, но сама молния осталась в целости. И, обнаружив отсутствие неестественной преграды, немедленно достигла намеченной цели.

Вскрикнув, — скорее от удивления, чем от боли, — богиня отлетела на пару метров назад и впечаталась в стену.

— Сюда!

Лана прекрасно понимала, что и речи не может быть о том, чтобы продолжать схватку. Им удалось сделать ход, которого Владычица не ожидала, но второй раз на один и тот же трюк она не попадет, и наивно считать, что одна-единственная молния всерьез скажется на ее боеспособности. Вон, уже поднимается, пока они еще только разворачиваются к боковому коридору.

Гоняться за беглецами через лабиринты древней тюрьмы Владычица не стала. Не по чину ей, надо полагать. Да и зачем?

Железные стены сами прихотливо изгибались, освобождая ей дорогу и отрезая беглецам пути к отступлению. «Создание стабильной кристаллической решетки», как это называл Килиан, Ильмадика явно освоила гораздо раньше и гораздо лучше.

Речи уже не шло о том, чтобы достигнуть лестницы, ведущей на крышу: сейчас все, на что они могли надеяться, это оказаться подальше от разгневанной богини и, быть может, выбраться за пределы этого здания, где сами стены работают против них.

У них почти получилось.

«Там будет выход наружу», — сообщил Килиан по мыслесвязи, ведя Лану к стене, внешне ничем не отличавшейся от остальных, и уже готовясь сотворить свое трансформирующее заклинание.

Но он не успел этого сделать. Оставалось каких-то пять шагов, когда чародей вдруг поднялся на метр в воздух. Мыслесвязь он торопливо разорвал, но Лана успела ощутить отголосок боли, как будто неведомая сила сдавливает его тело со всех сторон.

— Что ж, это было увлекательно, — сообщила Ильмадика, неторопливо приближаясь. Ее одежда дымилась, но никаких следов ожогов на теле уже не осталось.

— Но пора заканчивать игру.

Лана попыталась рассеять чары, но на этот раз Владычица была к этому готова. Не только телекинез, которым она удерживала пленника, продолжил действовать как ни в чем не бывало: чародейка ощутила, что еще немного, и какая-то пакость проникла бы в нее через

ее же заклинание.

Возможности Владычицы явно превосходили все, что могли представить обычные маги.

— За то, что испортил мне платье, я сдеру с тебя шкуру, — продолжала богиня, не обращая внимания на Лану, будто та была лишь пылью у ее ног, — А затем превращу тебя в инертную белковую массу. У тебя не будет ни конечностей, ни глаз, ни даже рта, чтобы кричать. А вот член я тебе, пожалуй, оставлю. Если хорошо попросишь.

Стараясь не представлять того, что так смачно расписывала противница, Лана торопливо достала из-за спины короткий охотничий лук. Жалкое оружие — даже на фоне того, что применялось армией, оно в основном вызывало снисходительные улыбки.

Так может быть, древняя чародейка и подавно не примет его всерьез.

Выпущенная стрела угодила прямо в живот Владычицы, — но та не удостоила ее и взглядом. Лишь тихо хмыкнула, — и древко рассыпалось прахом, а железный наконечник тихо звякнул об пол.

Рана исцелилась мгновенно.

— Ах, извини, что забыла про тебя, милочка, — рассмеялась Ильмадика, — Разумеется, сперва я заставлю Килиана убить тебя. Я оставлю ему достаточно воли, чтобы он понимал, что делает, — но недостаточно, чтобы мог противиться. Что скажешь?

— Четыре, — выдохнул Килиан.

— Что? — Ильмадика нахмурилась, с подозрением глядя на ученого.

— Три, — ответил он, как будто вообще не обращая внимания на ее слова.

Вытянув руку перед собой, Ильмадика крепко сжала кулак. Лана ощутила усилившиеся магические энергии: Владычица торопилась уничтожить своего врага, пока есть возможность. И все-таки, с огромным трудом, преодолевая боль, Килиан выдохнул:

— Два.

До «один» дело так и не дошло. Далеко внизу послышался грохот взрыва, и все здание содрогнулось. Содрогнулось, — а потом стало складываться, как карточный домик.

Неподъемный рюкзак, который Килиан тащил во время спуска в город, был битком набит взрывчаткой четырех разных видов. Когда они с Ланой спустились в подвал, ученый оставил свой груз в заранее высчитанном месте и протянул фитиль, подтасовав вероятности так, чтобы его поджег первый же ушедший в землю разряд молнии.

Таким их обеспечила сама Ильмадика.

Когда пол под ними содрогнулся и вдруг решил идентифицировать себя как стену, Владычица совершенно не по-божественному взмахнула руками, силясь удержать равновесие. Концентрацию она при этом, естественно, потеряла, и Лана поспешила броситься к Килиану. Чародеи крепко обнялись, — не от переизбытка чувств, а с исключительно практической целью не потерять друг друга в хаосе рушащейся тюрьмы.

Мыслесвязи между ними больше не было, но Лана и сама помнила инструкции на этот случай. Создав свой фирменный щит, она сформировала его в виде сферы, ограждавшей их от обломков. Килиан тем временем направил их падение на ту самую, примеченную ранее стену.

Пробил ли ее диковинный «мячик» с двумя магами внутри, или ученому пришлось воспользоваться трансформирующим заклинанием? Лана не видела этого. Мир превратился в бешеный круговорот огня и металла. В мгновение ока она перестала понимать, где верх, а где низ, перестала видеть, куда они вообще летят и даже не была уверена, живы ли они. А последней осознанной мыслью было «только не блевать».

Казалось, прошла вечность, когда кружение вдруг остановилось. Видеть что-то вокруг это не помогало: перед глазамиплыли цветные пятна. Даже когда глаза были закрыты.

Её колотила крупная дрожь. Неосознанно чародейка прижималась к продолжавшему обнимать ее мужчине, вцепившись в него, как утопающий в спасательный круг. Килиан не отпускал ее, — и откуда-то Лана знала, что он не отпустит ее, пока она сама того не захочет.

Ни за что.

Осознание того, что падение их закончилось наилучшим образом, пришло в тот момент, когда в заложенные уши проникли звуки окружающего мира. Знакомые голоса. Ансаррская речь. Да. Они были на «Искреннем». Похоже, Джамиль вполне успешно сориентировался в обстановке и подобрал их, — как и было запланировано.

Выполнив свою задачу, дирижабль летел обратно на юго-восток.

Глава 10. Миг равновесия

Дворец трясло и лихорадило, как будто сама реальность осыпалась от ярости Владычицы.

И это была не фигура речи: хотя они находились в субреальности его подсознания, Амброус чувствовал, как неконтролируемое божественное могущество практически вырывает из его рук контроль. Владычица Ильмадика могла и его самого вышвырнуть отсюда, столь велика была ее ярость.

Нет. Это Амброус понял мгновением позже. Не ярость это была. Точнее, ярость там тоже была, но дело было не в ней. Она лишь прикрывала истинную причину, по которой Ильмадика утратила над собой контроль.

Она была напугана. Впервые в жизни Первый Адепт видел свою богиню, — бессмертную, всемогущую, великую богиню, — по-настоящему напуганной. Это казалось странным, противоестественным...

...и вызывало отчаянное желание защитить ее от всего.

— Не бойся, Госпожа, — подал голос король в перерыве между ее матерными выкриками, — Я никому не позволю причинить тебе вред. Никому и никогда.

— Ты не понимаешь! — истерически воскликнула женщина, и экспрессивный взмах хрупких ладоней породил волну искажения окружающего пространства, лишь на мгновение показав сокрытый за роскошью тлен.

— Я... — начал было Амброус, но богиня оборвала его:

— Ни хрена ты не понимаешь! То, что он мог узнать! Если он получит это оружие, то сможет уничтожить меня! Убить мою личность! Превратить в безвольную куклу! Сделать со мной все, что захочет!

— Я не позволю ему этого сделать! — пылко ответил контроль.

И весь сжался, поймав ее холодный взгляд. Сквозь отрешенность ментальной связи он ощутил, как все тело начинает ломать боль. Жестокая, выкручивающая боль, какой достойны те, кто разочаровывает Владычицу.

— Ты обещал, что он не сможет ничего узнать, — ответила богиня, — Что ни одна мышь не проскочит. И что же? Он узнал! И мы даже не знаем, как много!

Устремив на мужчину немигающий взгляд, она произнесла всего три слова, резанувших по его сердцу, как зазубренный нож:

— Ты меня подвел.

В первый момент единственным, что ощутил Амброус, стала жгучая обида на несправедливое обвинение. Ведь он обещал лишь что Килиан и повстанцы не получат доступа к оборудованию Убежища! Ведь даже сама Ильмадика не догадалась вовремя, что предателю хватит наглости ворваться в Тюрьму Богов!

Мгновением позже пришло раскаяние. Да, он не знал. И она не знала. Но он не имел права на незнание. Он должен был подумать, догадаться, сообразить. Из-за его ошибок... из-за его глупости... из-за его несовершенства Владычице угрожала опасность. И он ничего не мог сделать, чтобы исправить то, что натворил!

— Госпожа... — король сам не понял, как оказался на коленях, — Пожалуйста, прости меня.

Но богиня лишь отвернулась:

— Твои извинения ничего не изменят. И ничем мне не помогут.

Все так же не глядя на не оправдавшего надежд адепта, она продолжила:

— Я больше не могу надеяться на твою защиту. Я не могу чувствовать себя в безопасности в Идаволле, — по крайней мере, пока ты не принесешь мне или не уничтожишь Стиратель.

Это был намек, прозрачный намек. Что еще не все пропало, что еще есть какая-то надежда. Что она помнит его былые заслуги и все еще хоть немного верит в него. Что он еще может оправдаться в ее глазах...

Амброус Идаволльский чувствовал, что недостойн такой милости.

— Я останусь здесь, — продолжила Владычица, — в Гмундне. Восстановлю укрепления и защитные системы, чтобы при необходимости выдержать осаду. С собой возьму двадцать самых надежных адептов: тех, кого отберу сама. Тех, на кого могу положиться.

От осознания того, что он больше не принадлежит к их числу, король испытал жгучее желание покончить с собой на месте.

— Остальные в твоём распоряжении. Делай, что хочешь, шпионь за мятежниками или отправь войска ко всем трем базам, но Килиан НЕ ДОЛЖЕН заполучить Стиратель.

— Но на какой из баз он находится? — спросил Амброус, изучая появившиеся перед ним записи древней разведки. Детальное расположение, координаты, ориентиры, планы помещений, бесполезные уже сведения об охране.

И ни слова о главном.

— Да я сама не знаю! — раздраженно бросила Ильмадика, — Разведка тогда подвела меня. Как и ты сейчас.

Дрогнув, как от удара, Амброус нашел в себе силы собрать все остатки уверенности в себе. Напомнить себе, что он не глупый растерянный мальчишка в тени своего отца, а Её Первый Адепт.

— Я больше не подведу тебя, Владычица. Верь мне: я не позволю им переиграть нас снова.

Ильмадика лишь слабо улыбнулась. И столько сдерживаемой боли было в этой улыбке, что король немедля испытал желание прямо сейчас идти войной на тех, кто заставил ее бояться.

Взыскать с них за каждую её слезу.

— Я верю тебе, Амброус. Я все еще тебе верю. И в доказательство я научу тебя важнейшему из своих заклинаний. Тому, чему не научила никого другого и никогда не рискнула бы научить того, кто мог бы использовать это против меня. Я надеюсь, что это поможет тебе... спасти меня.

Ради того, чтобы спасти ее, — ради привилегии, которую предатель Килиан увел у него из-под носа, — Амброус готов был на все.

К огромному облегчению князя Альбаны, его замок больше не был штабом повстанцев. После уверенной победы над орденовыми войсками все командование незамедлительно перебралось в Стерейю, власть над которой прочно взяла в свои руки вдовствующая графиня Селеста Карстмеер.

Ее кабинет, — строгий, по-военному суровый и практичный, — до сих пор, казалось, нес на себе отпечаток прежнего владельца. Не вязался этот образ с нежной и возвышенной

леди, какой была Селеста. Не подходил он и Маврону Карно, который, скорее всего, даже не открывал его дверей на протяжении своего недолгого правления. Казалось, что здесь до сих пор незримо присутствует граф Ворден, тот, кто не побоялся открыто выступить против короля во имя своего Бога и кто поставил слишком многое на свой клинок.

«Простите меня, граф, если сможете», — мысленно сказал Килиан призраку умершего противника. Пусть глупа была попытка силами одного графства свергнуть власть Ордена; быть может, для этого благородного воина умереть в бою было бы лучше, чем быть казненным как мятежник.

Быть может.

Те, кто собрались здесь сегодня, продолжали его дело. И наверняка, подумалось ученому, граф был бы доволен, если бы это увидел.

А может, опечалился бы, что это происходит без него.

Явно чувствовала неуловимую ауру графа и Селеста. Ей находиться здесь было особенно неуютно: там, где все напоминало о ее умершем отце. Но крепко сжав зубы, графиня отказалась перенести совещание в другое место. Она не желала бежать от своей боли. Она желала прожить ее полностью.

Вот теперь Килиан ощутил к ней искреннее уважение. Ради этого стоило даже потерпеть испепеляющие взгляды, которые она на него кидала.

Тем более что он их заслужил.

Леинара уже не пыталась скрывать свое состояние: под широким платьем без выраженной талии легко угадывался округлившийся живот. О ее беременности от короля Амброуса было объявлено накануне. И Килиан многое отдал бы, чтобы увидеть лицо брата, когда тот узнал об этом.

Исключительно из естественнонаучных соображений, разумеется.

Тэрл, как всегда, держался невозмутимо. Казалось, ничто, никакая сила не сможет заставить этого человека-скалу потерять хладнокровие. Шрамов на его теле за время полета к Гмундну прибавилось, но кажется, он обращал на это даже меньше внимания, чем та же Леинара.

Не удавалось прочитать и Фирса. Начальника идаволльской разведки Килиан знал плохо, но сразу же понял: даже если кажется, что ему удалось уловить какие-то отражения эмоций на невзрачном лице, никто не может поручиться, какие из них настоящие, а какие — искусная маска.

Немногим проще было прочитать и графа Рогана. Этого человека, однако, Килиан знал несколько лучше: им доводилось встречаться еще в Иллирии. Сам Роган эту встречу вряд ли помнил, но вот Килиан уже тогда готовился к предстоящему плану освобождения Владычицы и знал, что посол может сыграть в нем свою роль.

Оставшийся гость был Килиану незнаком, да и присутствовал он там лишь частично, если можно так выразиться. Как шепотом пояснила Лана, Габриэль Пламенный был единственным из иллирийских магов, кто умел общаться на большом расстоянии не только с помощью привычной мыслесвязи, но и направляя свой образ в проявленный мир. И хоть полупрозрачный силуэт вызывал неприятные ассоциации с тем памятным днем, когда все началось, — там, в Проломе Стефани, — но зато это давало возможность хоть как-то согласовать действия с союзниками, воевавшими с Орденом у восточных границ.

Как раз в данный момент Лана заканчивала свой отчет об их экспедиции к руинам Восточной Империи.

К тому месту, откуда все началось.

— ...таким образом, если из трех мест мы выберем нужное, а также опередим Орден на пути к нему, то у нас будет единственное оружие, способное убивать Владык. Это наш шанс.

— Единственное ли? — заметил Габриэль, испытующе глянув на Килиана, — Помнится, вы говорили, что Ильмадика уничтожила остальных Владык.

С ученым он держался вежливо, — но вместе с тем холодно и высокомерно, непрестанно давая понять, что не считает его ровней себе. Что ж, бастард давно привык к такому отношению.

— Уничтожила, — подтвердил он, — Она вызвала Повышение самих их тел. В результате ей удалось не только убить их, но и преумножить за счет этого свое могущество. Я пытался понять, как она это сделала, но увы: органика устроена слишком сложно для меня или для любого другого адепта. Нам этот путь недоступен. Не сможем мы и воссоздать Стиратель, хоть у нас и есть необходимые схемы. Эта технология опережает пресловутые винтовки Дозакатных на несколько веков.

— Понятно, — кивнул эжен, — Значит, только экспедиция на край света за древним артефактом.

В его голосе послышался легкий оттенок иронии.

— Так же считают и орденские, — встрял в разговор Фирс, — Мои люди в столице докладывают, что король собирает экспедиции в Пустоши. На эту задачу брошены все возможные силы.

— Удалось выяснить, куда именно они направляются? — уточнил Тэрл.

— Нет, — покачал головой разведчик, — Точнее, по разным каналам пустили информацию о двух десятках разных направлений. Король совсем не хочет, чтобы мы отследили нужное по его активности.

— Давайте для начала сузим круг, — предложил Килиан и, не дожидаясь ответа, расстелил перед остальными старинную карту, изображавшую весь мир.

— Мы — вот здесь.

На фоне древних очертаний континентов Полуостров казался совершенно крошечной точкой.

— А вот места предполагаемого нахождения лабораторий.

Эти точки Килиан отметил булавками. Первая воткнулась в северную часть крупного полуострова на западе от «сапога», ныне ставшего архипелагом.

— Координаты четыре-два-четыре-девять-ноль-один-три-девять. База «Иерихон» рядом с городом Памплона.

Следующая булавка воткнулась далеко на востоке.

— Координаты три-два-четыре-семь-один-два-девять-пять-два. База «Геофронт» возле города Нагасаки.

И наконец, последняя заняла свое место на самом юге карты.

— Координаты семь-семь-пять-ноль-один-шесть-шесть-четыре-ноль. База «Ленг» в пустошах Антарктики. В данном случае действительно в пустошах: это настолько холодный регион, что полноценных городов там не построили даже с Дозакатными технологиями. То есть, проект изменения климата Южного полюса существовал, но так и не был реализован из-за недостаточной финансовой окупаемости.

Килиан кинул вопросительный взгляд на Фирса:

— Что-нибудь из этого упоминалось в докладах ваших людей?

— Названия нет, — ответил разведчик, — Но по примерному расположению похоже, что экспедиции готовятся ко всем трем точкам. Это может значить, что адепты, как и мы, не знают, какая из них верная. Или же что они предусмотрели, что мы можем попытаться отследить их, и подготовили обманные ходы. В любом случае, нам выбор придется делать самостоятельно.

— И по закону подлости это окажется «Ленг»... — желчно усмехнулся Килиан.

Затем, спохватившись, пояснил:

— Я не к тому, что нам надо сосредоточиться именно на нем. Скорее наоборот, лучше бы оставить его напоследок. Как я уже сказал, эта точка наиболее неудобна для нас. Чтобы попасть туда, придется сперва преодолеть открытый океан без возможности пополнить припасы, а затем — выжить в ледяных пустошах со средней температурой воздуха минус тридцать летом. Не говоря уж о том, что по имеющимся сведениям, до Заката в «Ленге» проводились биологические исследования, и даже Бог вряд ли в курсе, что там могло расплодиться после Заката.

Ученый развел руками:

— Проще говоря, будь я некой космической силой, ставящей себе целью создать нам максимум проблем, я расположил бы Стиратель именно там.

— Кили, можешь не ерничать? — поморщилась Лана, — Что по остальным точкам?

— Самая простая — однозначно «Иерихон», — ответил он, — Это, конечно, тоже дальше, чем Гмундн, но в сравнении с остальными — не так уж сильно. Можно обплыть Иберийский полуостров с запада; или же высадиться в Провинции и дальше идти пешком.

— В провинции? — не поняла Леинара.

— Так называется местность к северо-западу от архипелага, — пояснил ученый, — До Заката тоже были времена, когда людям не требовалось привлекать фантазию к придумыванию названий. Только очень, очень давно.

— К делу, — напомнил Тэрл. Тонкости древней истории явно волновали его сейчас меньше всего.

— Понял. В общем, можно плыть в обход или идти пешком, но лучше воспользоваться «Искренним». Это даст возможность успеть туда раньше адептов, что особенно важно...

— ...если учесть, что для них эта точка тоже ближе всего, — кивнул Тэрл, — И они наверняка постараются проверить ее в первую очередь. Не лучше ли тогда нам начать с «Геофронта»?

Килиан пожал плечами:

— Это лотерея. Если он на «Геофронте», это будет выигрышный ход. Но если он на «Иерихоне», то пока мы летаем на восток, они успеют не только захватить его, но и привезти обратно. Я ведь верно понимаю, что сил охватить все три точки одновременно нам не хватит?

— А сам как думаешь? — проворчал воин, — Нам бы справиться с одной, при этом не оставив без защиты ни один из фронтов. Король проводит полную мобилизацию, чтобы набрать силы на все экспедиции. Потому в его распоряжении в разы больше солдат, чем в нашем. Качество их, конечно, под вопросом, но в данном случае все решает количество.

— Кили, а если... — подала было голос Лана, но ученый покачал головой:

— Контроль вероятностей нам не поможет. Сейчас мои силы по этой части уходят на то, чтобы нейтрализовать аналогичные воздействия со стороны адептов. Я могу, конечно, изменить подход, но тогда на нужной точке будет гарантированная бойня.

— Понятно, — задумчиво протянул Тэрл, — леди Леинара, полагаю, правильно будет, если выбор сделаете вы.

Девушка оглянулась в поисках того, кто помог бы ей принять решение. На Тэрла. На Рогана. На Фирса. На Лану.

И один за другим они отводили взгляд. Никто из них не желал брать на себя ответственность за решение, когда совершенно ничто не поможет догадаться, на чем его следует основывать.

Не будучи правителями, они могли себе это позволить.

Маркиза перевела взгляд на точку, указывавшую расположение базы «Иерихон», и открыла было рот, но тут Килиан прервал ее:

— Подождите.

— Есть что-то еще? — осведомился Тэрл.

Ученый покачал головой. Затем посмотрел на «Иерихон». На «Геофронт». На «Ленг».

И озвучил свою идею.

Обсуждение длилось еще долго. План был дерзкий, опасный, — но именно поэтому он мог сработать. Во всяком случае, Лана верила, что мог. А еще — была согласна с теми словами, которыми Кили аргументировал свое предложение.

Что играя по правилам, невозможно победить.

Постепенно план приобретал законченные черты. Лана говорила все меньше, в основном слово брали Тэрл и Фирс как наиболее компетентные в вопросе и Килиан как консультант по вопросам магии адептов. Под конец чародейка уже говорила только по необходимости. Не потому что ей было совсем уж нечего сказать.

Просто она устала. Устала от бесконечной борьбы. Устала делать из себя воина. Она никогда не была воином. Она не хотела быть воином.

Она просто женщина, которая любила.

Когда все детали наконец-то были уточнены, и Лейла распустила совет, Лана выбежала из кабинета первой. Бежать, бежать. Прочь, пока кто-то не вздумал пристать к ней с разговором. Подальше от всех.

Поднявшись на одну из дворцовых башен, чародейка уселась прямо на парапет и просто сидела, невидящим взглядом уставившись в одну точку. Она не плакала: в последние месяцы она научилась плакать. Каждый день, каждый час она загоняла свою боль внутрь себя.

Чтобы никто ее не увидел.

Внизу, во внутреннем дворе замка, сновали люди — такие же, как она, жертвы войны. Профессиональные военные и ополченцы, взявшие в руки оружие, чтобы защищать свой дом, а еще простые жители Стерейи, на чьи земли пришла война. Отец наверняка устыдил бы ее, указав, что многие из них пострадали гораздо сильнее. Что кто-то потерял свой дом, у кого-то погибли близкие, а кто-то на всю жизнь остался калекой. Что на этом фоне ее сердечные переживания смешны и нелепы. Но Лана не желала сравнивать. От сравнения не стало бы легче — никому.

Потому что хлебать половником дерьмо не станет приятнее лишь оттого, что у кого-то половник больше.

Разумеется, долго ее одиночество не продлилось. Как же, разве могли ее оставить в покое? Разве могли ей дать побыть наедине с собой?

Даже в такой малости ей отказали.

— Лана? Ты здесь? — поднявшись на вершину башни, Килиан огляделся в поисках ее. Полог отведения глаз не обманул чародея.

— Уходи, пожалуйста, — попросила девушка, не оборачиваясь.

Он проигнорировал ее просьбу.

— Ланочка... — в этом одном-единственном слове было столько нежности, что на глаза чародейки все-таки навернулись слезы. Усевшись рядом с ней, ученый обнял ее за плечи. Но Лана не ответила на объятие.

Как же все изменилось! Тогда, после возвращения из крепости черных, она была рада, что он пришел поддержать ее. Тогда она впервые почувствовала, что кто-то может дать ей заботу и понимание, каких она, «странная» и «чудная», никогда не знала даже от родных. Теперь же от них становилось лишь больнее.

Потому что она знала, что Кили ее любил. И точно так же она знала, что не сможет полюбить его в ответ.

От его заботы она чувствовала себя полным дерьмом.

— Не надо, Кили, — чародейка осторожно вывернулась, — Я ценю то, что ты хочешь помочь, но помочь мне ты не сможешь.

— Но почему?..

Она вздохнула. Ничему его жизнь не учит. Ведь спрашивает, прекрасно зная, что ответ ему не понравится.

Что ответ только причинит ему новую боль.

— Потому что что-то в тебе ликует, — безжалостно ответила она, — Радуетя. Радуетя посрамлению соперника. Радуетя, что Амброус оказался мразью. Что от него мне одна горечь, а ты — весь такой герой-утешитель. Скажешь, не так?!

Он не стал спорить, не стал и подтверждать. Вместо этого сказал, скорее констатируя, чем спрашивая:

— Ты его любишь. Даже после всего, что он сделал.

— Люблю, — ответила Лана, — Осуждаешь?

— Нет, — покачал головой Килиан, — Не осуждаю. Не понимаю — такое есть. Чтс такое ты увидела в нем, за что готова любить его, несмотря ни на что?

Чародейка устало вздохнула:

— Кили, ты сам себя слышишь? Разве любят за что-то? Мы о любви или о торговле? Вот скажи, ты сам меня за что любишь?

Ученый улыбнулся:

— Если я начну перечислять, мы засядем тут до утра. Ты ведь даже не представляешь, сколько у тебя достоинств. Ты умная, и с тобой интересно. Ты добрая и побуждаешь меня становиться добрее. Ты живая, по-настоящему живая, и вызываешь во мне желание жить. Ты умеешь по-настоящему чувствовать, чего я не встречал ни в ком ни до тебя, ни после. Когда ты смеешься, мне хочется смеяться в ответ, даже если я не знаю, что такого смешного случилось.

Лана едва удержалась от сардонической усмешки на словах про умение чувствовать. На ее памяти еще никто не причислял это к ее ДОСТОИНСТВАМ. Обычно мужчины считал это за глупые бабские причуды. Порой им становилось от этого некомфортно, особенно когда чувства были негативными. Со временем она привыкла, что их следует прятать. Переживать внутри себя, чтобы никому не доставить неудобств.

Возможно, именно потому что с ним этого не требовалось, Кили и стал ее лучшим

другом.

— И вот скажи, — ответила она, не заостряя внимание на больном вопросе, — Если бы ты встретил женщину, обладающую всеми этими качествами, ты бы полюбил ее точно так же?

— Люди не бывают одинаковыми, — возразил Килиан, — Единственная женщина, обладающая всеми твоими качествами, это ты. По определению.

— Это не ответ, — возразила Лана, — Это уход от ответа.

— Может быть, — пожал плечами ученый, — Но так как я не могу представить такой ситуации, ответить мне нечего.

Повисло тягостное, неловкое молчание. Так хотелось излить душу, сказать о своей боли. Но она слишком хорошо знала, что он скажет. Что хранить в сердце любовь к человеку, который ее предал, — глупо. Что нужно забыть его. Выбросить Амброуса из сердца.

И обратить свой взор на того, кто этого более достоин, а как же иначе.

— Я пыталась, — глухо озвучила Лана, — Пыталась разлюбить его. И тогда, когда он был женихом Лейлы. И когда он показал свое настоящее лицо. Но я не могу. У меня не получается.

Она в упор посмотрела на Килиана, ища на его лице признаки осуждения.

И не нашла.

— Я понимаю, — ответил он, — И если хочешь... я помогу тебе.

Ответом ему стал лишь вопросительный взгляд.

— Я не обещаю, что у меня получится, — продолжил ученый, — Но во время нашей следующей встречи я сделаю все от меня зависящее, чтобы не убить его, а захватить в плен. Опять же, я не могу пообещать, что в плену он изменится. Но если я смог освободиться от влияния Ильмадики, то возможно, то же самое сможет и он.

— Ты сделаешь это? — медленно спросила Лана, — Для меня?..

Килиан молча кивнул.

— Но почему?..

Неожиданно он рассмеялся:

— Потому что я люблю тебя, глупенькая. И хочу, чтобы ты была счастлива. Даже если не со мной.

Она отвернулась, не желая видеть затаенной боли в глубине его единственного глаза.

— Я лицемерка, да? — спросила Лана, — Столько народу завтра погибнет. Может быть, даже кто-то из нас. А я прошу позаботиться о парне, которого что-то во мне когда-то сочло моей мечтой. Только потому что что-то во мне полюбило его, я считаю его более важным, чем другие.

— Ты не лицемерка, — уверенно ответил Килиан, — Никто из нас не может спасти всех. Но мы можем хотя бы позаботиться о тех, кого любим.

Чародейка не была уверена, говорил ли он о ней или о себе. Да она и не стала уточнять.

— Спасибо, Кили, — сказала она вместо этого.

— Только не надо, пожалуйста, добавлять «Ты настоящий друг», — попросил мужчина.

Лана кривовато улыбнулась:

— Хорошо. Не буду.

— Думаешь, они нанесут удар по «Иерихону»? — спросил Амброус, изучая шахматное поле.

Протянув руку, король переставил ферзя.

— Шах.

Шах, шах, шах. Казалось, это была вся его жизнь. Он думал, что тогда, взойдя на трон вместе с Владычицей, он одержал окончательную победу.

Но его победа была лишь ступенькой к новой войне. К войне с братом.

И даже победа в ней, даже изгнание Килиана стало еще одной ступенькой.

И еще. И еще. Лестница в Небо, которой не будет конца.

Потому что Небеса недостижимы, — по крайней мере, пока ты человек и пока ты еще жив.

Пока ты человек и пока ты еще жив.

— Каким будет твой следующий ход? — нетерпеливо спросил король, вытирая пот со лба, — И каким будет его ход. Скажи мне. Что задумал мой брат?

Он ждал ответа, и все сильнее сковывал его тело холод. Страх. Если он ошибется, то подведет Владычицу. Нельзя... Нельзя ошибаться! Владычица Ильмадика была для него всем! Всем, что осталось!

Он не имел права подвести ее!

— Что он задумал?! — перешел на крик Амброус, видя, что собеседник медлит с ответом, — «Иерихон» — это слишком просто. Килиан никогда не выбирал решений, лежащих на поверхности. Но он не станет рисковать с «Лэнгом». Слишком мало шансов на успех. Слишком большие риски. Поставить все на одну карту — это тоже не в его стиле. Значит, «Геофронт»?

Но это решение тоже не казалось ему верным. Слишком очевидно. Килиан слишком любил сложные, запутанные планы. И сейчас, если Амброус не хотел подвести Владычицу, он должен был проникнуть в извращенный мозг своего брата.

В конце концов, в этом самая суть королевской власти. Понимать, как думают люди, чтобы управлять ими. Это было то, что он умел. Это было то, к чему его готовили с самого рождения.

И никого никогда не волновало, хочет ли он этого.

Трое подчиненных вошли без доклада в его кабинет. Кто они такие? Нужно вспомнить. Правитель всегда должен помнить, с кем он говорит. Узнавать каждого в лицо и по имени.

Он должен. Должен держать марку. Даже когда все летит в тартарары.

К счастью, троица дала ему немного времени. Они замешкались, увидев его собеседника. Шок и изумление отразились на их лицах. А еще страх. О, да. Они не понимали, они не понимали, они не понимали! Они ничего не понимали, и их это пугало. Их всех это пугало. Только Ильмадику не пугало.

Она понимала все!

— Господа, что вам угодно? — собирая в кулак остатки самообладания, спросил Амброус, — Граф Тибальт, сэр Ландрок, сэр Велиант?

Он все-таки вспомнил их имена. А еще вспомнил, что эти три феодала предоставляли ему наиболее крупные дружины в этой войне. С ними приходилось считаться.

Но это ненадолго. Ох, ненадолго. С той силой, что дала ему Ильмадика, скоро ему не придется считаться ни с кем.

Кроме самой Владычицы, разумеется.

— Ваше Величество, — несмело сказал граф Тибальт, — Вы велели нам явиться на закате для получения приказов об отправлении экспедиций к руинам Дозакатных.

Уже закат? Действительно, небо за окном было красным. На фоне всего, что происходило, это казалось совершенно незначительным. Но нельзя было показать, что он не заметил этого.

Нужно. Держать. Марку.

— Вы правы, — холодно кивнул король, после чего обернулся к собеседнику, — Так что ты скажешь? По какой базе они нанесут удар.

Но он молчал. Никто... Никто не мог помочь ему! Даже Владычица его покинула!

Что ж, если лучшего решения нет, нужно принимать хоть какое-нибудь.

— Отправьте экспедиции ко всем трем базам.

Дворяне переглянулись.

— Ваше Величество, при всем к вам уважении... Мы должны сохранить достаточно сил на восточном фронте.

Как звали того, кто это сказал? Он опять забыл.

— К демонам восточный фронт! — закричал Амброус, — Если мы не получим Стиратель, все будет бесполезно! Вы понимаете это?!

Они снова переглянулись. Заговор... Это заговор! Они собираются предать его! Они продались — его предательнице-супруге, или брату, или сыну! Любому из тех, кто желает его смерти! Со дня на день они ударят ему в спину!

Точно так же, как проклятая ведьма Иоланта ударила в спину его отцу.

Предадут. Все предадут. Все, кроме Ильмадики, предадут его, рано или поздно.

Но если они думают, что им это удастся, то они ошибаются.

— Прошу прощения, господа, вспылал, — улыбнулся Амброус, — Исполняйте приказ. Оставьте небольшие силы на внешних гарнизонах и в столице. И увеличьте мою личную охрану за счет войск Железного Легиона.

Заговорщикам удалось скрыть разочарование. Но король не собирался верить их фальшивым улыбкам. Фальшивым улыбкам, за которыми пряталось презрение.

— Будет исполнено, Ваше Величество.

— И еще одно, — добавил он, — Пригласите ко мне мэтра Артиуса Ботари. Перед отправлением нужно решить кое-какие вопросы. Это все. Приступайте к исполнению.

Когда тройца дворян покинула кабинет, Амброус рассмеялся. Пусть, пусть их. Пусть весь мир против него, пока Ильмадика в него верит, он непобедим.

Пока есть за что бороться, война продолжается.

Обернувшись к своему молчаливому собеседнику, король заглянул в прозрачные серые глаза, ища в них малейшие признаки одобрения.

— Так каким будет твой следующий ход, отец? Тебе шах.

Глава 11. На пороге Ада

Ночной город — не самое безопасное место для прогулок одинокой девушки, но Кэт не боялась. Не только потому знала, что ее страхуют. Что-то внутри нее твердило, что следуя посланию, принесенному заговоренной птицей, она не может попасть в беду. Что все инструкции в этом послании абсолютно верны и ведут к наилучшему исходу.

Она знала, что эта уверенность — результат наваждения. Магии. Знала — и не волновалась об этом. Все казалось совершенно правильным и естественным. Есть приказ. Его нужно выполнить.

Таков естественный порядок вещей.

— Стоять! — окликнул ее молодой стражник, — Это режимный объект! Что вы тут делаете?!

— Режимный? — переспросила Кэт, — Простите, пожалуйста, я не знала... Я, кажется, заблудилась...

И глазами «хлоп-хлоп». Всегда срабатывает.

— Что вы искали? — уже мягче спросил стражник. Его напарник стоял в стороне и слушал разговор, но пока не вмешивался.

— Как пройти на Серебряную улицу? — спросила девушка с мольбой в голосе.

— Серебряную? — стражник слегка удивился, — Вы пошли вообще не в ту сторону. Туда, наверное, полчаса пешком, если через переулки, или даже больше, если освещенными улицами.

Он указал руками оба направления.

— О, Богиня! — воскликнула Кэт, — Это же так далеко! А я и так уже почти час тут плутаю. Все ноги гудят, и я вся продрогла.

На самом деле в это время года даже по ночам было не так уж и холодно, но жалостливый тон отбивал у парня всякие сомнения в искренности ее слов.

— Вы не проводите меня? — всплеснула руками она, — Я боюсь, что не дойду сама. Я так устала, и не смогу бродить в обход, а по переулкам могут прятаться бандиты.

— Простите, сударыня, — с искренним сожалением сказал стражник, переглянувшись с напарником, — Но я не могу оставить пост. У нас и так половину группы сняли из-за этих экспедиций; не оставлять же охрану ворот на одного человека.

Под печальным взглядом Кэт он развел руками, откровенно оправдываясь. Видно было, как ему приходится преодолевать природный мужской инстинкт откликнуться на просьбу о помощи от красивой девушки в беде. И все-таки, он хорошо знал свой долг и помнил его.

— Но я могу пригласить вас в караулку, — нашелся он, — Отдохнете хоть, отогреетесь, выпьете чаю или чего покрепче.

— Ханс! — возмутился напарник, — А если начальство застукает, сам будешь объясняться?

— Начальство делает обход через каждые четыре часа, — отмахнулся Ханс, — Последний обход был минут сорок назад. Так что не застукает, если ты не сдашь.

Старший товарищ отвернулся и что-то проворчал, — Кэт толком не расслышала, что, но явно что-то недовольное.

— Обхаживай свою даму, — фыркнул он наконец.

В караульном помещении было, если честно, ненамного теплее, чем на улице. А вот чай

был горячим и довольно вкусным, хоть, по мнению девушки, и излишне крепким.

— Спасибо, — улыбнулась она, пригубив напиток, — Вас зовут Ханс, да? Я Кэт.

— Хорошее имя, — откликнулся парень, — Мягкое и пушистое. Может, вам одеяло дать?

— Вы очень добры, — откликнулась девушка, — А откуда оно в караулке?

— Иногда приходится ночевать здесь, когда людей не хватает, — ответил Ханс, лазая в какой-то чулан.

И выпуская из виду свою чашку.

— Чую, с этими экспедициями в ближайшее время опять придется, — вздохнул он по возвращении.

— А что за экспедиции? — для поддержания разговора спросила Кэт, зябко кутаясь в принесенное одеяло. Мигом стало жарко, но она постаралась не подавать виду.

— Да, дворянам какая-то вожжа под хвост попала, — отмахнулся стражник, — Вынь да положи им какой-то артефакт из Пустошей. А что у нас ребята по три смены работают, их ну вообще не колышет.

— Дворян это никогда не колышет, — согласилась Кэт, — Им-то что, сидят у себя и в ус не дуют.

Отхлебнув чай, стражник спросил:

— А ты чем занимаешься? Ничего, что я на «ты»?

— Я только рада, — рассмеялась в ответ девушка, — Я горничная в доме адепта.

И ведь не соврала, по сути. Только кое-какие детали опустила.

— О, — уважительно кивнул парень, — Адепты эти — жуткие ребята. Ты очень смелая, раз работаешь у него.

— Да, нет! — улыбнулась Кэт, — Хозяина в городе почти не бывает. В основном я просто присматриваю за домом в его отсутствие.

— Все равно, — горячо возразил Ханс, — О них порой такое рассказывают...

Однако, сказать, что именно о них рассказывают, он не успел. Подозрительный звук снаружи заставил его замолчать. Стражник поднял палец, призывая к тишине, но звук не повторился.

— Подожди здесь, — попросил он, — Я схожу проверю.

— Может, не надо? — испуганно пискнула Кэт.

— Скорее всего, там просто что-то упало, — ответил Ханс, — Но проверить нужно. Это моя работа.

Горничная порывисто схватила его за руку.

— Я боюсь, — призналась она.

— Не бойся, — откликнулся стражник, — Я обязательно вернусь, не пройдет и пяти минут.

Он встал и направился к двери, но уже на втором шаге покачнулся. Кэт подхватила его, позволив опереться на свое плечо.

— Ты хороший парень, Ханс, — грустно сказала она, — Мне жаль, что все так обернулось. Прости меня, если сможешь. И... я очень хотела бы встретиться при других обстоятельствах.

Ханс хотел что-то ответить, но не мог. Снотворное, которое она подсыпала ему в чай, уже действовало. Вскоре его глаза закрылись, и он погрузился в глубокий сон без сновидений.

Усадив стражника на стул, Кэт надежно привязала его к спинке. У нее были инструкции обезвредить его или убить — на свое усмотрение. Снотворное Килиан позволил взять в своей лаборатории.

А снаружи ее уже ждал второй участник операции. Мужчина средних лет с хитрым лицом и невзрачно-серыми волосами, одетый в черную мантию священника, склонился над бесчувственным телом оглушенного стражника.

Не просто так Ханс не желал оставлять охрану ворот на одного человека.

— Разве божьему человеку подобает проливать кровь? — осведомилась Кэт, выходя из караульного помещения.

— Конечно, нет, — улыбнулся отец-исповедник, поглаживая мешочек с песком, — Но гасило, хоть и изобретение воровское, вещь бескровная и оттого богоугодная.

Горничная благоразумно не стала ввязываться в теологический диспут с человеком, когда-то помогшим Килиану подобраться к архиепископу и после этого забытому адептами как слишком мелкая сошка. Именно из таких, незначительных на первый взгляд фигур ученый и составил свой план захвата столицы. Отнюдь не асы тайной войны, они отличались верностью, гарантированной колдовством. И выполнили бы его приказы, даже будь те самоубийственными.

Охрана западных ворот была обезврежена, и теперь пора было приступать к главному. Подав сигнал господину через мыслесвязь, горничная и священник поднялись к механизму управления.

— Раз, два — взяли!

Со скрипом ворота начали отворяться. Издалека послышались крики, — дозорные на стенах почувствовали неладное. Но реагировать было уже поздно. Пока организуются, пока добегут до нужного места...

А между тем, кавалькада всадников уже появилась на горизонте.

Искусство войны гласит: В войне самое главное — быстрота: надо овладевать тем, до чего враг успел дойти; идти по тому пути, о котором враг и не помышляет; нападать там, где враг не остерегается.

Килиан был знаком с трудами Дозакатных стратегов, и сейчас он несся вперед, хоть и не в самом начале колонны, но очень близко к нему. Строго говоря, он не был обязан лично участвовать в наступлении: Тэрл по старой привычке хотел укомплектовать мобильный кавалерийский отряд исключительно своими отборными, проверенными вояками.

Однако ученый не согласился на это. Это был его план. Его расчет и его инициатива. Если он где-то ошибся, то весь отряд ляжет. И он просто не мог допустить, чтобы это происходило, пока он прохлаждается где-то в безопасном месте.

За верность своих расчетов он отвечал своей головой. Если они не оправдаются, то ни четыре триггера вероятностей, ни тонкая кольчуга, ни крошечный пузырек, что вручила ему Лана перед самым отправлением, — не помогут остаться в живых.

Пока что, однако, расчеты оправдывались. Как он и предполагал, Амброус предпочел перестраховаться. Страх подвести Владычицу помутил его разум, и брат допустил роковой просчет. Отправив войска ко всем трем базам, он вынужден был снять часть столичного гарнизона. Солдаты, что могли бы сейчас держать оборону, плыли через моря на восток, на юг, на запад, — и даже не получают новостей о том, что происходит в столице.

Как результат, пока основные силы повстанцев вели позиционные бои на северной

границе, а иллирийские союзники наступали с востока, небольшой мобильный отряд под предводительством Тэрла совершил стремительный марш-бросок на пределе выносливости лошадей. Штурмовать конницей укрепленный город — самоубийство, но здесь сыграл роль другой фактор, о котором Килиан помнил, а Ильмадика, с высоты своего пьедестала, едва ли даже подумала.

Люди, на которых он когда-то экспериментировал с промыванием мозгов. Они все еще были тут. Запечатленные не на Владычицу, а на него. Когда Килиан «воскрес», адепты спешно заменили тех из них, кто занимал высокие государственные посты, — таких, как, скажем, архиепископ. Но кто вспомнил бы об обычной горничной или исповеднице?

А между тем, это означало, что у Килиана были свои верные люди в столице. Свои агенты, готовые выполнить любой приказ.

Проскакав через открытые ворота, повстанцы чуть замедлились, чтобы перегруппироваться. Каждая секунда была на счету, но все же формация колонны слабо подходила для городских боев. Немногочисленные дозорные на стенах попытались кое-как вести обстрел, но несколько запущенных магнитокинезом фосфорных гранат остудили их пыл.

— Не задерживаемся! — крикнул Тэрл, как только отряд перестроился ударным клином, — Они перехватят нас на перекрестке!

План города с указанием уязвимых мест уже видели все участники операции. Если защитники не смогут удержать внешние рубежи (а они уже не смогли), то дальше будет ровно одно место, удобное для обороны. Место, где сходились две широкие дороги; там нападавших могут зажать в клещи. И разумеется, у Тэрла были отработаны ответные ходы на такой случай.

Замешкавшийся отряд стражи не смог отразить кавалерийскую атаку. Максимум, на что их хватило, это выставить копыта навстречу нападавшим, но чтобы остановить их, не хватило ни численности, ни устойчивости строя. Килиан даже не стал пытаться колдовать; разок рубанул шпагой, но промахнулся. Противника, на которого он нацелился, срубил Корбейн.

И вот, бешеная скачка. Гонка со смертью. Во весь опор Килиан гнал коня, спеша добраться до дворца до того, как Амброус сумеет стянуть в один кулак все доступные силы.

В этот самый момент армия повстанцев во главе с Лейлой и иллирийские союзники во главе с Габриэлем Пламенным должны были получить команду бросить все и идти маршем на столицу. Но придут они нескоро, и даволлыцы наверняка попробуют задержать их, и к моменту их прибытия необходимо прочно обосноваться во дворце, чтобы столичный гарнизон оказался зажат между отрядом Тэрла и подкреплением.

— Где же они...

Подъезжая к перекрестку, Килиан заготовил сноп молний, который должен был расчистить местность с левого фланга, но этого не потребовалось. Врагов не было. Вообще не было. Никого.

Отряд проехал через перекресток, так ни с кем и не столкнувшись.

Неужели Амброус упустил такую возможность? Растерялся и не отдал вовремя приказ? Вечно идеальный Амброус — растерялся? Или же...

— Вперед, ко дворцу! — приказал Тэрл, — За Истинного Бога!

— Стойте! — отчаянно крикнул Килиан.

Но никто его не слышал. Или не сочли нужным прислушаться. Субординация, мать ее...

— За Истинного Бога! — откликнулись солдаты, пришпоривая коней. Несясь вперед

подобно неудержимому селевому потоку.

Не сбавляя скорости, кавалерийский отряд выехал на дворцовую площадь. И тут же первые ряды ударили в толпу перепуганных людей, сгрудившихся вокруг статуи основателя. Кто-то пытался кое-как защищаться, но большинство лишь металось, пытаясь спасти свои жизни. У многих даже не было оружия.

Передние ряды повстанцев увязали в массе простых горожан, выгнанных над площадь под прицелами винтовок. Некоторые из солдат пытались отвернуть, отступить, избежать резни, но задние ряды напирали, не давая им такой возможности.

Отряд завяз, замедлился и остановился. И вот тогда стоявшие по краям площади легионеры в белых мундирах открыли огонь. В мгновение ока Килиан создал над головой магнитное поле, отводящее пули вверх, спасая жизни всадникам, столь удобно возвышавшимся над толпой. Но он знал, что продержится недолго.

— Прорубайтесь через толпу! — приказал Тэрл, первым заноса клинок.

Жестокий приказ. Жестокий, но, увы, необходимый. Король бросил под мечи гражданских. Амброус знал, чем пронять их. Знал, что чтобы победить, нужно бить не по броне, а по человеку под ней.

И знал, что нужен Железный Легион, чтобы быть уверенным, что ни в одном из его солдат не возникнет сомнений.

— Гранаты к бою!

Серия взрывов расчистила путь, убив множество людей и заставив остальных броситься в стороны от опасной зоны. Сейчас у повстанцев был шанс добраться до одной из заградительных групп легионеров. Пусть даже места для разгона не хватит, чтобы извлечь реальное преимущество из кавалерийского натиска.

— Нужно отступить и перегруппироваться, — сказал Килиан, выстраивая магнитное поле таким образом, чтобы оно отводило пули, но не мешало сражаться.

Тэрл упрямо мотнул головой и приказал:

— В атаку!

И вскоре клинки столкнулись.

Отборная конница повстанцев наступала, рубя мечами своих врагов. Железный Легион оставался весомой силой на поле боя. Каждый его боец стоил двоих, а то и троих по скорости и выносливости и не менее чем десятерых по отваге и верности. Но за прошедшие сражения эта сила перестала удивлять. Человек привыкает ко всему, и те, кто пережил битвы с легионерами, приучились с ними бороться.

Ужасающая сила превратилась всего лишь в элитный отряд. Отряд, который можно победить.

Звон металла о металл. Сам Килиан не участвовал в рубке: все его внимание было сосредоточено на том, чтобы не дать второй группе просто расстрелять их со спины. Корбейн и еще несколько рыцарей держались перед ним. Надежно защищая его от врагов и позволяя колдовать без помех.

Железный Легион не дрогнул. Бойцы Амброуса сражались до последней капли крови. Гибель соратников никак не влияла на их боевой дух.

Но их было слишком мало, чтобы выстоять. Слишком большую часть своих сил король выделил на экспедиции к руинам Дозакатных. Избегай боя там, где враг силен, и атакуй врага там, где он не подготовлен, — так гласит искусство войны. На этот раз армия короля оказалась не подготовлена в самом сердце королевства.

Очередной легионер упал на камни дворцовой площади, даже в предсмертной агонии из последних сил пытаясь достать шпагой кого-то из повстанцев, и в рядах защитников города наконец-то наметился долгожданный просвет.

— Вперед! — грянул приказ.

Натиск тяжелой конницы чем-то похож на воду. Достаточно небольшой брешы в рядах противника. И вливаясь в нее, поток постепенно расширит ее до нужных себе размеров. Буквально продавив себе путь сквозь ряды легионеров, конница повстанцев наконец-то выбралась из ловушки толпы.

— Разворот и выходим на новый заход! — приказал Тэрл, едва обнаружив, что рубить больше некого.

— Подождите! — взмолился Килиан, — Нужно понять, что задумал Амброус!

Он ведь точно что-то задумал.

— Я заманил их в ловушку, отец. Ты видишь? Ты гордишься мной?!

Леандр Идаволльский не отвечал. Почему... Почему он не отвечал?! Даже сейчас он презирал его? Даже сейчас его отцовское сердце было на стороне бастарда?

Амброус едва сдерживался, чтобы не ударить в лицо мумифицированный труп, сидевший за шахматной доской. Процессы разложения придали лицу покойного правителя ехидно-насмешливое выражение, какого никогда не проявлял отец при жизни.

Но в сердце своем Амброус всегда знал, что Герцог Идаволла именно так смотрит на его потуги заслужить малейшую частичку душевного тепла. Смотрит — и внутренне ухмыляется. Ухмыляется, глядя на дурака, верившего, что зачатый без любви имеет право на любовь.

— Ты все еще на его стороне?! — вскричал Амброус, — Ты до сих пор не понимаешь, что именно Я — твой достойный сын?! Ответь мне! Отец!

Шаги в приемной. Вход без доклада к королю. Три человека. Тибальт, Ландрок, Велиант. Их шаги выдавали страх. О, они боялись, боялись до дрожи в коленях — и правильно делали. Государя должны бояться, его должны уважать, — только так он может сохранить власть.

— Господа, как вы смее прерывать беседу Короля и Герцога? — холодно осведомился Амброус.

Тибальт бросил взгляд на Леандра и нервно сглотнул.

— Это слишком, Ваше Величество.

Он бросил взгляд на окно, за которым разворачивалась картина штурма города повстанцами. Брат-предатель все-таки смог сделать ход, которого Амброус предсказать не смог. Воспользоваться его ошибкой против него. Но это ничего не меняло.

У настоящего короля всегда есть запасной план. Настоящий король не проиграет низкородному трюкачу. Никакие трюки не заменят решимости идти до конца.

Ни за что.

— Все зашло слишком далеко, — тихо, но твердо сказал Тибальт.

В ответ на это Амброус рассмеялся:

— Вы еще и половины не видели.

— Там, на площади, гибнут тысячи мирных жителей, — горячо возразил Тибальт, — Ваше Величество, молю вас, ради всего святого, остановите это! Остановите, пока есть шанс спасти хоть кого-то.

Предатели. Предатели пытаются заставить его сдаться. Но он никогда не пойдет на это. Сдаться — значит подвести Ильмадику. Амброус не мог себе этого позволить.

— Как я уже сказал, — повторил он, — Вы еще и половины не видели. Тысячи, говорите? Скоро будут гибнуть миллионы.

В столице ведь есть миллионы людей? Амброус помнил, что когда-то знал это, но сейчас память давала сбой. Все, что фиксировало его сознание, это дикий страх. Нельзя подвести Ильмадику. Нужно победить и внешних врагов, и внутренних. Только так он докажет, что достоин ее любви.

А люди... они всегда умирают. Миллионом больше, миллионом меньше — какая разница? Ни один из них не стоил и мизинца его Владычицы.

— Ваше Величество, во имя памяти вашего отца... — начал было Ландброк.

— Мой отец мертв! — закричал король, — Убит иллирийской ведьмой! Ведьмой, которая наверняка прямо сейчас сражается в рядах наших врагов! Если вы думаете, что теперь я, Король Идаволла, Первый Адепт Ильмадики, сдамся на ее милость, то вы хуже предателей!

Какое-то время дворяне молчали, ошеломленные этой вспышкой. Затем негромко, но твердо Тибальт заговорил:

— Вы не оставили нам выбора, Ваше Величество. Простите нас. Единогласным решением дворянского собрания мы объявляем Ваше Величество недееспособным и берем под арест вплоть до улучшения вашего душевного состояния. Переговорами с повстанцами и решением вопроса об условиях прекращения войны будет заниматься регентский совет во главе со мной.

Выхватив меч, он приставил его к горлу своего правителя.

— Следуйте за нами по-хорошему, или мы принудим вас силой.

— Мое душевное состояние в полном порядке, — откликнулся Амброус, — Более того: я вижу больше и яснее всех вас! Я наместник Ильмадики! Исполнитель Ее воли! Любой, кто станет чинить мне препятствия, совершает святотатство и заслуживает лишь одного: умереть страшной смертью!

— Сложите оружие, Ваше Величество, — сказал Тибальт, — Мы не хотим проливать вашу кровь. Сложите оружие и позвольте страже препроводить вас в ваши покои.

В ответ Амброус рассмеялся. Предатели... Предатели и заговорщики показали свое истинное лицо. Они думают, что победили. Думают, что он одинок и бессилен. Думают, что под угрозой меча он пойдет на их условия. Но они не знают о последнем, величайшем, прекраснейшем даре, которым наделила его Ильмадика.

Они не знают!

— Господа, вы предали меня, — сказал он, — Вы предали не только мое королевское величие, но и священную власть Первого Адепта Ильмадики. И если первое еще можно было простить, то за второе наказание может быть лишь одно.

Почувствовав неладное, Тибальт попытался нанести удар, но тело не повиновалось ему. Магия Амброуса буквально разрывала его на части, разрывала каждую частичку, слишком мелкую, чтобы ее можно было различить человеческим глазом. Вспыхнул красный свет, озаривший королевские покои. Дворянин закричал, пока остальные с ужасом наблюдали, как его тело обращается в полуорганический суп. Они не сделали ничего, древний, устоявшийся веками страх перед магией Владык парализовал их, позволив только наблюдать. Только трепетать и молиться.

А Амброус смотрел на них свысока, чувствуя, как его тело наполняется силой. В то же мгновение все стало понятно. Все стало просто.

Владычица возвысила его до равного себе. Если и были у него когда-либо сомнения в собственной избранности, то теперь они отпали окончательно, сторев в пламени древнего волшебства.

Отныне он — Бог.

— Господа, — провозгласил он, — Властью, данной мне Владычицей Ильмадикой, я объявляю вас виновными в заговоре с целью захвата власти, и приговариваю к смерти.

Величайшее и самое запретное заклинание Владык прогремело вновь. Еще двух тел попросту не стало.

Ему ведь понадобится энергия, чтобы сокрушить своего брата-предателя. Некогда Кириан был равен ему как колдун. Посмотрим же, как он сразится с Богом!

Слуга, явившийся по зову своего короля, чуть не поскользнулся на том, что осталось от цвета идаволльского дворянства. И глядя на это нелепое зрелище, Амброус искренне рассмеялся.

На душе было легко, как никогда прежде. Как никогда прежде, он был уверен в собственной непобедимости. В собственном величии. В собственной избранности.

— Передай мой приказ, — сказал он, — Время настало. Подожгите город.

Ибо предавшие Бога своего несомненно заслуживают быть повергнутыми в озеро огненное.

Тэрл прекрасно понимал, что радоваться рано. Будучи опытным солдатом, он обладал развитым инстинктом, позволявшим чувствовать опасность, — и сейчас этот инстинкт практически вопил, что из города нужно убираться. Что если Амброус так легко позволил им выиграть сражение на городских улицах, то лишь потому что с самого начала не планировал удержать их.

Но сейчас последовать инстинкту — значило бы проиграть стратегически. Вся ставка была на быстрый захват королевского дворца. Если эта ставка не сыграет, то операцию можно считать проваленной.

Поэтому чего бы это им ни стоило, они ДОЛЖНЫ захватить его!

Дворцовая площадь была отвоевана. Немногочисленные гражданские, уцелевшие в этой бойне, разбежались кто куда. Остатки легионеров отступили к дворцовым воротам.

— В атаку! — командовал Тэрл, поднимая боевой дух солдат, — Размажем их!

Легионеры сопротивлялись отчаянно, но безнадежно. Снова и снова конница повстанцев отступала назад — и обрушивалась на их ряды, как кузнечный молот обрушивается на лежащую на наковальне заготовку. Отряд нес потери, но продолжал наносить удары. И с каждым новым ударом защитников дворца оставалось все меньше.

Отстреливались дворцовые стражники, засевшие в надвратных башнях. Укрепления дворца давали им неплохую защиту, но их было слишком мало. Даже с автоматическими винтовками они не могли создать достаточную плотность огня, чтобы заставить нападавших отступить. Да и высывались все реже: словить шальную пулю не хотелось никому, и боевой дух защитников неумолимо падал.

И все-таки, расслабляться было рано. Тэрл не привык праздновать победу раньше времени. Даже подстреленный заяц, если брать его неаккуратно, может проломить грудную клетку самонадеянному охотнику.

Король же зайцем точно не был. Скорее он походил на умирающего льва, из последних сил пытающегося ухватить могучими челюстями кого-то из окруживших его хищников. Когда ему было нечего терять, он становился лишь еще опаснее.

— Корбейн, — приказал Тэрл, поднимая забрало, чтобы смахнуть с лица лезущий в глаза пот, — Возьми нескольких человек и прочешите окрестности. Я должен знать, что никакой скрытый резерв не ударит нам в спину.

Верный соратник не стал задавать уточняющих вопросов. Молча кивнул и двинулся прочь. Снова опустив забрало, командир повстанцев приготовился к последнему и решительному удару. Сейчас нужно окончательно выбить легионеров с их позиции, освободив дорогу к воротам. Затем Килиан заложит заряд взрывчатки, и битва переместится внутрь дворца.

А это — полшага до победы.

— Чувствуете?! — спросил вдруг Килиан, принохаясь.

Со всех сторон доносился запах дыма. Не просто запах дыма от отдаленного костра, не остаточный запах от разряженных мушкетов или взорвавшихся пороховых зарядов: слишком сильным он был, слишком насыщенным. Что-то подобное Тэрл чувствовал один раз в жизни: когда ему пришлось штурмовать иллирийскую крепость в осадной башне, а враг приказал обстрелять их зажженными стрелами.

— Сукин сын... — пробормотал он, осознавая, что происходит.

Ответом ему был язвительный смех откуда-то сверху.

Король Амброус Идаволльский, Первый своего имени, парил над собственным дворцом. Два роскошных белоснежных крыла отбрасывали тень на сражающиеся армии. Он был без доспехов, и белые одежды и золотистые волосы развевались на ветру.

— Вы пришли бросить вызов божественному величию? — осведомился король, и хотя парил он довольно-таки высоко, Тэрл отчетливо слышал каждое слово.

От этого голоса, от этого вида, от этого запаха (да, даже так, каким-то образом сквозь дым все равно угадывался запах) хотелось немедленно пасть на колени и просить прощения за свою дерзость. Хотелось всячески выразить свое преклонение перед тем самым божественным величием, о котором он говорил. И тогда, быть может, единственный истинный Король, Наместник Божий, смилостивится над неразумными и дарует быструю смерть...

Все это отчетливо осознавала какая-то иррациональная часть сознания. Но холодным разумом опытного воина Тэрл видел и кое-что другое. Он видел дурака, который приперся на поле боя без доспехов.

— Сейчас увидишь, зачем мы пришли, — откликнулся он, не зная, слышит ли его Амброус, — Всем стрелкам — сосредоточить прицел на предводителе. Огонь.

— Не стрелять! — крикнул в тот же момент Килиан, с ужасом глядя на что-то невидимое вокруг короля.

Но было поздно. Очереди выстрелов обрушились на одну-единственную крылатую фигуру. Тэрл знал, что даже адепт не сможет отразить столько пуль за раз...

Амброус — смог.

— Узрите! — он повел рукой, и огромное множество зависших в воздухе пуль, как рой насекомых, закружились вокруг него, — Узрите истинную мощь великой Владычицы Ильмадики!

Килиан выбросил обе руки ему навстречу, и в какой-то момент Тэрлу показалось, что он

может невооруженным глазом увидеть, как сталкиваются между собой два колдовских поля, когда два чародея пытаются перехватить друг у друга контроль над пулями.

А также то, что поле Килиана было на порядок слабее.

Физически Тэрл ощутил, как волна магии проходит сквозь его тело, склоняя его вниз, к земле. Рухнул с лошади Килиан, проигравший колдовской поединок. Кто-то из всадников последовал его примеру, другие удерживались в седле, силясь успокоить запаниковавших лошадей.

А затем пули достигли цели. Какие-то из них чародею удавалось отводить в стороны, но мало, жалкую горстку в сравнении с теми, что обрушивал на них Первый Адепт. Получив три пули в кирасу, Тэрл все-таки рухнул на землю. Заржала от боли его лошадь, получая еще пять пуль, предназначенных ему. Зазвенело в ушах, когда очередная пуля пробила шлем, чиркнув по виску и лишь чудом не задев глаз.

Свинцовый дождь длился всего три секунды, но за это время армия повстанцев поредела на добрую треть. Темный, удушливый дым, нависавший над городом, уже можно было не только почувствовать, но и увидеть.

Как и зарево пожаров над крышами.

— Чувствуете?! — закричал Амброус, — Видите?! Это заря новой эры! Эра Владык наступила! Этот город станет погребальным костром старого мира!

Издали послышался условный сигнал от Корбейна. Это означало, что он столкнулся с подкреплением противника где-то на городских улицах. Причем численно превосходящим его отряд.

Кто мог продолжать сражаться, зная, что скорее всего, сгорит вместе с врагом?

А король продолжал разоряться, и отсветы пожаров в его голубых глазах сверкали огнем безумия:

— Мы с Владычицей Ильмадикой построим новый мир! Новый мир на руинах старого! Новый мир, что будет идеален! То, чего не смог сделать мой отец, сделаю я! Мое королевство будет идеальным, а власть — вечной!

— Пока он тут болтает, мы задохнемся, — прокомментировал Килиан, торопливо отрывая от своего плаща кусок ткани и смачивая водой из фляжки.

— Нужно соединиться с Корбейном, — ответил Тэрл.

Пока что это было все, что он мог предложить. Воин понятия не имел, чем можно достать противника, в одиночку сражавшегося с целой армией. Та же самая омерзительная беспомощность, что он некогда испытывал, сражаясь с Ильмадикой, охватила его вновь.

Будь проклято колдовство.

Адепты, эжени — все они. Это кошмар, которого не должно было существовать.

Следуя примеру ученого, солдаты закрывали лица мокрыми тряпками, чтобы хоть как-то спастись от удушливого дыма. Издали доносился грохот выстрелов, но с кем именно сражался Корбейн, рассмотреть было невозможно.

— Нужно отвлечь его хоть ненадолго, — сказал Килиан, прислушиваясь к чему-то неслышимому, — Я попробую сделать это, а ты бери его на прицел и стреляй строго по команде!

В иной ситуации Тэрл ни за что не стал бы следовать приказу гражданского, опираясь на какие-то галлюцинации. Но сейчас других вариантов у него не было: если не сделать хоть что-то, их просто перебьют, как свиней на бойне. Сразу заодно и прожарив хорошенько, до хрустящей корочки.

— Отступаем к центру площади, — приказал Тэрл.

Фонтан посередине дворцовой площади когда-то был украшен величественной статуей основателя Идаволла. Сейчас, после боевых действий, от нее остался лишь постамент: саму статую разбили в каменную крошку сотни пуль Железного Легиона.

Именно на этот постамент и взгромоздился Килиан, на ходу превращая брусок меди в подобие конуса, в импровизированный громкоговоритель.

— Амброус! — крикнул он, и усиленный этим громкоговорителем, голос разносился над площадью, — Ты слышишь меня... брат?!

Никто из присутствующих, кроме Тэрла и самого Амброуса, не знал о родстве мага с королем, но кажется, политические последствия этого заявления были последним, что волновало Килиана в данный момент.

— Я пришел за тем, что принадлежит мне по праву!

Амброусу не требовалось никаких инструментов, чтобы его ответ был слышен всем. Глубокая, неприкрытая ненависть звучала в его голосе столь ярко, что почти перекрывала всякое величие:

— У тебя нет здесь никаких прав, БАСТАРД!

— Вот как? — откликнулся Килиан, — А отец считал иначе. Ты знал, что он написал в своем завещании? Ты вообще знал, что он написал завещание? Ты знал, что он счел тебя... недостойным трона?

Амброус старался сохранить уверенный вид. Но слишком уж точно попали слова бастарда в его собственные потаенные страхи. Слишком желал король одобрения отца.

— Я его наследник! — заявил он, — Я единственный истинный король!

— Слуга Владык не может править Идаволлом, — ответил Килиан, — Слуга Владык — уже не человек. Он лишь инструмент в чужих руках. Слепое орудие.

— Я истинный король! — закричал в ответ Амброус, — А все, кто сомневается в этом, изменники и заслуживают смерти!

Он взмахнул обеими руками, и воздух вокруг него сгустился и заискрил. Вновь на секунду показалось, что магическую энергию можно различить невооруженным взглядом, так велика она была. Десятки разрядов молний обрушились на ученого, стремясь уничтожить, стереть с лица земли глупца, осмелившегося бросить вызов воле Небес.

Однако Килиан был к этому готов. Сведя руки вместе, чародей притянул к себе мечи погибших воинов. По его слову клинки выстроились перед ним, соединились, сплавились в высокую железную колонну, подобно корням дерева прорастающую в камень.

Именно в эту колонну и ударили молнии Амброуса. Одна за другой они попадали в ее вершину, проходя по линии железа в постамент основателя города. В считанные секунды колонна раскалилась добела, жар ощущался даже снизу. Килиан закрылся руками, защищая единственный глаз, но ни колонна не рушилась, лишая его защиты, ни король не переставал поддерживать разрушительное заклятье.

Первым не выдержал постамент. Очередная молния ушла в него, и камень попросту раскололся. Не устояв на ногах, ученый рухнул среди каменных обломков. Амброус рассмеялся, заноса руку для последнего, смертельного заклинания:

— Что ты такое против воли Ильмадики? — задал риторический вопрос он.

Однако Тэрл видел то, чего король, сосредоточившись на расправе над братом, не замечал. Он видел, как над шпилями дворца из облаков спустился «Искренний». Это была вторая часть плана: от Иоланты не было толку в кавалерийской атаке, но она могла оказать

магическую поддержку с воздуха.

В ту же секунду план ученого стал ясен. Тэрл едва дождался сигнала к атаке.

Он выстрелил за секунду до того, как Амброус выпустил бы последнюю молнию. Единственная пуля не смогла бы пробить защитные чары, некогда отразившие залп целой армии. Амброус мгновенно среагировал, с легкостью перехватывая ее на лету, перенаправляя в ненавистного брата...

...и ничего не произошло. Не раз спасавшее ситуацию за время войны, заклятье Ланы, рассеивающее чары, помогло и на этот раз. Магическое поле рассеялось, будто выскользнул кусок свинца из невидимых рук. В последнее мгновение король крутанулся, пытаясь уйти от выстрела на собственных крыльях.

Попал ли он и насколько удачно, Тэрл рассмотреть не сумел: слишком далекой была дистанция и слишком быстрым движение. Он лишь видел, как крылатая фигура скрылась за краем крыши. Кажется, на белых одеждах виднелись следы крови, но даже в этом он не мог быть уверен.

Он не мог знать, мертв король, ранен, или же сейчас вернется и нападёт им всем. Но жизненный опыт подсказывал, что исходить нужно из последнего.

А между тем, дирижабль снижался. И по мере его снижения, все шире становилась зона, где огонь гас, а дым рассеивался. Вскоре в кольце огня, окружавшем армию повстанцев, наметился коридор.

— Соединитесь с Корбейном, — выдохнул Килиан, поднимаясь на ноги. Он двигался неловко, явно повредил себе что-то при падении, да и ожоги на руках от близости раскаленного металла Тэрл заметить успел.

— Лана говорит, Амброус бросил в бой зомби и Тварей. Ансарры помогут огнем, но их слишком мало. Соединись с Корбейном и выводите гражданских.

— Подожди, что ты собрался делать?! — Тэрла кольнуло нехорошее предчувствие. Нет, указания-то были правильными. С учетом информации от Иоланты, он и сам так поступил бы, — может быть, за исключением акцента на спасении гражданских, но и то, не факт: хоть и будучи военным, Тэрл все же оставался человеком. Но вот то, как именно ученый давал эти указания...

— Я за Амброусом, — криво усмехнулся Килиан.

Раскинув руки, он приподнялся над землей, взмывая в воздух.

— С ума сошел?!

Слов «тебя в одиночку просто сомнут, идиот!» Тэрл добавить не успел. На ходу принимая боевую трансформацию, Килиан стремительно бросил себя в сторону крыши дворца. Спорить он не собирался, слушать приказов тоже. Лишь криво усмехнулся:

— А ты сомневался?..

Чертовы гражданские!

— Это было тупо, — зачем-то сказал Тэрл, — Ладно, за дело! Поможем Корбейну.

Ну, как говорится, держись за воздух и постарайся не упасть. Делай свою работу и надейся, что этого будет достаточно.

Что Истинный Бог не оставит тебя.

Глава 12. Секунды Вечности

Две шпаги в руках Килиана вызвали безотчетные ассоциации с лыжными палками. Поддерживая их магнитокинезом, он «балансирует» свой полет. За прошедшее время он неплохо так привык к столь странному и неестественному способу передвижения, некогда придуманному от отчаяния, неспособности иным способом спасти себя и Лану с тонущего корабля. И все равно, на твердой земле ученый чувствовал себя гораздо увереннее, поэтому при первой же возможности поспешил опуститься на крышу.

Это его и спасло. В следующую же секунду Амброус атаковал откуда-то справа. Лишь благодаря ускоренной реакции боевой формы Килиан в последний момент успел развернуться, выставив шпагу навстречу его мечу. Магнитное поле сцепило клинки, соединяя их воедино.

— Ты не смеешь использовать Её дары! — выкрикнул «ангел».

Вслед за этим он выпалил заклятье, и магнитное поле той же полярности окружило его меч. Килиан почувствовал, как огромная сила отшвыривает его назад.

Перекатившись к краю крыши, ученый вслепую отмахнулся шпагой, лишь по ощущению отталкивания понимая, что меч Амброуса был где-то близко. Пользуясь своим преимуществом, брат держался вне поля зрения его единственного глаза. Правда, при этом он не замолчал.

— Я не дам тебе забрать Её у меня! — кричал Амброус, обрушивая новые и новые удары. Благодаря ли силам своей боевой трансформации или переполнявшей его энергии, но Первый Адепт, казалось, не чувствовал отдачи от столкновения полей.

— Это — МОЁ! Я — Её Избранный!

Вот Килиан не удержал клинок в левой руке, и тот немедленно отлетел в сторону. К счастью, вторая шпага была еще при нем, и веерная защита позволила избежать смертельного удара. Наконец-то ему удалось развернуться в сторону врага. В сторону нестерпимо-яркой фигуры «ангела».

В тот же миг удар крыла опрокинул его навзничь. В оглушенном мозгу ученого мелькнула до крайности неуместная мысль о том, что лебедь способен забить человека крыльями до смерти.

— Ты и твоя шлюха-мать забрали у меня отца! — воскликнул Амброус, на несколько секунд зависая в воздухе, — Но ты не заберешь у меня Ильмадику! Ты не заберешь Её!

С этими словами он вложил весь свой вес в добивающий удар мечом сверху вниз, целясь в грудь брату. Сила удара оказалась столь велика, что даже намагниченная кольчуга не остановила его.

Триггер вероятности среагировал на смертельную угрозу — и рассыпался в бессилии. Вероятности того, что Килиан защитился бы от этого удара, просто не существовало в природе. Пропоров кольчугу, меч короля скользнул по ребру и глубоко вонзился в бок. С губ бывшего адепта сорвался крик боли, в следующее мгновение сменившийся предсмертным хрипом. Конвульсивно дернувшись, дарованное Ильмадикой демоническое тело сменилось слабой плотью обычного человека.

— Во имя Владычицы, — торжествуя провозгласил Амброус, поворачивая клинок в ране.

После чего решительно вырвал его, отворяя кровь. Сквозь боль и агонию Килиан

бессмысленно-ясно диагностировал у себя повреждение селезенки и стремительно ускоряющуюся кровопотерю.

— Ты слышишь меня, Ильмадика?! — кричал в небеса король, — Я победил! Я расправился с предателем! И скоро все, кто пошел против Тебя, сгорят в очистительном пламени!!!

Безумие в его голосе сменялось отчаянием по мере того, как его крик не получал ответа.

— Я достоин Твоей любви!!!

Волны боли, ужаса, агонии захлестывали Лану, когда повинувшись ее жесту, Джамиль аккуратно опускал дирижабль над горящим городом. Казалось невыносимым, что Амброус... Нет, даже не так: Первый Адепт опустился до подобного.

Люди умирали. Страшно, мучительно умирали в огне. Отчаянно, самозабвенно, вкладывая в это все свой «я», чародейка пыталась помочь им. Она не могла спасти всех: это было не под силу даже богам. Но еще немного... И еще... Хотя бы на одного больше! И еще на одного...

Волны мира и безопасности расходились от дирижабля. Там, куда они доходили, пламя гасло, дым рассеивался, а боль людей хоть немного смягчалась. Но как же мало этого было!

На каждого спасенного ею приходились сотни тех, кого спасти не удавалось.

Где-то там Килиан полетел в бой. Какая-то часть её подумала, что ей следует отправиться с ним. Что вместе они могут победить кого угодно, хоть самую Владычицу. Что она должна быть рядом с ним.

Эта мысль мелькнула — и пропала. Она перестала бы быть собой, если бы не пыталась помочь людям. И где-то в дальнем закоулке сердца крепла уверенность, что Килиан понимал это. Он не рассчитывал на ее помощь, — сверх той, что она уже оказала ему.

Потому что он слишком любил ее, такую, какой она была на самом деле, чтобы вынуждать ее отказываться от своего «я».

Внизу шло сражение. Амброус бросил в бой толпу зомби, привезенных из Земель Порчи. Они не боялись смерти в огне.

И от их бесстрашия было жутко.

— Держись над отрядом Тэрла! — приказала Лана, — Когда они вырвутся из окружения, двигаем на северо-восток: нужно перекрыть распространение пожара!

Хади принялся переводить указание для Джамилы, пока Нагма, перегнувшись через борт, выпустила короткую очередь из винтовки. Толку от этого было немного: зомби не залегали под беспокоящим огнем, а пуль, достигавших цели, оказалось ничтожно мало.

— Осторожно!

Резко бросившись на Лану и Нагму, Хади сбил обеих девушек с ног, прикрыв своим телом. Впрочем, не нужно было быть большим специалистом в военном деле, чтобы понять, что попади ядро, запущенное с одной из дворцовых башен, в борт дирижабля, и погибли бы все.

Ощущение рассеивающейся энергии контроля вероятностей как нельзя более четко подсказало, кого следует благодарить за то, что этого не случилось. Разумеется, Килиан не мог не позаботиться о том, чтобы заранее навесить несколько «триггеров», защищающих ее.

— Больше не сбивай меня! — прошипела Лана, чувствуя, как из-за потери концентрации сужается радиус действия ее собственных чар.

— Знаешь ведь, что толку никакого!

Гигант смущенно потупился. Наверное, до войны Лана продолжила бы распекать его. Но сейчас... Слишком давили на нее долг и страх.

Долг перед жителями города и страх, что она не сумеет их спасти.

— Воздух!

Тварь Порчи, напоминая огромную багряно-красную летучую мышь с щупальцами, атаковала дирижабль сбоку. К счастью, благодаря оклику Нагмы, ансарры успели залечь на палубе, и бросок Твари не причинил никому вреда. Вслед ей ударили очереди из трех винтовок, но заложив крутой вираж, крылатое существо ушло от выстрелов вверх.

— Нужно подняться выше! — крикнул Хади, — Если оно додумается ударить в баллон, мы погибли!

На какие-то секунды Лана заметалась, не зная, что ей делать: продолжать гасить пламя или же переключиться на защиту «Искренного». На этом фоне практически одновременные импульсы боли от связанных с ней друзей застали ее врасплох.

Килиан и Терл. Их достали одновременно. И в данный момент она не могла помочь никому из них.

Их судьба была в их собственных руках.

— Пригнись!

Будучи опытным солдатом, Корбейн выполнил приказ не задумываясь, не тратя времени на то, чтобы обернуться. Кавалерист прильнул к спине лошади, и Тэрл выпустил короткую очередь в обступивших его зомби. Человекоподобные Твари Порчи, они не были грозными противниками. Но как же их было много!

Расстреляв все патроны, Тэрл перехватил винтовку за ствол, обрушивая на обступивших его Тварей удары приклада. В другой руке он сжимал верный полуторник. Каждый его удар достигал свою цель, — но на вид врагов меньше не становилось.

Тем не менее, очень скоро его отряду удалось соединиться с конницей Корбейна. Паривший в вышине «Искренный» оказывал им поддержку, а главное — не позволял сгореть в пламени городского пожара или задохнуться в дыму.

Срубая зомби, пытавшихся заступить дорогу, соединенный отряд вырвался из окружения. Они почти не понесли потерь, но битва только начиналась. Тэрл припомнил картинку с воздуха, которую эжени Иоланта передала ему в голову за минуту до того, как ее корабль был атакован. Сейчас направо. Разворот. И удар во фланг. Если все пройдет удачно, зомби вынуждены будут отступить прочь от созданного чародейкой коридора для выведения мирных жителей. Отсутствие страха перед огнем сыграет с Тварями Порчи злую шутку.

Секунды передышки между боями командующий гвардией употребил на то, чтобы перезарядить оружие. И новое столкновение началось с очереди пуль, сносящих первые ряды врага. Жаль, что гранаты давно закончились: против толпы Тварей они были бы в самый раз.

Столкновение. Белесый гной, заменяющий зомби кровь, обильно покрывает лезвие меча. Еще больше Тварей гибнут под копытами лошадей, — даже в предсмертной агонии пытаясь достать добычу когтями и зубами.

Но вот, орда Тварей подается прочь. Отступая под натиском тяжелой кавалерии, зомби сгорают в пламени, охватившем город.

— Сюда, скорее! Здесь безопасно!

Тэрл не стал тратить время на подсчет количества спасшихся горожан. Удалось спасти кого-то — и хорошо. Некогда думать. Нужно сражаться. Упало рядом с его отрядом тело

крылатой Твари, — что с ней случилось? Некогда разбираться!

Дальнейший маршрут дирижабля был устремлен на северо-восток. Вместе с ним должен был сместиться и «круг безопасности», гасящий городской пожар. Но вперед него должен был ударить отряд конницы. Сейчас, пока пламя еще не погасло, самое время было отправить в него врага.

Отправить Тварей назад в Преисподнюю.

— С нами Истинный Бог! — крикнул Тэрл, — Господа... В атаку!

Трижды отряд Тэрла обрушивался на зомби, и трижды те отступали прочь. Сгорая в огне, падая под мечами и пулями, Твари гибли сотнями и тысячами. Бежавшие через образующиеся коридоры гражданские поскользнулись не текшем по улицам гное; кого-то вполне могли затоптать в толпе, — но об этом думать было некогда.

Видимо, их действия были успешны, — или же королю просто надоело ждать. Тэрл добивал очередной отряд зомби, когда ворота дворца распахнулись во всю ширь. Два десятка всадников в белых мундирах и золотых доспехах устремились в атаку. И ни пламя пожаров, ни толпы зомби, ни даже залп последних пуль не уменьшали их решимости.

— Прорывайтесь навстречу! — приказал Тэрл.

Поздно. Слишком поздно. Отряд смог кое-как пробиться через обступившие его ряды Тварей, но перестроиться в атакующую формацию и набрать скорость, необходимую для кавалерийской сшибки, уже не успевал.

— Не отступать! Держать строй! Биться до последнего!

Взмах меча — за секунду до столкновения. Длинный клинок верного полуторника оказался там, где мгновением позже будет голова врага. Звон металла о металл. Отблеск огня на лезвии кавалерийской сабли. Отвратительный, чавкающий звук, издаваемый сталью, рассекающей плоть.

Острая боль.

И пустота.

Крылатая тварь вышла на третий заход, но на этот раз Нагме удалось ее достать. Экипаж дирижабля прильнул к полу, пропуская противника над собой, и уверенным, выверенным движением воительница вскинула винтовку. Из семи пуль, выпущенных вслед Твари Порчи, цели достигли лишь две, — но этого хватило.

С пробитым крылом существо рухнуло на камни мостовой, и вряд ли хоть кто-нибудь смог бы пережить падение с такой высоты. Но ни торжества победы, ни жалости к умирающему врагу Лана не испытала. Боль и агония ее друзей захлестывали ее, заставляя воспринимать происходящее вокруг как будто через толстый слой ваты.

И все-таки, она знала, что должна делать.

— Продолжаем придерживаться плана, — твердо приказала чародейка, — На северо-восток!

Дирижабль пронесся над городом на низком, бреющем полете, расширяя коридор безопасности. Всадники Тэрла медлили, остановленные зомби и остатками Железного Легиона, но все-таки как-то продвигались.

— Нужно поддержать их с воздуха, — сказал Хади, — Снимем хотя бы нескольких легионеров, уже дело проще пойдет.

Лана уже готова была дать добро, когда один из ансарров закричал, привлекая ее внимание к чему-то.

— Что это? — нахмурился Хади, вглядываясь в даль.

Еще пять летающих фигур медленно, грузно приближались в «Искреннему». И по мере того, как их очертания становились видны все лучше, Лану охватывал страх.

— Регенераторы! Этот ублюдок... использует регенераторов!

Она не была удивлена, что Амброусу удалось их заполучить: у него были пленные из числа черных, и наверняка он исследовал то, что адепты Лефевра встраивали в своих солдат. Но то, что он решился на подобное...

Неужели столь велика была власть Ильмадики над своими адептами? Неужели она могла заставить их полностью убить в себе честь и совесть?

Ведь Амброус никогда не был чудовищем.

А это все совершить могло только чудовище.

— Мушкетоны к бою! — приказала Лана, — Без команды не стрелять! Винтовки уберите: они тут бесполезны.

Опасно это — использовать огонь на дирижабле, наполненном гелием. Но другого средства против регенераторов она не знала. Чудовища, созданные для охоты на магов; она не сомневалась, что именно ее они выберут своей целью.

В следующую секунду ей пришла идея.

— Стравите газ и спуститесь как можно ниже! — приказала Лана, — Нам нужно пролететь вон над той церковью! Как можно ближе!

Говоря это, она прекратила поддерживать заклинание, гасившее огонь, ограничившись рассеиванием дыма. Жар от пылающей церкви ощущался даже здесь, на палубе.

— Спустимся ниже — и загоримся сами, — предупредил Хади.

— Этого достаточно, — напряженно ответила Лана, следя за преследователями.

Близость губительного пламени заставила искусственных Тварей промедлить. В отличие от зомби и легионеров, они боялись смерти в огне. Но слишком сильно влекли их вперед неутолимый голод и неиссякаемая ненависть. И вот, преодолевая жар пожаров, пять регенераторов пронеслись над церковью следом за дирижаблем.

— Стравливайте газ! — приказала Лана, и Хади исправно переводил каждую команду для остальных, — Стравливайте его СИЛЬНЕЕ!

Гелия едва-едва хватало на то, чтобы удерживаться в воздухе. Малейшее повреждение, малейшая утечка, и «Искренний» рухнул бы с небес на землю.

С огромным трудом Лана дождалась, пока заклинание вероятностей, наложенное Кили, чтобы избежать пожара на борту, перестанет подрагивать в напряжении, ожидая возможности сработать.

— Огонь!

Шесть мушкетонов выплюнули залпы магниевой дроби, неуловимо напоминая выдохи шести драконов. Расстояние было слишком большим, чтобы надеяться всерьез задеть регенераторов, но этого и не требовалось.

От пылающего магния воспламенился рассеянный в воздухе гелий. Искусственные Твари оказались в пылающей ловушке.

Они ревели от боли и бестолково метались, сталкиваясь между собой. Кто-то так и погибал, окруженный пылающим гелием. Кто-то, пытаясь спастись, попадал в буквальном смысле из огня да в полымя, — вырывался напрямик к охваченной пожаром церкви. Куцые крылышки регенераторов не давали ни скорости, ни маневренности, а неутолимый голод мешал мыслить ясно. Лишь двум Тварям удалось, хоть и получив страшные ожоги, все же

выбраться на свободу.

— Перезаряжайтесь! — торопливо приказала Лана, абстрагируясь от тяжелых энергий боли и ужаса, — Если они нападут снова, подпустите их поближе и бейте наверняка.

Впрочем, регенераторы не спешили нападать. Непривычно им было сражаться с ранами, которые не заживают. Они не знали, что с этим делать. К такому их жизнь не готовила.

— Поднимитесь повыше! — приказала тем временем Лана, — Пока мы еще можем держаться, нужно собрать информацию по происходящему.

Почти треть города им удалось отрезать от пожаров. Огромная толпа горожан спасалась от верной смерти по открытым ими коридорам. Огромная — если не знать, что тех, кого спасти не удалось, было на порядки больше. На оставшуюся часть больно было даже смотреть. Увы. Лана ничего не могла с этим поделать.

Никто не может спасти всех.

Конница повстанцев потеряла половину бойцов, но все-таки вырвалась из окружения. Был ли Тэрл в ее рядах, Лана не видела: слишком далеко, чтобы можно было различить лица, и слишком много крови, копоти и гноя зомби, чтобы ориентироваться по гербам. Остатки Железного Легиона, — четыре последних солдата, — отступили на перегруппировку. Если Амброус сейчас не пришлет им еще одно подкрепление, вряд ли даже они смогут противостоять целому отряду.

Лана перевела взгляд на королевский дворец, и ее глаза расширились в удивлении.

Крышу дворца, которую так хорошо было видно с летящего дирижабля, окружал полупрозрачный купол магического щита. Щита, как две капли воды похожего на тот, что обычно творила она сама.

Тэрл едва держался в седле, почти вслепую отмахиваясь от зомби прикладом винтовки. Меч остался позади, лежать на мостовой на перекрестке, где их настигли остатки Легиона.

Да и сможет ли он когда-нибудь снова владеть им?

Уцелевшие конники прорвались через ряды Тварей, и командующий устало прильнул к лошадиной гриве. Давай... Еще чуть-чуть... Еще один заход.

Из обрубка правой руки обильно хлестала кровь.

От боли и слабости гвардеец уже с трудом воспринимал окружающую реальность, поэтому вместо него необходимые команды отдавал Корбейн. Тэрл был ему благодарен.

— Вперед! Поднажмем, ребята! Доберемся до точки сбора — значит, выкрутились!

Откуда выкрутились, что за точка сбора? Память отказывала. Сознание плыло. Веки тяжелели.

Вот впереди показалась группа людей в скрывающих лица одеяниях пустынников и с винтовками наперевес. Видимо, воины Халифата. А у них как раз патроны закончились, эту деталь Тэрл помнил бы даже на пороге смерти.

Стоп, какой Халифат? Они ведь воюют не с Халифатом. Эта мысль проникла в затуманенный кровопотерей мозг командующего гвардией. Да. Они воюют не с Халифатом. Они подняли мятеж против короля. Против Наместника Божьего. И он раздавил их, как...

Нет. Это тоже неправда. Король трусливо укрылся во дворце, приказав поджечь город и бросив в бой последние резервы войск, Тварей Порчи и фанатиков с промытыми мозгами. Темная религия Владык не помогла ему; он агонизировал, как и сам Тэрл. Агонизировала его власть.

А вместе с ним и власть Ильмадики.

— В стороны! — приказал Корбейн.

Конница расступилась, освобождая пространство между пустынниками и преследовавшими их остатками королевских сил. Заговорили винтовки. Заряженные под завязку винтовки в руках свежих и отдохнувших солдат.

Возглавлявшие преследование легионеры полегли сразу. Противоестественно-тяжелая броня из Дозакатных сплавов продлила им жизнь, — но недостаточно, чтобы выжить под градом пуль. Лишившись главной ударной мощи, зомби не имели шанса против автоматического оружия, — но несмотря ни на что, упорно продолжали переть вперед, поскальзываясь на потоках гноя, заменявшего им кровь.

Чем закончилась эта атака, Тэрл уже не видел. Просто в какой-то момент он ощутил разливавшееся по телу тепло. Он скорее почувствовал, чем услышал, приятное пение чистого женского голоса, сквозь которое будто проступали слова:

«Держись. Я с тобой. Ты не умрешь.»

Силы стремительным потоком возвращались в его тело. Боль исчезла, вернулась способность в полной мере воспринимать окружающий мир.

Раскрыв глаза, командующий уставился на свою руку, но увы. Чуда не случилось. Даже магия Ланы не всесильна.

На месте руки, что когда-то направляла клинок, побеждая в любом поединке, теперь был лишь аккуратный, чистый, но все-таки обрубок.

Все войска, что король мог выпустить на улицы пылающего города, полегли полностью. Остатки конницы повстанцев торопливо перезаряжали оружие, приняв часть патронов от пришедших им на выручку дикарей-ансарров. Воздушный корабль Килиана располагался неподалеку: он примостился прямо на крыше одного из потушенных домов, и гигантский кожаный мешок, удерживавший его в небе, был бессильно сдут. Теперь на поддержку с воздуха можно не рассчитывать.

— Нам нужно прорваться во дворец, — сказала Лана. Она не отрывалась от своего занятия: старалась помочь как можно большему количеству раненых. Многих из них приходилось вырывать из когтей Смерти. Вопрос про руку застрял у Тэрла в горле: слишком ясно он понял, что его рука сейчас далеко не в приоритете.

Каждый солдат, вставший в строй, был необходимой гирькой на весах битвы. А бой еще не закончен: оставался штурм дворца.

— Сейчас Амброус заперт на крыше, — продолжала девушка, — Но я не знаю, как долго это продлится. Мы должны спешить. Иначе он улетит и начнет все заново в другом месте.

— Как скоро к нам прибудет подкрепление? — спросил Тэрл.

— Повстанцы к вечеру. Иллирия — послезавтра.

Значит, придется еще немного поработать теми силами, что есть.

— Дайте мне патроны, — сказал Тэрл.

Корбейн и Хади переглянулись.

— Сэр Адильс, с вашими ранениями...

— У меня. Еще. Есть. Одна. Рука, — отдельно проговорил командующий, — И пока она способна держать оружие, я буду продолжать сражаться! А сейчас давайте сюда эти гребанные патроны!

С видимым сомнением на лице Хади протянул ему магазин для винтовки Дозакатных.

Устанавливать его одной рукой было мукой мученической, но Тэрл упрямо сжимал зубы и не жаловался. Ему очень важно было сделать это самому. Ему очень важно было доказать самому себе, что он способен на это.

Ему очень важно было верить, что его жизнь воина на этом не закончена.

К моменту, когда он закончил, ансарры уже почти доделали импровизированный таран из каких-то балок. Где именно они их взяли, Тэрл не понял, да и не вникал. На этот раз ему не было никакого смысла находиться на острие атаки: этот путь для него закрыт навсегда. Все, что он мог, это следовать позади и обеспечивать огневое прикрытие.

Это можно было делать и левой рукой.

Импровизированный таран ансарров слабо тянул на полноценное осадное орудие, но к счастью, дворец уже практически не оборонялся. Из двух надвратных башен лишь одна вела огонь, и то редко и неточно. Кажется, после всего, что сотворил король, боевой дух солдат с непромытыми мозгами упал на самое дно.

Потому что за законами войны стоит отнюдь не гуманизм. Те, кто предостерегали от ненужной жестокости, не были наивными дурачками.

Они просто умели видеть дальше, чем на шаг вперед.

Пали дворцовые ворота, и войска повстанцев хлынули внутрь. Часть дворцовой стражи и придворных еще пытались организовать какое-то сопротивление, но их усилия были едва заметны. Хади, рвавший в бой впереди всех, мог бы раскидать их в одиночку. Против ярости последнего из Железного Легиона, против шквального огня автоматических винтовок они были бессильны.

Постепенно сопротивление сходило на него. Все чаще обитатели дворца сдавались без боя. Как ни смешно, это замедляло продвижение гораздо сильнее, чем бои: приходилось следить, чтобы оставленные в живых люди не ударили в спину. И все-таки идея просто добивать их, и дело с концом, не звучала ни разу.

Медленно, но верно отряд продвигался по коридорам дворца. И хоть препятствий становилось все меньше, нервничали бойцы все больше. Потому что очень скоро предстоял самый тяжелый бой.

Последний и решающий бой с Первым Адептом Ильмадики, королем Идаволле Амброусом Первым.

Молчание Ильмадики убивало, раздирало в клочья последние остатки рассудка. Почему-то Амброусу казалось, что стоит ему уничтожить предателя, и Владычица немедленно свяжется с ним. Скажет, что верила в него и что видела его победу. Но этого не происходило.

Этого не происходило!

Король стоял на краю крыши и смотрел на расстилавшийся у его ног пылающий город. Город, созданный его отцом. Город лжи и обмана, лицемерных ценностей Послезакатной цивилизации, город, который должен сгореть, чтобы на его пепле возродился мир Владык!

Вот небесная повозка, построенная Килианом по краденным технологиям, пытается остановить пожар. Амброус чуть улыбнулся. Его чутье обострилось до предела из-за переполнявшей его силы, и он отсюда чувствовал исходившую от дирижабля знакомую энергию. Иоланта. Женщина, сорвавшая ему столько планов. Та, кто забрала его жену. Та, кто убила его отца.

Она заплатит за все!

Крошился и ломался камень, когда повинуюсь древнему волшебству, на свет Божий вырывались металлические стержни, использовавшиеся для скрепления стен дворца в те давние времена, когда первые идаволлы еще не забыли Дозакатные знания архитектуры. Мельком Амброус почувствовал сожаление. И от разрушения дворца своих предков, который уже не выйдет восстановить в прежнем виде. И от того, что Ильмадика в таких случаях использовала мечи. Несмотря ни на что, собственная магия казалась Первому Адепту неуклюжей, грубой и неотесанной.

Не поэтому ли Владычица до сих пор видела его недостойным себя?

И все-таки могущества ему было не занимать, — сейчас, когда перед вступлением в бой он совершил гекатомбу из предателей и заговорщиков, сила его была через край. Этой силы было достаточно, чтобы в одиночку разгромить всех жалких червяков, осмелившихся бросить вызов могуществу Ильмадики.

И тогда она вновь оделит его своей милостью.

Почти три десятка металлических балок, вырванных с мясом из развороченных стен, выстроились вокруг короля, как незримый почетный караул, взявший копьа наизготовку. Готовый по его слову броситься в бой, уничтожить, разорвать любого врага, на какого только укажет их повелитель, наместник Владычицы на Земле.

Например, предательницу-ведьму. Которая не понимала, просто не понимала, что за дважды сохраненную ей жизнь должна кланяться Владычице в ноги, всячески благодаря. Что ж.

Глупость наказуема, и наказание — смерть!

Первые три импровизированных «копья» сорвались с места, устремившись к баллону летающей машины. Достаточно, чтобы цели достиг хоть один. И тогда машина рухнет с многометровой высоты, погребая под обломками весь экипаж.

В том числе ненавистную ведьму.

Амброус широко улыбнулся, предвкушая долгожданную месть за отца. Силы, которые он вложил в один этот удар, еще недавно были для него непредставимы! Мощь, с которой он совершал свое возмездие, была достойна карающего божество. Хлопнул воздух, прорезаемый «копьем»: как помнил Первый Адепт из объяснений Владычицы, это значило, что оно стало двигаться быстрее звука.

Даже если ведьма почувствует опасность, она не успеет выставить защиту!

А полумгновением позже мощная ударная волна сбила короля с ног. Со всей набранной невероятной скоростью его «копья» ударили в преграду, успешно выдержавшую удар. Сопровождавшая столкновение вспышка света осветила прозрачный купол магического щита.

Такого же щита, как тот, что уже демонстрировала ведьма Иоланта во время войны. Только накрывал он не дирижабль, а крышу дворца.

— Эй, братец, — услышал Амброус сбивающийся, но решительный мужской голос, — Мы еще не закончили.

Этот голос он узнал бы из тысячи. Этот голос он ненавидел больше всего на свете.

Сколько секунд в Вечности?..

Почему-то, когда все тело конвульсивно дернулось от пронзившего его острия меча, какая-то не особенно рациональная часть сознания Килиана начала отстраненно вспоминать монолог из великой Дозакатной классики.

И пастушок ответил...

Триггер вероятности не смог отвести от него сокрушительный удар короля. Все, что он сделал — не позволил клинку вонзиться в сердце, отведя его по ребру в живот. Что ж, пожалуй, этого хватило, чтобы если не спасти ему жизнь, то по крайней мере продлить агонию.

Гора чистого камня... Нет, в оригинале было «алмаза». Почему вообще алмаза? Алмаз хоть и твердый, но вообще-то довольно хрупкий. Под ударами клюва он быстро раскололся бы по плоскостям спайности. В посыл монолога мрамор или гранит вписался бы гораздо лучше.

Триггер вероятности продлил его агонию, — и это было правильно. Агонию всегда лучше продлить. Люди так боятся долгой смерти, так молятся о том, чтобы умереть быстро. Они не понимают простой и очевидной вещи.

Пока ты еще жив, каким бы хреновым ни было твое положение, всегда можно найти выход. А из Последних Чертогов выхода нет.

Чтобы взобраться на гору, понадобится час, и обойти — тоже час... То есть, при средней скорости пешего человека в четыре-шесть километров в час радиус окружности горы получается в районе восьми десятых километра, то есть восьмисот метров. Вот зачем ему понадобилось сейчас это подсчитывать? Ведь ему не требуется взбираться на гору. По крайней мере, не буквально.

Килиан вернулся в человеческий облик: сил поддерживать боевую трансформацию не хватало. Но крайне ошибается тот, кто считает человеческое тело слабым. Да, оно не обладало демонической силой, скоростью и живучестью, не могло выдерживать ударные дозы Порчи и проводить через себя колоссальные объемы энергии. Но в конечном счете все это было неважно. Важно лишь то, хватит ли тебе сил сделать то, что ты задумал.

Ведь ученый всегда имел козырь в рукаве на случай, если что-то пойдет не так.

Каждые сто лет прилетает маленькая птичка и точит клюв об алмазную гору... Интересно, а ведь судя по дальнейшему контексту, это каждый раз одна и та же птичка. Что ж это за птичка, живущая многие сотни лет? И где она точит клюв в промежутке между прилетами? Может, помимо загадочной Померании, у нее множество таких алмазных гор по всему миру? А раз в секунду Вечности она создает алмазную россыпь, где позже будут трудиться рабочие?

Так ведь и рождаются легенды.

Кровь хлестала из развороченного живота. Двигать рукой было очень тяжело. Но Килиан упрямо, миллиметр за миллиметром, тянулся к скрытому кармашку на поясе.

Зная, что если на мгновение остановится, то сил на второй рывок может не хватить. И тогда он умрет.

И вот когда птичка сточит так всю гору, наступает первая секунда Вечности. Релятивистская какая-то птичка.

Пальцы ухватили крошечный хрустальный флакончик со свинцовой крышкой. И в тот же миг перед внутренним взором Килиана встал образ, на мгновение придавший ему сил. Лана... Он вспомнил, как, впервые за долгое время общаясь как прежде, когда между ними не стояли рабство и предательство, они делились друг с другом своими наработками. Их подходы к магии различались, но все больше и больше находили они общего. Каждый из них расширял свой кругозор, свое понимание Мира и Магии, благодаря другому. Слегка. По капле. По крошке алмаза, откалываемой клювом релятивистской птички.

Вы думаете, что это чертовски много времени?.. Нет, блин, много раз по сто лет — это мелочи. Ну, по крайней мере по сравнению с тем временем, что уходит, когда в предсмертной агонии пытаешься дотянуться до единственного, что может тебя спасти.

Именно тогда, еще в Иллирии, в поместье дома Д'Исса, Лана рассказала Килиану, как творчески адаптировала его идею с амулетом, оберегавшим от болезни. Она сделала это еще во времена, когда вместе с Амброусом помогала крестьянам в южной Миссене. Именно тогда она придумывала зачаровывать зелья и травяные отвары, закладывая в них частичку своих исцеляющих чар. Принципа, по которому это делалось, Килиан тогда не понял (сам он связывал амулет с триггером вероятности через условия, а не изменял его собственные свойства), и разговор плавно перешел в демонстрацию. Результатом стала пара флакончиков со сбором календулы, чистотела и золототысячника, зачарованным на заживление ран. Один флакончик остался у Ланы, другой она вручила ему. И хоть и несравнима была их сила с настоящим заклинанием, эффект они оказывали вполне ощутимый.

...лично я думаю, что это чертовски упрямая птичка! К слову, эта фраза — неканон: Килиан смутно припомнил, что этот монолог ссылался на более раннее произведение, где ничего об упрямстве птички не говорилось.

Вот к чему сейчас было вспоминать эту информацию?..

Килиан смог достать флакончик. И даже отвинтить крышку. Но сил выпить ему уже не хватило. Перед глазами все плыло. Густой темный дым, заволакивавший небо, казался круговертью радужных узоров. Да еще братец над ухом продолжает вещать. Когда до тебя дойдет, что Ильмадика не откликнется? Ей не нужны те, от кого нельзя больше подпитаться творческой энергией.

А Амброус... Он был выжат досуха. До последней капли рассудка.

Как ни странно, Килиан не чувствовал гнева и ненависти по отношению к своему убийце. Скорее... Сочувствие. Ведь он сам мог бы разделить его судьбу, если бы Лана не спасла его. Если бы не помогла ему вовремя осознать, куда он катится. Отчасти поэтому он пообещал ей помочь спасти Амброуса.

Вот только чтобы исполнить это обещание, нужно было сначала спасти себя.

Скосив глаза на источник странного звука, ученый кое-как смог рассмотреть, как магия брата выдирает арматуру из развороченных стен. Непродуманно, братец. Тебе в этом дворце еще жить. Недолго, правда: даже ангельское тело не может выдержать подолгу такого количества энергии. После этой битвы оно неизбежно будет разрушено, если, конечно, Лана или еще кто из целителей-эжени не исцелит его.

Именно на Лану, точнее, на «Искренний» направил Амброус свои снаряды. И Килиан... понял, что не допустит этого. Без пафоса, без яростных выкриков «Я защищу тебя, любимая». Просто — не допустит. Не разрешает реальности сложиться таким образом, что Лана погибнет.

Он почти не удивился, когда эта мысль преобразовалась в купол магического щита, окружающий крышу дворца, не оставляя выхода никому из тех, кто заточен на ней. Теперь купол спадет, только когда один из них одержит верх. Окончательно.

Три арматуры ударили в щит с такой силой, что ударная волна отшвырнула Амброуса на метр назад. Хорошо. Это ошеломит его. Выиграет лишние секунды.

Секунды, необходимые на последний рывок.

Через боль. Даже не через саму боль, а через страх, осознание того, как больно будет сейчас. И бессмысленно убеждать тело, что боль необходимо потерпеть, чтобы потом стало

легче. Тело не понимает таких тонкостей. Оно не загадывает вперед, оно просто знает, что сейчас будет **ОЧЕНЬ БОЛЬНО**.

Но даже оно склоняется перед разумом, знающим слово «надо».

В глазах потемнело, когда Килиан резко согнул руку в локте, почти опрокидывая в себя содержимое флакончика. Половина пролилась мимо, но и того, что попало в рот, хватило, чтобы ощутить, как рана начинает затягиваться. Куда медленнее, чем это было, когда Лана исцеляла его во время битвы за Тюрьму Богов, но все-таки...

...все-таки нужно было подняться. Подняться и встретить врага.

— Эй, братец... Мы еще не закончили...

Какая же слабость... Не то состояние, чтобы сражаться с адептом в боевой трансформации, совсем не то. Но выбора сейчас нет. Есть такое слово, «надо».

Короткое усилие воли, и свинцовая пробка рассыпалась золотой пылью. В сравнении с той силой, которой орудовал Амброус, это были жалкие крохи, но... и этим можно победить, если знать, что делать.

Главное, чтобы ничего не подвело в решающий момент. Сейчас Килиан собирался использовать уроки Ланы и магию адептов одновременно, гармонично сочетая одно с другим. Теперь он понимал: магия адептов — лишь частный случай магии эжени. Питающийся силой от его вдохновения ученого, от веры в то, что силой своего ума мир можно познать и изменить к лучшему.

Сейчас эта вера была сильна, как никогда. Именно поэтому он не собирался отступаться от привычных методик: все то, чему он научился, было его достижением, от кого бы ни исходили эти уроки.

— Упрямая тварь! — лицо Амброуса исказилось бешеной яростью. Странно, но чем больше сияло ненависти в лазоревых глазах, тем спокойнее и увереннее чувствовал себя Килиан.

— Сдохни!

Сразу все арматуры устремились в атаку. Именно для этого момента Килиану и были нужны методики, преподанные Ланой. Он сотворил привычное заклинание, — но без ритуала, который занял бы преступно много времени.

«Пусть я найду единственное положение, где все снаряды брата пройдут мимо. Сто процентов или цельная единица. Я так хочу!»

В первый раз в жизни Килиан сотворил контроль вероятностей, не делая жестов руками и не проговаривая желаемого вслух. Но волна квантового изменения подсказала ему, что заклинание сработало. Ведь в конечном счете, все ритуалы нужны были не миру, а лишь ему самому. Чтобы поверить в собственные возможности.

Бросившись навстречу «копьям»-арматурам, Килиан споткнулся. Прошедший совсем рядом снаряд разорвал пустынное одеяние и ободрал кожу на плече, еще один прошел в опасной близости от не до конца залеченной раны в животе, третий — просвистел над самым ухом. В глазах Амброуса светилось злорадное торжество: он не сомневался, что огромной мощи, вложенной им в заклятье, хватит, чтобы попросту изрешетить своего врага.

Точно так же Килиан не сомневался в обратном.

Когда все три десятка арматурин прошли мимо, глаза брата удивленно расширились. Он не ожидал подобного — и преступно промедлил. Выскакивая из простреливаемой зоны, Килиан вложил всю инерцию движения в один простой, но стремительный колющий удар шпагой. Он метил в сердце брата, — но знал, что тот успеет защититься.

И знал, как именно Амброус защитится, — ведь в те мгновения, что ушли на преодоление обстреливаемой зоны, Килиан сотворил еще два триггера вероятностей специально под этот бой. На этом силы, взятые из свинцовой пробки, иссякли.

Не успевая отразить удар мечом, Амброус торопливо закрылся крылом, и шпага оставила глубокую рану. Килиан замахнулся для новой атаки, но скорости человеческого тела не хватало. Первый Адепт стремительно перехватил инициативу. С огромным трудом ученый сумел увернуться от первого удара, но за ним тут же последовал второй.

Клинки столкнулись и замерли, сцепленные магнитным полем. И даже несмотря на ангельский облик, лицо брата искажала нечеловеческая, безумная ненависть всей Преисподней.

— Сдохни уже наконец! — почти попросил он.

Килиан чуть усмехнулся, — а потом сделал то, чего никогда не сделал бы высокородный аристократ в благородной дуэли.

Сместившись навстречу своему противнику, он с силой ударил коленом в пах.

Расчет оказался верен: зная о том, что Ильмадика любит заниматься сексом со своими адептами в их боевой трансформации, Килиан не сомневался, что ни у одного из них эта часть тела не прикрыта дополнительной броней или чем-то подобным. Даже чувствительность не понижена (а скорее всего, и вовсе повышена в сравнении с обычным человеческим телом: тщеславию Владычицы такая идея прекрасно подходила).

Амброус согнулся пополам от боли, а Килиан продолжил наступать. Удар в основание шеи не вырубил адепта, как это случилось бы с обычным человеком, но ошеломил, заставив терять инициативу. Следующую атаку, — в челюсть, — Амброус блокировал, пытаясь отступить назад, чтобы разорвать дистанцию и снова перевести бой в плоскость фехтования.

Килиан не мешал ему, тем более что магнитное поле, окружавшее меч короля, исчезло, и шпага ученого была освобождена. Клинки братьев снова столкнулись.

Финт, выпад, парирование. Шаг вперед, два шага назад. Клинок Амброуса был заметнее тяжелее, парировать такой сложно. Кроме того, благодаря силам боевой трансформации Первый Адепт был сильнее и быстрее. Амброус не сомневался в победе.

Килиан — тоже.

Натиск. Ученый пытался воспользоваться преимуществом легкого клинка, нанося быстрые удары с разных сторон, но даже с мечом Амброус не уступал ему в быстроте. Пусть. Главное, что отражая их, король немного отступал назад.

До тех пор, пока не сработал оставшийся триггер вероятности.

Развороченная крыша, из которой Амброус вырвал свои «снаряды», не выдержала издевательств. На очередном шаге короля она обрушилась под его ногой. Первый Адепт попытался взлететь, но раненное крыло не смогло удержать его в воздухе.

Обломки крыши посыпались вниз, подобно оползню увлекая короля за собой. Амброус попытался спастись, сотворив контроль вероятностей, но со всей его силой привязанность к ритуалу сковывала его. Лишь в последний момент, пересчитав своим телом выступы обломанной крыши, одной рукой он ухватился за самый край, повиснув над пропастью.

Килиан остановился, тяжело дыша и глядя на поверженного противника сверху вниз. Как просто. Сделать шаг и безжалостно наступить на пальцы. Высота более трехсот метров. Даже для тела адепта, усиленного магией Владычицы, — это слишком. Амброус упадет — и разобьется. И никто не узнает в точности, как он умер.

Да даже, на самом деле, и необязательно делать шаг, вдруг понял Килиан. Он видел, как

дрожат руки, которыми брат держался за выступ крыши. Порча медленно убивала его. И опять же, никто не просил его закачивать в себя такое количество энергии.

Просто постоять и подождать, пока он упадет. И никто не усомнится в правильности его действий. А Лане можно сказать, что он сделал все, что мог. Она поверит.

Килиан протянул руку.

— Сдавайся, брат, — попросил он, — Ты проиграл. Сдавайся, и будешь жив.

На всякий случай он следил за мечом, который король все еще сжимал во второй руке. Атаковать из такого положения было бы глупо. Но ученый давно привык не недооценивать глупость.

— Я... не... проиграю! — закричал в ответ Амброус.

Камень крыши начал крошиться под его пальцами.

— Неужели ты не видишь? — покачал головой Килиан, — Ты умираешь. Без помощи ты не выживешь. Я предлагаю помочь тебе. В буквальном смысле протягиваю руку.

Первый Адепт закричал от боли, унижения и ненависти. Казалось, вот сейчас силы его ненависти хватит, чтобы если не спастись, то унести за собой врага — без заклинания, на одной лишь силе его эмоций...

Не хватило. Ильмадика выжрала все досуха. Килиан смотрел на то, во что мог превратиться, и щемящая боль терзала его сердце.

Как бы он ни ненавидел своего брата, такого тот точно не заслужил.

— Неужели ты не видишь, что Она с тобой сделала? — спросил ученый, — Ты превратился в пародию на себя-прежнего. Вспомни себя. И ответь: от тебя хоть что-то осталось?

Амброус молчал. Кажется, слова начали достигать цели. Килиан качнул рукой:

— Послушай меня, брат. Дай мне руку. Дай мне руку, и я помогу тебе.

— Зачем? — Амброус поднял на него глаза, и в лазоревых... нет, уже голубых, трансформация начала спадать. В голубых глазах короля блеснули слезы.

— Зачем тебе помогать мне? Ты ненавидишь меня. Ты всегда мне завидовал. Ты будешь рад, когда я упаду. Не ври, что это не так!

— Ради Ланы, — просто пояснил Килиан, — Ради того, чтобы она улыбалась.

Видя недоумение на лице поверженного врага, ученый хрипло рассмеялся:

— Она ведь любит тебя, придурок! Сам того не замечая, ты получил сокровище, о котором я могу только мечтать. Но я тебе не завидую. Я просто пытаюсь спасти твою гребанную жизнь! Постарайся не мешать этому, хорошо? Дай мне руку.

Король внимательно посмотрел на ученого — и выпустил меч из разжатых пальцев. Медленно, перебарывая себя, он потянулся вверх — и ухватился за протянутую руку.

Пришлось немного повозиться, но Килиан все-таки вытянул брата. И вот, наконец, тот встал на твердую крышу, глядя ему в лицо и все еще держа за руку.

— Отец любил твою мать, — сказал вдруг Амброус, — Действительно любил. Он любил Ванессу Реммен, а нам с матерью доставалась лишь его милость.

— Я не стану извиняться за это, — пожал плечами Килиан, — И в любом случае. Ильмадика никогда не дала бы тебе того, чего ты был лишен. Она использовала тебя, — как и меня.

Амброус, кажется, не слышал его.

— Отец любил ее... — продолжал он, — И тебя. Он любил тебя только за то, что ты был ее сыном.

— Брат, — мягко сказал ученый, — Отпусти мою руку.

— Отец любил тебя... — повторил Амброус.

И Килиан почти не удивился, когда его глаза полыхнули ненавистью.

— Так умри так же, как он!

Остатки накопленной силы он вложил в одно-единственное заклинание, и через сцепленные руки прошел колоссальной силы электрический разряд. Не отвести. Не заземлиться. Не выставить магнитный щит.

И все-таки Килиан был спокоен. Он не сомневался в своих силах. Хотя он так и не разобрался до конца в том заклинании, которым Ильмадика остановила его молнию во время схватки в Тюрьме Богов, он доверял тому, чему научила его Лана.

Разряд замедлился, неспособный преодолеть барьер сплетенных рук.

— Не пытайся, брат, — покачал головой ученый, — Сейчас я сильнее. Сдавайся. Пожалуйста.

Амброус весь побагровел от натуги. С искаженным лицом пытался он «подтолкнуть» заклинание, заставить его передавить волю новоявленного эжена.

И странное дело, чем больше он напрягался, тем проще было Килиану держать защиту. С каждым мгновением, как лицо короля превращалось в уродливую маску, ученый чувствовал себя все более... цельным.

Глядя на то, во что мог превратиться, он понимал, что сделал правильный выбор.

Боль от ломки по Ильмадике прошла.

— Она любит меня! — отчаянно закричал Амброус, — И видит Небо, я оправдаю Её любовь! Клянусь могилой отца, я отправлю тебя в Преисподнюю!

— Да не любит она тебя, — поморщился Килиан, — Ильмадика вообще неспособна любить. Она использовала тебя, как и всех нас. Каждый из нас думал, что его любят. Потому что тех, кто так считает, очень легко контролировать.

— Ты не заберешь Её у меня! — крикнул Амброус, — Если даже я умру сегодня, — я позабочусь, чтобы весь остаток своей жизни ты жалел об этом дне!

Он оглянулся в сторону края крыши, куда как раз закинули веревку. Армия повстанцев наконец-то поднималась к месту решающей битвы. Хади с ансаррами, Тэрл с кавалеристами... и Лана.

Амброус оглянулся на голос девушки, и жестокая улыбка озарила его лицо. В свободной руке мелькнула фосфорная граната — оружие, созданное когда-то для Идаволла самим Килианом.

— Ты пытался забрать мою любовь! — припечатал король, — А я заберу твою!

Волшебство откликнулось быстрее, чем разум успел осознать весь ужас происходящего. В мгновение ока сократился, сжался купол магического щита, надежно ограждая братьев от подоспевшего подкрепления.

Создавая барьер между Первым Адептом и девушкой.

Король улыбнулся: он знал, что это произойдет. Он ждал этого.

— Говоришь, она любит меня? — сбиваясь на истерический хохот, провозгласил он, — Так НАСЛАЖДАЙСЯ ЕЁ НЕНАВИСТЬЮ!!!

И с этими глазами он бросил гранату себе под ноги. Килиан все-таки разорвал контакт, бросаясь назад, спасаясь от опаляющего жара. Смех короля сменился адским криком, когда яркое пламя заживо пожирало его тело. Омерзительно запахло паленой плотью.

Килиан сидел прямо на крыше, больше не пытаясь спасти его. Не пытаясь помочь. Он

проиграл. В последнем мгновении король Амброус Первый все-таки увел у него победу. Сквозь густой дым, отблески огня и сияние магического барьера ученый смотрел в глаза Лане, поднявшейся на крышу.

И чувствовал воочию, как сбывается последнее проклятье Первого Адепта.

Глава 13. Слишком хрупкие сердца

Дальнейшее было делом техники. После гибели короля мало кто из городского гарнизона продолжил сражаться. Стража и дворцовая гвардия бросали оружие, сдаваясь на милость победителей; подчиненные чудовища впадали в ступор, лишившись объекта своей верности, не понимая, что им делать. К вечеру пришла весть о разгроме армий Идаволла на северных и восточных границах. Армии повстанцев и иллирийских союзников неумолимо шли к захваченной столице, и реального сопротивления им оказывалось все меньше.

Гражданская война приближалась к своему завершению. Скоро все произошедшее станет просто очередной парой дат в исторических хрониках. Событием, интересным только историкам.

Для всех, кроме тех, кто в этой войне кого-то или что-то потерял.

Управление городом временно взяли на себя Корбейн и Килиан. Тэрл, тяжело раненный в бою, был не в состоянии этим заниматься. И как бы командующий гвардии ни надеялся, что магия Ланы сможет спасти ему руку, но все было тщетно. Это слишком сложные чары. Исцелять без следа подобные раны, возвращать утраченные части тела было по силам разве что Владыкам.

Да и в целом, возможности чародейки были нынче совсем невелики. Хотя девушка изо всех сил старалась помочь как можно большему количеству раненых, смерть Амброуса сильно подкосила ее, и магия откликалась все слабее, если откликалась вообще. Даже простые раны требовали от нее колоссальных усилий и самоотдачи. В свободное же время Лана ни с кем не разговаривала; молча ходила по дворцу, как привидение, тихая и поникшая.

Когда Килиан попытался поговорить с ней наедине, она просто молча развернулась и ушла. Она не желала общаться с ним и выслушивать его неуклюжие оправдания. И он не мог ее в этом винить. Ведь какими бы ни были его оправдания, фактов они не меняют: он не смог сдержать своего обещания.

Ее презрение он полностью заслужил.

Все солдаты, которых удавалось поставить на ноги, распределялись между охраной дворца и обеспечением порядка на улицах, но людей все равно не хватало. Даже влившиеся в ряды патрулей остатки городской стражи мало спасали положение. Корбейн несколько раз просил Килиана воспользоваться промыванием мозгов, но ученый раз за разом отказывался. Его гениальное творение уже не казалось ему прекрасным, и обращаться к нему он собирался лишь в самом крайнем случае.

Нынешний случай таковым пока не был. Или по крайней мере, он надеялся, что не был. Или просто хотел убедить себя в этом?..

В первый же день после захвата города уличный патруль попал в засаду недобитых зомби. Без жертв обошлось только благодаря великолепной, отточенной реакции Хади: неутомимый легионер по собственной инициативе работал за двоих и даже за троих, отдыхая лишь несколько часов в сутки, и по-прежнему один стоил небольшого отряда. Когда патруль попал в засаду, он один положил шестерых еще до того, как остальные успели выхватить оружие.

Жители домов, сгоревших во время пожара, устраивались на ночлег к соседям, которым повезло больше. К удивлению Килиана, ночевать на улицах не приходилось почти никому: каждого кто-то да соглашался принять; родственники, друзья, церковники или просто

неравнодушные. Для ученого, никогда не отличавшегося особенно лестным мнением об обывателях и их готовности помогать друг другу, такая взаимовыручка казалась чем-то странным и необычным.

Но не сказать чтобы это не радовало. Одной головной болью меньше.

Появление банд мародеров, напротив, не радовало, но совершенно не удивило. То, что хаос и безвластие кто-то решит использовать, чтобы обогатить карман или выпустить на волю самые темные страсти, было как раз явлением вполне ожидаемым и привычным. Для наведения порядка на улицах на второй день после взятия города Корбейн отдал тяжелый, но необходимый приказ собрать все имеющиеся силы и прочесать город частым гребнем.

С теми, кто попадался на грабежах и насилии, расправлялись безжалостно, и все основные дороги вскоре «украсились» виселицами.

В назидание другим и как символ порядка.

К вечеру второго дня прибыла союзная армия из Иллирии. Жители столицы встречали ее без восторга: давний враг до сих пор воспринимался врагом, и само его присутствие порождало дополнительную напряженность. По первоначальному плану, иллирийские союзники вообще не должны были входить в город, пока леди Леинара не прибудет для официального принятия власти над Идаволлом и не объявит об окончании войны. Однако...

— Мне нелегко говорить о подобном, — заверил Килиан в приватной беседе, — Но нам необходима помощь. Мы не справляемся сами.

Габриэль Пламенный смотрел на него свысока, как всегда смотрят высокородные аристократы на выскочек и парвеню. Когда-то такой взгляд раздражал и обижал бастарда сильнее всего на свете. Сейчас...

Сейчас ему было откровенно не до того. Когда сталкиваешься с реальными проблемами, уязвленное эго отступает на второй план.

Да и честно говоря, когда ты уже двадцать шесть часов на ногах, до усталого мозга иногда попросту не доходит, на что нужно обижаться.

— В первую очередь нам нужны целители, — продолжил Килиан, — У нас слишком много раненых. Эжени Иоланта делает все, что в ее силах, но даже ей нужно когда-то отдыхать. Кроме того, нам не хватает людей в составе гарнизона: необходимо обеспечивать порядок на городских улицах и оборону от возможных недобитков королевских сил. Большая часть адептов покинула Полуостров, но я не могу дать гарантии, что услышав о падении столицы и смерти Первого, они не решат вернуться раньше времени.

— Вы вернулись бы, не выполнив приказ Владычицы? — осведомился Габриэль, чуть склонив голову набок и изучающе глядя на него.

Как-то так каверзно осведомился. Бывший адепт враз почувствовал, что в глазах эжени адепты бывшими не бывают. Что служение Ильмадике осталось на нем несмываемым клеймом.

Как и прозвище «Палача Неатира».

— Вернулся бы, — уверенно ответил ученый, — Если бы точно знал, что мое возвращение сможет переломить ситуацию. Поэтому нам необходимо укомплектовать гарнизон из союзных сил. Также нужно возвести над городом защитные чары, которые не позволят Ильмадике уничтожить нас колдовством.

— Я вижу, вы кое-что уже сделали, — заметил иллириец, прислушиваясь к незримому току магических энергий, с интересом изучая выверенную, упорядоченную структуру древних заклинаний.

Такую похожую на структуру заклинаний эжени и в то же время такую отличную от неё.

— Сделал, — подтвердил Килиан, — Я настроил с полторы дюжины триггеров вероятностей, дабы предотвратить, заблокировать или нейтрализовать некоторые наиболее очевидные варианты нападений с использованием магии адептов. Эпидемия, наводнение, землетрясение, пожар, метеоритный дождь, ураган, нашествие вредителей... В таком духе. Боюсь, что это все, что в моих силах. В сравнении с подлинными возможностями Владычицы Ильмадики мои потуги — сущая мелочь, плюнуть и растереть. Если Владычица решит задействовать все свои силы на разрушение города, остановить ее в одиночку я не смогу.

— Мои люди подумают, что можно сделать, — откликнулся Габриэль.

Впрочем, перспектива сражаться в магическом бою с божеством его явно не радовала.

— Благодарю, — ученый склонил голову, — Еще нам необходима помощь в восстановлении города. Я не надеюсь, что мы сможем полностью отстроить его к появлению маркизы, но...

— Королевы, — прервал его эжен, слушавший рассуждение без особого интереса.

— Что?..

— Леди Леинара, правительница Иллирии, приняла мудрое и взвешенное решение оставить себе титул Королевы-Регента Идаволла, правящей страной вплоть до совершеннолетия её сына, Короля Теодора Идаволльского, Первого своего имени. Обращайтесь к ней подобающе, барон Реммен, если не хотите лишиться головы.

— Передайте поздравления от моего имени, — склонил голову Килиан.

Он сам не мог понять, почему от этого известия чувствует разливающуюся внутри горечь и обиду. Как будто чувство несправедливости довлело над ним.

Как будто прислушавшись, бастард мог услышать отголосок бесстрастного голоса отца. Хотел бы отец, чтобы власть над страной взяла в свои руки Леинара, дочь Герцога Иллирийского? Если бы мертвые могли выбирать наследников, то кого бы он выбрал — её или его? Предпочел бы он отдать трон человеку от своей крови, или знать бы не желал плод незаконной связи? Был бы для него предпочтительным кандидатом его бастард или законорожденная чужеземка?

Впрочем, все это не имело совершенно никакого значения. Даже знай он ответ, Килиан не собирался претендовать на трон и дальше мутить воду.

Он просто хотел, чтобы эта война наконец закончилась.

— Коронация состоится здесь, в столице, — добавил Габриэль, — Ее Величество распорядилась, чтобы мы к ее прибытию восстановили дворец в достаточной степени, чтобы там можно было провести церемонию.

— Сгоревшие кварталы приоритетнее, — указал Килиан, — Людям негде жить.

Эжен покачал головой:

— Сейчас нет ничего важнее, чем коронация. Только официально взяв в руки власть над страной, Ее Величество сможет покончить с войной в стране. Поэтому восстановление городских строений пройдет по остаточному принципу. Первым делом — дворец.

Ну да, власть над страной важнее всего... для аристократов, по крайней мере.

— Займитесь хотя бы ранеными и защитой, — вздохнул ученый, понимая, что спорить бессмысленно.

Да и не было у него уже сил спорить. Сейчас ему сильнее всего хотелось хотя бы

поспать больше трех с половиной часов.

— Займемся. Не переживайте.

С того самого момента, как Амброус умер на ее глазах, Лана не находила себе места. Тщетно она пыталась забыться в работе, в помощи другим, тщетно напоминала себе обо всем, что Первый Адепт сделал чудовищного. Тщетно говорила, что он заслужил свою судьбу, что он сам её выбрал. Все равно в ушах стоял его предсмертный крик, исполненный адской боли и непередаваемой агонии. Все равно снова и снова в нос бил отвратительный запах горящего человеческого мяса.

Все равно перед ее глазами снова и снова умирал человек, которого она любила.

Могла ли она сделать что-то, чтобы все сложилось иначе? Она старалась не думать об этом, но только ничего у неё не получалось. Снова и снова чародейка пыталась напоминать себе, что не вправе брать на себя ответственность за судьбу другого человека. Что он сам выбрал свой путь. Что у него был шанс освободиться. Все равно...

«Может быть, я могла освободить его от Ильмадики?..»

«Может быть, осознай он в полной мере, что я люблю его, он бы не сделал последний шаг?..»

«Может быть, мне следовало позаботиться, чтобы в финальном бою с ним сражался не Кили, а кто-то другой?..»

«Может быть, мне следовало сражаться с ним самой?..»

«Может быть, я могла исцелить его?..»

«Может быть, я могла спасти его...»

Может быть, может быть...

Эти мысли сводили с ума. Рассудок рушился, ломался, как спелый плод, зажатый в грубом кулаке. Реальность плавилась и таяла перед глазами, как догорающая свеча. И помочь ей было решительно некому. Ни Бофор, ни Хади, — никто из них не понимал и даже, кажется, не хотел задумываться, что за тяжелый груз у нее на душе. Они праздновали долгожданную победу; враг убит, зло повержено, война окончена, — так о чем же тут можно плакать и горевать? Только Кили все-таки пытался несколько раз поговорить с ней. Пытался. Но вот только как раз его, именно его из всех людей, она в эти моменты хотела видеть меньше всего на свете.

Ведь как признаться ему в тех мыслях, что довлели над ней, что снова и снова врывались в её голову, как солдаты-завоеватели в разграбляемый город?

Как признаться, что в какие-то мгновения что-то в ней, какая-то темная часть, ненавистная и омерзительная ей самой, желала, чтобы победителем в их поединке остался Амброус? Считала, что смерть лучшего друга — достойная плата за жизнь мужчины, которого она любила, несмотря ни на что?

Если бы Килиан услышал ее мысли, он бы ни за что не простил ее.

Она сама бы себя не простила.

Впрочем, почему «бы»? Она не прощала себя. Подобное — нельзя простить. И каждое мгновение, когда появлялось свободное время, превращалось в пытку, мучение, наказание, которому она подвергала сама себя за собственные грешные мысли.

В ее собственный Ад.

Тэрл пересекся с ней в одном из коридоров дворца и немедленно попросил уделить ему

время для приватного разговора. Лана покорно согласилась, стараясь не смотреть на протез в виде крюка, ныне заменявший правую руку воина.

«Смотри», — будто говорило что-то внутри него, — «Это тоже твоя вина. Ты подвела его. Он так надеялся на твою помощь. Но твоя магия оказалась бессильна. Ты оказалась неспособна ему помочь. Ты оказалась бесполезна.»

«Он напрасно на тебя понадеялся.»

«Это твоя вина.»

«Ты заслуживаешь наказания.»

— О чем вы хотели со мной поговорить? — тихим, бесцветным голосом спросила Лана, садясь на кресло в кабинете.

Чей это был кабинет? Она не помнила. Да ей это и не было сейчас особенно интересно. Как будто детали окружения ускользали от ее восприятия. Просто какой-то кабинет.

Если бы кто-то спросил ее, она не смогла бы даже назвать цвет стен, даже сказать, сидела ли она в кресле, на стуле или прямо на полу. Это было ей совершенно несвойственно, но это было так. Все вокруг казалось каким-то мелким и неважным.

И то, о чем собирался говорить Тэрл, тоже.

— Эжени Иоланта. Ваш отец ведь рассказал вам о решении, принятом Советом?..

Решении, принятом Советом. Ему не требовалось что-то уточнять. Она понимала. Она прекрасно понимала, о чем речь.

«Отец рассказал вам о том, что вас банально продали?» — так звучало бы гораздо лучше. Почему он не сказал так? Зачем лгать, если от этого нет никакого толку?

Зачем лгать, когда оба знают правду?

Зачем?..

Лана молчала. Еще недавно тот, кто заикнулся бы о подобном, познал бы всю полноту ее гнева. За свою свободу чародейка готова была сражаться с яростью тысячи барсуков-медоедов. Но теперь...

Ей было практически все равно. Как будто что-то внутри нее сломалось, оборвалось, сгорело.

Как будто это все происходило не с ней.

Как будто ее там не было.

Говорят, что так иногда чувствуют себя жертвы изнасилования. Отрешение, защитная реакция психики. Её тело никто не трогал. Но груз вины и долга насиловал её душу.

— Эжени Иоланта Д'Исса, — командующий гвардией неловко опустился на колени, левой рукой доставая из-за пазухи кольцо, — Вы окажете мне честь выйти за меня замуж?..

Лана молчала. Когда-то, в далекой, невинной юности, она много фантазировала о том, каким будет этот момент, момент, который перевернет ее жизнь. И... он точно не должен был быть таким. Она верила, — тогда еще верила, — что ее женихом станет мужчина, которого она будет любить, и который будет любить ее.

Его предложение точно не должно было начинаться с разговора о «решении, принятом Советом».

— Я обещаю вам, что в случае согласия вы не пожалеете о своем решении, — продолжил Тэрл после паузы, — Наш брак укрепит стабильность единого государства и поможет спасти многие жизни.

Многие жизни. Конечно же. Жизни тысяч людей зависят от нее. Тысячи людей ждут, что она согласится. И никому, не единой живой душе не пришло в голову спросить, а чего

она сама хочет? Кому какое дело до ее чувств?

Чувства только мешают. Они неудобны, они глупы, они неуправляемы. Нужно уничтожить их, сжечь, похоронить. Только так... Только так будет лучше для всех. Для всех.

Лана все еще молчала. Она знала, что нужно ответить. Но никак не могла найти в себе силы сказать то, что должно.

Найти в себе силы предать саму себя.

— Эжени Иоланта... Лана, — кажется, отсутствие ответа понемногу начинало нервировать воина, — Это нужно не только стране. Это... нужно мне.

Он бросил взгляд на обрубок правой руки, и боль отразилась в его глазах. Боль человека, который жил войной и которому никогда больше не суждено взять в руки меч. Боль человека, потерявшего все. Боль человека, который отчаянно цепляется за последние остатки смысла жить.

— Я не знаю, справлюсь ли со всем этим. Помоги мне. Пожалуйста.

«Ты же не хочешь, чтобы на твоём счету была еще одна смерть» — слышалось в этих словах. Лана не хотела этого. Совсем не хотела. Только не снова. Не после Амброуса.

«А как же мои чувства?!» — обиженно возопила она внутри самой себя, — «Они совсем не имеют значения?!»

Но вслух она сказала совсем другое:

— Я согласна.

И почему-то подумалось ей в этот момент, что на эти слова Мир должен был отозваться раскатом грома.

Или похоронным звоном колоколов.

Прибытие леди Леинары было обставлено со всей помпой. Еще недавно над городом собирались неприятные серые тучи, но стараниями эжени они разошлись, открывая дорогу солнечным лучам. Ровно в полдень через распахнутые настежь ворота в столицу неторопливо въехала процессия всадников на белых лошадях и с лавровыми венками на головах. Дорогу перед ними устилали лепестки роз, бросаемые жителями. Приветственные крики раздавались со всех сторон, с подачи Элиаса устроили даже небольшой фейерверк. Не настолько, впрочем, яркий, чтобы увести внимание толпы от самих триумфаторов.

Плечи правительницы украшали позолоченные доспехи, придававшие ей величественный и в то же время воинственный вид. Ниже, однако, доспехов не было, вместо них струилось бесформенное, лишенное талии синее платье, немного скрадывавшее не воинственному округлившийся живот. В руках Леинара сжимала меч — роскошный, красивый, богато изукрашенный рубинами, сапфирами и изумрудами и, разумеется, не побывавший в реальном сражении ни разу за всю войну.

По правую руку от нее ехал граф Роган в алых шелках и без каких-либо доспехов, по левую господин Фирс, по такому случаю сменивший свой неприметный серый костюм на мрачный, но элегантный черный камзол, расшитый серебром. Позади них следовали и другие представители идаволльской и иллирийской знати, поддерживавшие в свое время восстание против власти короля. Был там и князь Альбаны, вовремя сообразивший, куда дует ветер, и поспешивший присягнуть Леинаре; и леди Селеста, принципиально отказавшаяся надевать вдовье покрывало в честь смерти Карно и в своем белом платье напоминавшая невесту.

Принимающую делегацию возглавлял Корбейн. Непривычно серьезный и суровый,

рыцарь сохранял определенную элегантность, сочетавшуюся с внушительностью. Залихватски закрученные усы, безупречный синий кавалерийский мундир, парадные золотые эполеты, — все это не позволяло и на секунду усомниться в том, что это воин, прошедший множество сражений и по праву принимающий поздравления с победой.

Эта репутация была более чем заслужена.

Сложно было сказать то же самое о разнаряженных придворных, кучковавшихся по правую руку от него и спешивших выразить заверения в том, что всегда были преданны только истинной королеве Идаволла и Иллирии, наместнице Истинного Бога на Земле. Сложись ход сражения иначе, и они точно так же спешили бы выразить, что всегда были преданны только Королю Амброусу и Владычице Ильмадике. Килиан уже знал, что после того, как Амброус отдал приказ поджечь город, во дворце произошел мятеж знати. И те, кто действительно пытался что-то изменить, были безжалостно уничтожены королем, так что даже тел не осталось. Аналогично, те, кто были ему по-настоящему преданны, полегли во время штурма дворца, с оружием в руках, как подобает мужчинам. А остались...

Крысы остались. Змеи. Тараканы. Копытающаяся масса омерзительных тварей, уже устремившихся к кормушке наперегонки друг с другом.

Не то чтобы это удивляло.

По левую руку от Корбейна выстроились участники штурма, и самое привелегированное место среди них заслуженно занимал Тэрл. Его увечье не скрывалось; напротив, оно подчеркивалось. Обрубок руки украшал серебряный крюк. Винно-красный мундир командующего гвардии пребывал в некотором беспорядке: сложно идеально ровно застегнуть все крючки одной рукой, а от помощи слуг Тэрл отказался наотрез. Воин ловил на себе сочувствующие взгляды, и было в нем что-то от тигра, заточенного в клетку, но в своей голове уже придумавшего, кого сожрет первым, если вдруг замок даст слабину. Он старался держаться спокойно и отвечать ровно, но исходящая от него сдерживаемая ярость ощущалась, казалось, физически. В какие-то моменты Килиану казалось, что соратник немного навеселе, — если, конечно, уместны слова с таким корнем для человека в столь мрачном настрое.

Пожалуй, единственной, от кого командующий гвардией принимал помощь, была Лана. Чародейка все время держалась рядом с Тэрлом, не отходя от него ни на шаг. Именно она перед церемонией привела крючки его мундира в относительный порядок. Сегодня она изменила своему обычному пристрастию к светлым и нежным тонам в одежде, вместо этого нарядившись в глухое черное платье с закрытым лифом и тяжеловесные золотые украшения. Украшения, среди которых Килиан заметил одно, при виде которого что-то внутри него оборвалось.

Украшавшее ее безымянный палец золотое помолвочное кольцо с традиционным для Идаволла кубиком красного яхонта.

Килиан не стал спрашивать об этом, не стал даже подходить. Он не имел на это права. Не теперь. Не после того, как он подвел её, предал её доверие. Может быть, если бы он смог спасти Амброуса... Если бы выполнил свое обещание... Может быть, тогда он и имел бы права спросить ее, почему? А может быть, и нет. Может быть, его глупая вера в их общее будущее, его мечты о том, что она ответит на его чувства, с самого начала были обречены. Килиан не знал ответа. Но в любом случае, чего он точно не собирался делать, так это досаждать ей своей ревностью и своей болью.

Лишь мысленно чародей сотворил самое могущественное из своих заклинаний, на какое

только был способен, наполнив его силой своего желания:

«Пусть все сложится так, чтобы Лана была счастлива. Сто процентов или цельная единица. Я так хочу.»

Сам Килиан, вместе с ансаррами, держался в некотором отдалении от остальных. По случаю предстоящей церемонии он переоделся в черный дублет, наподобие того, в котором некогда танцевал на балу, но все равно чувствовал себя чужим. Неуместным. «Ты стоишь с нами, но ты не один из нас», — говорил ему, казалось, каждый взгляд. Парадоксально, но придворные, во время решающего сражения тихо сидевшие и ждавшие, чем все закончится, казались имевшими большее право принимать участие в празднестве по случаю победы, чем его отряд, проливавший кровь в битве за город.

Ведь они не были чужаками и дикарями. Ведь их не возглавлял бастард и бывший адепт.

Ведь среди них не было печально известного Палача Неатира.

Две делегации встретились, и начался очередной спектакль, где все реплики были отрепетированы заранее. Килиан не вслушивался: ему это было мало интересно. Да и собственная его роль сводилась исключительно к роли декорации. Во время торжественных речей, которыми обменивались Леинара и Корбейн, его взгляд нет-нет, да и обращался к Лане.

Хоть он и запрещал себе думать об этом, но мозг все равно сверлила изнутри какая-то по-детски обиженная мысль:

«Почему? Почему все должно было случиться именно так?»

Наконец, ключи от города были торжественно переданы новой правительнице, и ворота дворца отворились, пропуская ее внутрь. Следом за ней пропустили и собравшихся зевак: не всех, конечно, но достаточно для официальной коронации. Прочие же собрались на дворцовой площади, лицезрея невиданное в этих местах чудо — иллюзию, с помощью которой Габриэль Пламенный транслировал то, что происходило в тронном зале.

Редкие шепотки про «богомерзкое колдовство» затихали среди голосов восхищения, распространявшихся подобно волнам от внедренных в толпу агентов Фирса.

Начальник разведки прекрасно умел манипулировать толпой. Если не знать изнанку, внутреннюю «кухню», то его работу очень легко было не заметить.

Намеренно или нет, но коронация Леинары являла собой полную противоположность коронации Амброуса. Амброус короновался на городской площади, Леинара же в тронном зале. Амброус преклонил колени, Леинара сидела на троне. Амброус был одет в демонстративно-скромное черное траурное одеяние, тогда как одежды и украшения Леинары поражали роскошью. И наоборот, Амброуса короновала Ильмадика, обряженная в белое с золотом, а Леинару — простой священник в немаркой черной мантии.

Единственным, что оставалось неизменным, был венец с красным яхонтом. И глядя, как стоявший за тронном священник возлагает его на голову маркизы, Килиан не мог отделаться от мысли, что какие-то месяцы назад это украшение блистало на голове Леандра Идаволльского.

На голове его отца.

— Жители Идаволла, — Леинара заговорила, и благодаря волшебству эжени ее голос разносился как над тронным залом, так и над городской площадью, — Я родилась не в этой стране, но сердцем своим я всегда была с вами. Вместе с вами я пережила беды и страдания последних месяцев. В руках Первого Адепта я подвергалась чудовищным истязаниям. Мой отец пал от его руки. В отличие от своего мужа, я понимаю ваши страдания и несу ваше

время вместе с вами. Я верую в Истинного Бога, и эта вера придает мне сил преодолеть все испытания в этот черный час! Я ношу под сердцем человека, объединяющего в себе кровь Герцогов Идаволла и Иллирии, и я верю, что именно ему, Теодору Первому, зачатому в ненависти и рожденному в любви, Первому Истинному Королю Идаволла и Иллирии суждено будет привести наши великие народы к процветанию! Я не буду врать вам, славные жители Идаволла. Нас ждут тяжелые дни. Культы Владык все еще не уничтожены и все еще угрожают нашим жизням, нашей свободе и нашей вере. Но сегодня мы показали, что их можно победить. Мы победили в этой войне. И мы выдержим все!

На пристрастный взгляд Килиана, речь была ниже среднего. Слишком много пафоса и давления на эмоции. Были у него и сомнения в том, насколько уместно называть «рожденным в любви» того, кто еще даже не родился: кто знает, как сложатся обстоятельства?.. Даже если предположить, что Леинара не врет, и ей действительно достало сил полюбить плод насилия, совершенного над ней.

К слову, фраза «Я не буду врать вам» из уст политика, на циничный взгляд ученого, должна была быть тревожным маркером сама по себе. Естественно, Леинара будет им врать. У нее, вообще-то, работа такая.

Наконец, очень неприятно ему стало от того, что нерожденного сына маркизы назвали первым королем Идаволла и Иллирии. Килиан ненавидел брата, но глупо было отрицать, что первым королем стал Амброус. Если же отрицать его право называться таковым, то права зваться королем автоматически лишается и его сын. Тут уж или одно, или другое.

Однако толпа в такие тонкости не вникала. Люди радостно приветствовали свою новую королеву-регента. Фирс дирижировал этим оркестром, певшим осанну правительнице-чужеземке. И вот, никто уже не сомневался, что Первого Адепта и Владык все ненавидели, и все были рады избавлению от их власти.

Хотя когда Амброус вступал на трон, его приветствовали ничуть не меньше.

Закончилась речь, и королева-регент плавно перешла к награждению героев, отличившихся в войне. Граф Роган. Граф Ольстен. Господин Фирс. Господин Компатир (кто это вообще? Килиан искренне не помнил; но говорят, он внес в победу неоценимый вклад). Большая часть регалий и наград, принятых при дворах Идаволла и Иллирии, была ученому совершенно незнакома, да и не слишком-то интересна, если по чести говорить. Как и тонкости политики, с которыми были связаны заслуги всех этих людей. Поэтому он быстро запутался в том, кого, за что и какой почетной медалью, орденом или звучным титулом наградили.

Постепенно, однако, дело доходило до более знакомых ему людей и событий.

— Господин Бофор.

Артиллерист вышел вперед, остановившись перед троном. Парадный мундир смотрелся на нем несколько неуместно; видно было, что крупный, грузный мужик чувствует себя довольно неуклюже. Да и к такому количеству устремленных на него взглядов он явно не привык.

— На протяжении войны вы не раз и не два демонстрировали честь и отвагу, достойную рыцаря, — продолжила Леинара, — Вы участвовали в походе в самые Земли Порчи и вернулись оттуда живым. Вы высоко отличились в битве, где был сражен предатель Маврон Карно, а графиня Селеста Карстмеер была освобождена. Сражаясь против превосходящих сил противника, в условиях, когда шансы на победу были призрачны, вы не допустили и мысли о том, чтобы бежать, бросив соратников на произвол судьбы.

— Это мой долг солдата, — скромно ответил Бофор.

Королева-регент медленно кивнула, принимая такой ответ, после чего коротко приказала:

— На колени.

После того, как артиллерист неловко опустился на колени, она неторопливо обнажила церемониальный меч. Лезвие едва заметно коснулось его правого плеча. Затем левого.

— В знак признания ваших заслуг, я посвящаю вас в рыцари. Вам и вашим детям даруются права безземельного дворянина. Отныне знать Идаволла и Иллирии будет принимать вас как равного. Помимо этого... графиня Карстмеер высоко отзывалась о вашей отваге. Она будет рада принять вас на службу.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — скромно ответил новоявленный рыцарь, поднимаясь.

Особых эмоций по поводу своего нового статуса он не выказал. Как и по поводу службы графине.

За Бофором последовал Корбейн. Этот, напротив, чувствовал себя, как рыба в воде. Рыцарь откровенно красовался и периодически подмигивал встречавшимся в толпе представительницам прекрасного пола.

Что-то было в его поведении такое живое, что вызвало у Леинары легкую улыбку.

— Сэр Корбейн. Ваша слава гремит на все королевство. На вашем счету многие победы. Вы проявили выдающуюся отвагу в сражениях с культом Владык, высоко отличились при осаде Стерейи и в битве на реке Кеф и даже приняли командование в решающей битве за столицу.

На этих словах Тэрл чуть поморщился. Слова королевы-регента стали для него лишним болезненным напоминанием о том, почему кавалеристу вообще пришлось принимать командование.

— Служить, Ваше Величество, не только честь для меня, но и удовольствие, — заверил Корбейн. В случаях, когда требовалось сказать даме что-нибудь приятное, кавалерист не терялся никогда.

Леинара кивнула:

— Мне всегда будут нужны такие достойные воины, как вы. В знак признания ваших заслуг я жалую вам пост командующего гвардией Идаволла, а также титул виконта.

Корбейн изящно поклонился:

— Благодарю, Ваше Величество. Не сомневайтесь, я оправдаю возложенное на меня доверие и буду служить вам верой и правдой, пока родовой клинок не выпадет из моих мертвых рук.

— Я полностью убеждена, что эти заслуги — не ваш предел, виконт, — заметила Леинара, — Ваше восхождение к славе еще только начинается. И рано или поздно я буду обращаться к вам «граф Корбейн».

После того, как Корбейн отошел, освободив место Элиасу, Тэрл нашел в себе силы сердечно поздравить давнего соратника с новой должностью и титулом. Однако не составляло труда увидеть, что настроение бывшего командующего гвардией испорчено окончательно и бесповоротно.

Хотя, казалось бы, и так всем было очевидно, что калека этот пост занимать не может.

Представ перед королевой-регентом, Элиас поклонился с холодным, спокойным достоинством. Забавно, но после всего произошедшего Килиан уже не видел в давнем

сопернике своего врага и не раздражался от того, что того сейчас будут осыпать милостями. Хотя и симпатии к сыну министра морских дел тоже не испытывал.

Дружбе между ними не бывать, но вот уважение вполне возможно. А это уже немало.

— Мэтр Ольстен, — начала Леинара, — Вы поддержали восстание в числе первых, продемонстрировав похвальную верность. Своими знаниями и умом вы составили достойную конкуренцию адептов Владык. Многие из ваших изобретений послужили нашему делу.

— Благодарю, Ваше Величество, — отстраненно, дежурным тоном ответил Элиас.

Для него это было естественно и обыденно.

— Своей королевской волей я включаю вас в правящий совет Университета Свободных Наук и ставлю во главе его. Руководите им мудро, и вместе мы приведем Идаволл к Золотому Веку Просвещения.

«Удачи», — невесело усмехнулся Килиан в своих мыслях.

Для Элиаса начинался очень увлекательный жизненный период. Ему придется приложить немало усилий, чтобы доказать старым, заслуженным и ужасно консервативным ученым, что он руководит ими по праву; что он заслужил это право не столько протекцией знати, но и собственными талантами. Но как ни странно, что-то подсказывало, что давний соперник прекрасно справится с этой задачей.

В конце концов, к подобным вещам аристократа готовили с детства.

А вот за Элиасом наконец-то последовал Тэрл. Воин шел тяжелым, чеканным шагом, и от него веяло мрачностью и безотчетной угрозой. Почувствовала это и Леинара, судя по тому, как поблекла ее улыбка. Тщетно она пыталась смотреть на него теплым, успокаивающим взглядом: Тэрл, казалось, просто этого не замечал.

Да и обстановка была, пожалуй, слишком официальной для настоящего душевного тепла.

— Сэр Адильс, — после небольшой паузы начала королева-регент, — Из всех героев этой войны твой вклад был, пожалуй, больше всех. Ты отважно сражался и мудро руководил. Ты принес нам величайшие наши победы. За окончание войны и свержение Первого Адепта ты заплатил своей рукой, и я ценю эту жертву.

Кажется, под эту речь бывший командующий гвардией слегка расслабился. Или скорее — сделал вид.

Он ведь, наверное, понимал, что Леинаре тоже непросто.

— Искалеченный коварным врагом, ты больше не сможешь служить нашей стране как воин. Но подвигов, совершенных тобой за долгие годы безупречной службы, Идаволл не забудет никогда. Отныне и навеки ты и твои потомки будете носить графский титул. Своей властью королевы-регента я утверждаю тебя во владении провинцией Миссена, отданной тебе моим предшественником, Герцогом Леандром Идаволльским...

Снова это «предшественником»... как будто признать, что между Леандром и Леинарой страной правил Амброус, значит, призвать его обратно на трон.

Как будто это значит — воскресить его из мертвых.

— ...и на все время твоей жизни, а также десять лет после твоей смерти, эта провинция полностью освобождается от налогов в государственную казну.

Среди дворян после этого заявления воцарилась тишина, множество завистливых взглядов устремилось на Тэрла. Даже безотносительно графского титула, это была невероятно щедрая королевская милость, о которой большинство феодалов могли только

мечтать. Фактически, это значило, что он мог не бояться, что его новоявленное графство обеднеет, даже если доверит управленческие дела обезьяне.

Но сам Тэрл счастливым от этого не выглядел.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — с холодной вежливостью поклонился он. Без особой благодарности в голосе. Даже, пожалуй, с какой-то скрытой враждебностью.

Не укрылась эта реакция и от Леинары. На секунду на лице королевы-регента мелькнуло замешательство и растерянность; она явно не ожидала такого и не знала, как реагировать.

— Граф Адильс, — осторожно сказала она, — Есть еще какая-то награда за принесенные вами жертвы, о которой вы хотели бы попросить?

Тэрл вздохнул:

— Ваше Величество, я прошу вас лишь об одном. Благословить мой брак с эжени Иолантой Д'Иссой.

По знаку королевы чародейка подошла к ним. Молчаливая, печальная, одетая в черное, она неуловимо напоминала привидение.

— Лана, — она оказалась единственной, к кому королева обратилась по имени, — Ты была моей лучшей подругой долгие годы. Именно ты спасла меня от того чудовища, что звалось моим мужем. Я обязана тебе практически всем. Жизнью, честью, свободой и собственной личностью. Если есть хоть что-то, чего ты желаешь, только скажи, и получишь это.

— Благодарю, Ваше Величество, — тихим, бесцветным голосом ответила чародейка, — Мне ничего не нужно.

— И все-таки я настаиваю, — ответила королева-регент, — Назови любую милость, какой ты хочешь.

«Да оставь ты ее в покое!» — возмутился мысленно Килиан.

Неужели эта «подруга» не видит, насколько тяжело дается Лане ответ на ее требования?.. Даже он это видел, хотя, казалось бы, чувства людей всегда были для него закрытой книгой.

— У меня нет желаний, — ответила Лана, — По крайней мере, сейчас нет. Может быть, я попрошу о чем-то впоследствии. Но сейчас все, чего я хочу, это забыть кошмары, которые мне пришлось видеть и через которые пришлось пройти. Я хочу забыть эту войну.

Ее голос дрогнул, а лицо болезненно сморщилось. Но плакать при свидетелях чародейка себе не позволила.

Леинара медленно кивнула.

— Пусть будет так. В Миссене ты сможешь забыть обо всем, что пережила. Граф Адильс. Я поручаю тебе заботиться о твоей супруге и беречь ее. Я благословляю этот брак.

И почему-то для Килиана эти слова прозвучали как приговор.

Несомненно, он не ждал, что сейчас королева-регент воспротивится решению, закатит сцену ревности и потребует от Тэрла принести обет безбрачия, а от Ланы — немедленно выйти замуж за него. И все равно, к моменту, когда решение о браке окончательно было утверждено, ученый оказался совершенно не готов.

Настолько, что лишь со второго раза услышал, что следующим подзывают его.

Слегка смешавшись, ученый едва не перешел на бег. Тем не менее, к моменту, когда он приблизился к королеве-регенту, ему удалось восстановить самообладание и, по крайней мере он на это надеялся, держаться с подобающим достоинством, хотя бы внешним.

— Барон Килиан Реммен, — медленно, будто пробуя эти слова на вкус, протянула Леинара, — Прозванный Палачом Неатира.

Килиан кивнул, не желая спорить о том, имело ли смысл упоминать здесь эту дурацкую кличку.

А королева, между тем, продолжала:

— Ваши деяния делают вас другом, хоть я и никогда не смогу забыть всего того, что вы совершили на службе нашему врагу. И все же, вам хватило чести обернуться против культа Владык, и ваши знания, ваши идеи и ваша отвага принесли нам немало пользы.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — скромно ответил Килиан.

Что еще было сказать?.. С отцом оно как-то проще было.

— В знак признательности к вашим заслугам, — продолжала она, — Я властью королевы-регента утверждаю вас в статусе барона, пожалованном вам моим супругом. Однако я не могу утвердить вас во владении Неатиром.

«Не хотите, чтобы говорили, что вы поставили там Палача?» — чуть не спросил Килиан. Однако усилием воли удержался.

Такими темпами еще немного, и он совсем отучится язвить и выпендриваться, когда не нужно.

Страшная перспектива.

— Тем не менее, — не останавливалась Леинара, — Я ознакомилась с вашими выкладками по поводу возможности очищения земель от Порчи. Если вам действительно удастся сделать это, это послужит и нашему королевству, и всему человечеству. Посему, властью королевы-регента я объявляю территории, что вам удастся очистить от Порчи в ближайшие пять лет, территорией нового баронства Реммен, а всех поселенцев, что обоснуются там, вашими подданными. Кроме того, в течение десяти лет баронство Реммен будет платить лишь две трети налогов в государственную казну.

Собравшиеся, большинство из которых об исследованиях Килиана не знали ничего, с интересом прислушивались. Сам Килиан реагировал спокойно. Он уже говорил об этом с Леинарой до похода на столицу и не сомневался, что королева-регент оценит по достоинству перспективы расширения своего королевства на север.

Там, на территории нынешних земель Порчи, он собирался исполнить свое обещание и дать ансаррам новый дом. И там же он хотел построить новые, прекрасные города.

Вот только Килиан хотел отправиться туда вместе с Ланой. Он хотел творить вместе с ней. В едином потоке, в единой симфонии двух сердец. Теперь же...

Он подвел ее. И недостойн претендовать на то, чтобы быть рядом с ней. Она же — выходила замуж и уезжала в Миссену. В Миссену, где она будет графиней, который уж точно не нужен Палач Неатира, мужчина, неспособный даже сдержать самонадеянное обещание.

Его дорога лежала на север, её же на юг. И он мог лишь надеяться на то, что однажды Судьба все-таки сведет их вновь.

Это страшно.

Страшно однажды обнаружить, что все, чем ты был, все, что придавало смысл твоему существованию, — обратилось в дым.

Как жить дальше?

Тэрл никогда бы не подумал, что однажды ему придется задаться таким вопросом. О таких вещах рассуждали философы, драматические герои и романтические юнцы. Мужчины

не задаются такими вопросами, они просто делают свое дело. Им некогда философствовать.

Значит ли это, что он больше не был мужчиной?..

Всю свою жизнь Тэрл знал, что ему не суждено дожить до старости. Что рано или поздно он погибнет в бою. Просто однажды кто-то из противников окажется сильнее, быстрее, умнее или просто удачливее. Непобедимых нет. Рано или поздно проигрывает каждый.

Но не так же! Только не так! Быть разгромленным, погибнуть, — но не стать беспомощным калекой!

Треснул стол под ударом могучего кулака. Бессмысленно. Как же все это бессмысленно! Больше никогда не суждено ему сразиться с настоящим врагом. Вымещать бесполезный гнев на предметах мебели — это все, на что теперь годится его сила. Все, что он теперь может.

Да еще эта королева, будь она неладна... Если бы Тэрлу пришлось самому заботиться о пропитании, он бы, наверное, нашел выход. Он сам не знал, какой именно, но если припрет, человек и не на такое способен. Но своими «милостями» Леинара по сути сказала: «Живи, доживай свой век в мире и покое, в сытости и довольстве, сладко почивая на лаврах, как мечта стадного скота».

Для воина и мужчины нет худшего унижения.

Все вокруг относились к нему с уважением. Воздавали ему почести. Но эти почести не вернут ему руку. Они ничего не сделают с тем, что путь воина для него закрыт навсегда и навеки.

А другого пути Тэрл не знал и не желал знать. Он не видел себя ни купцом, ни царедворцем, ни иным паразитом. Королева-регент озадачила его строевой подготовкой солдат в армии Миссены, но оба прекрасно знали, что это лишь иллюзия. Иллюзия его полезности.

Ведь с этим справился бы любой толковый сержант. Для этого не нужен был герой многих кампаний.

Для этого не нужен был Тэрл Адильс.

Свадьба прошла тихо и буднично. Формальный обряд. Формальный праздник. Даже первая брачная ночь стала лишь отдачей супружеского долга — с обеих сторон. Может быть, потому что без руки его ласки стали неловкими и неуклюжими.

А может, потому что каждый из них по-прежнему мыслями витал среди собственных трагедий.

Какая-то часть его вспоминала, что говорил лорд Грегор о силах эжени, и несмотря ни на что, надеялась, что став его женой, Лана сможет больше. Что для своего мужа она все-таки сможет сотворить чудо. Но разумом Тэрл понимал, что это глупость.

Чудес не бывает.

Естественно, разум в очередной раз оказался прав. Брак с ним не сделал чародейку сильнее; наоборот, она все реже обращалась к магии. И в каком-то смысле Тэрл был даже по-своему рад этому.

За время войны магии и черного колдовства он навидался вдоволь. И всей душой хотел, чтобы Лана, его супруга, была от этого дерьма как можно дальше. Он хотел спасти её. Пусть навсегда забудет про черное колдовство: оно ей больше не нужно. Колдовство не исцеляет и не помогает, оно не делает жизнь людей лучше. Все, что оно приносит, это горе, раздоры, ужас и смерть. Оно делает людей беспомощными перед волей чудовищ в человеческом обличье.

Так что пусть Лана держится от него подальше. Пусть живет тихой мирной жизнью благородной идаволльской леди, графини Миссенской. По крайней мере, это ей Тэрл, даже будучи калекой, дать все еще мог. И когда она поймет это, то будет ему искренне благодарна.

Это придавало его жизни смысл.

Последняя мысль заставила его запнуться. Действительно? Придавало смысл? Он жил... Ради этого?

Мысли путались. Наверное, последняя бутылка вина все-таки была лишней. Никогда раньше Тэрл не пил так много: военное дело требовало ясной головы, и даже на праздниках он не позволял себе напиваться. Но что толку от ясной головы, если нет руки, воплощающей ее идеи?

Что толку теперь от его головы, когда нет смысла жить?

— Неужели Лана — это все, ради чего я живу?

Бывший командующий гвардией не знал ответа на этот вопрос. Он не знал, действительно ли чародейка незаметно для него стала занимать его мысли настолько, чтобы ради нее, ради того, чтобы дать ей спокойную жизнь, стоило продолжать жить самому.

Но другого смысла он не находил. Утопающий хватается за любую соломинку, которая позволит ему чуть дольше чувствовать себя живым.

Выскользнул из пальцев, разбиваясь, бокал с вином. Тэрл тихо выругался. Сколь многие вещи теперь придется учиться делать заново. Сколь многое он совершенно не привык делать левой рукой. Хорошо хоть Лана помогала...

Не будь ее, он давно уже отметил бы победу праздничным салютом в висок.

— Еще вина! — гаркнул прислуге бывший воин.

И словно в насмешку, командный голос получался у него, как встарь.

Лана стояла у окна и наблюдала, как «Искренний» готовится к отлету.

С того момента, как Лейла вошла в столицу, ансаррам и лично Килиану все чаще и все прозрачнее стали намекать на то, что они здесь не вполне уместны. Контроль над столицей прочно взяли в свои руки гвардия и дружины знати Идаволла и Иллирии, и непонятные коричневые чужаки все больше становились для них раздражающим бельмом в глазу. Понимал это и Килиан. И не стал с этим спорить.

Как и некогда из поместья дома Д'Исса, дирижабль улетал рано утром, пока дворец спал, и не было лишних зевак, плетущих досужие сплетни. Последние сборы перед отлетом почти завершились. Все повреждения были устранены, баллон под завязку наполнен гелием, и сейчас завершалась погрузка припасов и материалов, которые пригодятся на заре существования нового поселения.

Сборы подходили к концу, и чем дальше, тем больше Килиан затягивал их. Он оглядывался, как будто выискивал что-то.

Выискивал и не находил.

В очередной раз Лана подумала, что, наверное, должна сейчас выйти и попрощаться с ним. И в очередной раз — не смогла заставить себя это сделать. Слишком отчетливо, слишком болезненно она чувствовала, что если выйдет, то попросит взять ее с собой. Слишком сильным окажется желание вновь творить. Настолько сильным, что просто не сможет она не дать ему волю.

А этого нельзя было делать. С какой стороны ни посмотри, — нельзя.

У нее были обязательства перед мужем и перед своей страной.

У нее не было права быть рядом с ним — после тех мыслей, что посещали ее из-за смерти Амброуса. Сейчас все ее внимание уходило на то, чтобы не позволить этим мыслям возыметь магическую силу.

Несмотря ни на что, большая часть ее не желала зла Кили.

Единственной, кому Лана сейчас желала зла... была она сама.

В десятый раз ансарры под предводительством Джамиля перепроверили весь груз, все припасы и материалы, подготовленные для будущего первого поселения в баронстве Реммен. Помимо них и самого Килиана, там были также служанка Кет и отец-исповедник, чьего имени Лана так и не знала. Простую прислугу Кили не брал с собой, но этим двоим после его экспериментов было, пожалуй, проще рядом с хозяином.

Странное дело, эта мысль не вызывала совершенно никаких эмоций.

Да и в целом, практически все, что сейчас происходило, Лана воспринимала отстраненно. Даже первую брачную ночь она пережила, как под наркозом, подобно заводной кукле двигаясь, «как положено». Как будто все, что происходило с ее телом, — это не заслуживающие внимания мелочи в сравнении с тем Адом бессмысленных сожалений, через который бесконечно проходила её душа.

Все сборы завершились, и дирижабль тяжело поднялся в воздух. Как и прежде, один из пропеллеров вращали ансарры за счет педального механизма, другой — Килиан с помощью колдовства. Ученый не пытался обратиться к магии Сердца, как будто уроки Ланы выветрились у него из памяти; всю энергию он получал, уничтожая материальные ресурсы.

Может быть, потому что в глубине души он знал, что ему не следует уезжать?..

Дирижабль поднялся на уровень окна. В последний раз оглядел чародей королевский дворец Идаволла. Каким-то шестым, восьмым, десятым чувством он нашел то окно, из-за которого выглядывала Лана. На доли секунды их глаза встретились.

«Спаси меня!» — хотела отчаянно выкрикнуть чародейка в тот момент, — «Освободи!»

На какие-то считанные доли мгновений спали с нее цепи долга. С пугающей, болезненной отчетливостью Лана поняла, что не хочет ни оставаться здесь, ни тем более ехать в Миссену. Это все — не ее путь.

Она даже открыла было рот, чтобы сказать что-то, крикнуть, — но в следующий момент ощущение пропало, а с ними и силы на порыв. Снова навалились, подобно тоннам камней, обязательства. Долг. Чувство вины. Понимание, насколько глупы и эгоистичны её желания.

Нет. Она не может отправиться на север. Тысячи людей надеются, что она исполнит договор до конца.

Нет. Она не может отправиться на север. Она несет вину за свои мысли, и ее вина заслуживает наказания.

Нет. Она не может отправиться на север. Она теперь супруга графа. Она больше не свободна.

С отчаянной мольбой чародейка смотрела на друга, чей путь медленно, но верно расходился с ее путем. Если бы он сейчас предложил ей отправиться с ним... Возможно, ей не хватило бы сил сопротивляться. Возможно, что ей пришлось бы подчиниться. Возможно, она бы даже позволила себя похитить. Отчаянная сделка с собственной совестью, с чувством долга, не оставлявшим места для счастья.

Но он не понял просьбы ее глаз. Дирижабль удалялся в сторону земель Порчи. И Иоланта, графиня Миссены, скорее почувствовала, чем услышала печальные слова старого

друга:

— Прощай, Лана. Или все-таки...

Она уже не могла никак слышать, что он говорит. Слишком далеко уже улетел дирижабль. И все-таки ветер донес до нее отголосок слов:

— Или все-таки — до встречи.

Все-таки — до встречи.

Всего за несколько дней бывшая Тюрьма Богов превратилась в великолепный дворец. Ильмадика не знала, сколько времени ей придется укрываться здесь, и отнюдь не горела желанием все это время спать на железе. Поэтому по ее желанию адепты прочесали город, принося в замок все, что может помочь обеспечить комфорт Владычицы. Она же придала тому, что получилось, единый вид. Где сквозь роскошь проглядывал образ тюрьмы, прекрасно помогала иллюзия.

Известие о смерти Амброуса Владычица восприняла без особого интереса. Она знала, что скоро так случится. Она знала, что Первый Адепт близок к тому, чтобы выработать свой потенциал, и научила его брать силу из живых существ единственно затем, чтобы он смог принести максимум пользы перед своей смертью.

Она жалела лишь о том, что так и не успела подготовить ему замену. Жаль, что Матеаса убили: из тех, кто пошел ей на службу после предательства Килиана, он был, пожалуй, лучшим.

Остались в основном юнцы, непризнанные гении, обиженные жизнью неудачники. По-настоящему перспективных среди них было совсем немного, но они все-таки были. Именно такой человек, — умный, смелый, самоотверженный, — и должен был стать ее новым Первым Адептом.

Но разумеется, каждый из них должен считать, что именно он достоин этого больше всего на свете.

Ныне к покоям Владычицы вела красная ковровая дорожка, по которой в настоящий момент решительно шагал человек. Молодой, светлоглазый шатен, неудачливый ученик одного из иллирийских эжени. Когда-то он присоединился к числу адептов Ильмадики в надежде, что она поможет ему стать тем великим магом, каким он не смог стать своими силами, но, увы, на практике единственным, чем он отличился, оказалось умение делать массаж.

Каково же было ее удивление, когда именно этот человек оказался одним из немногих, вернувшихся из первой экспедиции к тайным лабораториям мистера Зеро и его повстанцев. Четверо более опытных и талантливых магов, не говоря уж о бесчисленном количестве простых солдат, сложили головы в схватке с уцелевшими защитными механизмами базы «Иерихон». А этот мальчишка вернулся.

Более того, вернулся с победой.

Войдя в покои, адепт педантично закрыл за собой дверь. Посмотрел на Владычицу. Улыбнулся гордой, мальчишеской улыбкой. А затем опустился на колени, протягивая ей небольшой сверток ткани.

Против своей воли Ильмадика задрожала, извлекая на свет Свой принесенную вещицу. Время практически не отразилось на разработке повстанцев, созданной по её советам для уничтожения её врагов. Устройство напоминало небольшую, с рукоять меча, металлическую палочку, усеянную разноцветными лампочками и кнопками. Денеярализатор. Или, в

просторечии, Стиратель. Устройство, напрямую уничтожавшее информацию, записанную в человеческий мозг.

Использующее практически единственную уязвимость, которой все еще обладали Владыки. Уязвимость разума, который слишком изменчив, чтобы его можно было защитить регенерацией.

С его помощью саму Ильмадику можно было лишить памяти о ее могуществе. Вернуть туда, откуда она начинала. Вновь превратить в ту игрушку для сильных мира сего, какой она была когда-то, до того, как сумела, лавируя между этими самодовольными уродами, буквально прогрызть себе путь наверх, заслужить себе место в ряду равных.

От этой мысли рука Владычицы сжалась до побелевших костяшек, круша серебристый металл в кулаке.

Никогда.

Больше никогда!

Короткое заклинание, и в ее ладонях зажглось фиолетовое высокотемпературное пламя. Бесценное, единственное в своем роде устройство Дозакатных, единственный созданный прототип денейрализатора плавился, превращаясь в аморфный ком серебристого металла.

Этого ей было мало. Никогда. Никогда она больше не будет слабой! Никогда не будет униженной!

Никогда!

Закончив плавить Стиратель, Ильмадика сотворила заклятье ядерного распада, — или Повышения, как стали называть это после Заката. Каждый атом металла разделялся и пересобирался заново, образуя атомы более легких элементов и отдавая ей энергию. А затем снова. И снова. И снова.

В получившейся технециевой пыли уже никто не опознал бы техническое средство. Ссыпав «продукт» в коробочку, Владычица наконец-то обратилась к своему адепту:

— Твоя отвага и смекалка заслуживают высшей награды. Никто до тебя не оправдывал мои ожидания так, как ты. Я думала, что я одна против всех, но теперь, благодаря тебе, я действительно понимаю, что это не так. Благодаря тебе надежда во мне воскресла. Ты оказался настолько хорошим союзником, что я даже рассчитывать на такое не могла. Я очень рада, что ты со мной.

От этих слов адепт прямо-таки воспрял духом. Как же это смешно и нелепо... На них на всех действуют абсолютно одинаковые слова. И при этом каждый мнит себя уникальным. Единственным. Неповторимым.

Самцы, что тут еще сказать. Хотя положила руку на сердце, Эрвин отличалась не так уж сильно. Возможно, что «самец» — это не столько характеристика хромосомного набора, сколько состояние души.

— Но все-таки скажи... Мой Первый Адепт, — продолжила Ильмадика, пропустив в голос подобающее предыхание, выдававшее восхищение, — Ты уничтожил все носители информации в лаборатории, как я просила?

Иллириец закивал в ответ:

— После того, как устройство оказалось в наших руках, я установил взрывное устройство на хранилище «Иерихона». В числе прочего его создатели занимались изготовлением вакуумных бомб, поэтому взрыва оказалось достаточно, чтобы не оставить от базы даже пыли.

Владычица кивнула. Вакуумные бомбы она не любила. Ее однажды, еще во времена

Заката, пытались убить с их помощью. Девять штук сбросили. Разнесли её любимый дворец вместе с ближайшим городом. А у нее самой после них остался совершенно гадостный вкус во рту.

— Прекрасно, — серьезно сказала она, — Ты не представляешь себе, как я рада этому. Ты... действительно обезопасил меня от врагов. Ты спас меня. Спасибо тебе.

Главным же в ее действиях был язык тела. Мягкие движения, выдающие уязвимость. Уязвимость, податливость. Потребность в защите и обещание награды.

Все то, что заставляет мужской разум отключиться под влиянием гормонов. Все то, что превращает мужчину в раба.

— Но я хотела бы еще кое-о чем спросить. Ты говорил с кем-нибудь о том, что нашел в «Иерихоне»?..

Адепт покачал головой, не отрываясь глядя на свою прекрасную и совершенную Владычицу.

На свою мечту.

И не понимая, к чему она об этом спрашивает.

— Нет, Госпожа. Весть о падении столицы и смерти Его Величества настигла меня в пути. Узнав об этом, я немедленно изменил курс, двинувшись в сторону Гмундна. Прибыв, я сразу же отправился к тебе.

— Я рада, — горячо заверила Ильмадика, — Действительно рада... Мой Первый Адепт.

Придвинувшись к юноше, богиня осторожно, несмело поцеловала его в губы. Ничто в ее действиях не оставляло сомнений, что он первый мужчина за много веков (если не за всю жизнь), кого она так целует. От каждого ее движения веяло трогательной незащищенностью; она призывала его взять инициативу в свои руки.

И он откликнулся. Подавшись вперед, адепт поцеловал ее — неумело, неопытно, но при этом мягко, бережно, как только и целует мужчина любовь всей своей жизни. Его руки легли, может неосознанно, ей на плечи, поглаживая ее, лаская, обнимая. Она не препятствовала ему; его прикосновения были ей вполне приятны, да и он заслужил это удовольствие.

Последнее удовольствие в его жизни.

Адепт что-то невнятно булькнул, когда почувствовал магию, которую Владычица направила в его тело. Его лицо исказилось ужасом и болью, но сделать он ничего уже не мог.

Его тело начало распадаться.

Ильмадика отстранилась от него, и больше никакой любви и нежности не отражалось в ее глазах. В прозрении смерти ее адепт видел, чем он был для нее на самом деле.

Ресурсом. Батарейкой.

— Никто и никогда не узнает, нашли ли мы Стиратель, — отчеканила Ильмадика, безразлично глядя на умирающего прислужника, — Никто и никогда не узнает, как его создать. Никто и никогда не узнает, как победить меня.

Она блаженно зажмурилась, впитывая огромное количество энергии, выработавшейся при распаде белка. Затем, снова открыв глаза, поморщилась: полуорганический суп, оставшийся от адепта, изрядно испортил ей ковер.

Впрочем, раздражение ее длилось недолго. Оставшиеся адепты с удовольствием все вычистят.

А им она скажет, что он хотел ее изнасиловать. Они поверят.

В конце концов, все равно каждого из них наверняка хоть раз, хотя бы в самые темные часы, посещали такие желания. Мужчины — они все одинаковы.

Подчас разница между тем, что они любят, и тем, что они разрушают, лишь в том, способно ли это дать им отпор.

Отдав своим слугам необходимые распоряжения и накинув на плечи широкий белоснежный плащ, расшитый золотом, Ильмадика вышла из покоев. Она направилась к дверям тюрьмы, — все-таки тюрьмы.

Как бы она ни пыталась превратить это место в свой дворец, оно все равно оставалось её тюрьмой.

Во дворе тюрьмы уже строилась ее армия. Пока небольшая: в Гмундн она взяла с собой мало солдат и еще меньше адептов. Большая часть сил осталась у Амброуса или отправилась в экспедиции, две из которых еще не вернулись. Наверное, даже у многих графов и баронов Идаволла армии были многочисленнее, чем у неё сейчас. Но оснащение, техническое превосходство компенсировало все.

В последние дни адепты под руководством Владычицы приводили в чувство производственные мощности города. Разумеется, большая часть оборудования не пережила прошедших тысячелетий. Но все-таки, хватало среди Дозакатной техники и того, что строилось на века, а кое-что из деталей удалось заменить современными аналогами, слегка усовершенствованными с помощью магии.

И вот, со скрипом, тяжело, но древние автоматизированные заводы заработали вновь. Танки, боевые роботы, дальнобойные орудия, высокотехнологичное снаряжение, превосходящее даже то, что дал своему Халифату Лефевр. Авиации разве что не было: все-таки определенный предел был даже тому, что можно воссоздать с помощью магии Владык. По крайней мере, в имеющиеся сроки.

Впрочем, решение проблемы с отсутствием авиации у Ильмадики уже было наготове. Кириан, по сути, подсказал ей его — еще тогда, когда помогал ей вернуться в мир. А Иоланта дополнила, наведя ее на самый совершенный, самый бесценный козырь.

На козырь, который с легкостью решит все ее проблемы, превратив горстку беглецов в величайшую силу нового мира.

Жаль, очень жаль, что у нее нет возможности полноценно отстроиться. Падение столицы и смерть Амброуса стали сильным ударом по ее авторитету. Сейчас боевой дух адептов на высоте. Они жаждут мести, жаждут реванша. Но если не утолить их жажду, то со временем они начнут роптать. Войско начнет распадаться, когда ненависть перегорит.

Даже ее возможности все-таки не всесильны. Пока.

— Отправьте лучших следопытов, — приказала Владычица, — Я дам им защиту от Порчи. После чего они должны найти самый удобный путь к тому месту, где погиб этот дурак Маврон Карно. Необходимо быстро и незаметно перебросить туда войска. Для начала — артиллерию. Выстройте плацдарм и наладьте пути сообщения, по которым туда будут поступать свежие силы из Гмундна.

Именно отсюда начнется ее новый победоносный поход.

Именно отсюда начнется возрождения Ордена Ильмадики.

Единственного Истинного Бога.

А те глупцы с Полуострова, кто отверг ее... горько об этом пожалеют. Возмездие грядет, и оно неизбежно. Боги жаждут.

Впрочем, сперва она собиралась отомстить лишь одному человеку. Бывшему ее верному

прислужнику, столь подло предавшему ее. Тому, кто обратил ее дары против нее же. Кто вернулся после предательства, вместо того, чтобы залезть в самую глубокую дыру и там тихо сдохнуть, и кто доставил ей столько хлопот своими действиями.

Кому она была обязана этим поражением и потерей Идаволла. Чье имя вызывало в ней неудержимую ярость.

Ильмадика вернулась в свои покои; она совсем не желала, чтобы кто-то, пусть даже из самых преданных адептов, был рядом, когда она выпадет из реальности. Слишком рискованно показывать, что когда-то даже она бывает уязвима. Развалившись в кресле, она потянулась разумом к разуму своего бывшего адепта. Слегка усмехнулась, ощутив, как он испуганно сжался: он не ждал ее. Он думал, что свободен от нее. Но ее связь со своими адептами была нерушима. Наивные попытки выставить защиту, закрыться, вытурить постороннего из собственной головы не задержали её дольше, чем на пару секунд.

Воле Владык противостоять невозможно. Глуп тот, кто пытается. Ну, если это не другой Владыка, разумеется.

— Здравствуй, Килиан. Давно не виделись. Соскучился по мне?

Она огляделась, разглядывая многочисленные трещины в кристалльном гроте, что был субреальностью его сознания. Их было даже больше, чем она ожидала. Да уж, жалок тот, кто предал Бога своего. Жалок тот, кто предал ее.

И этот человек победил Амброуса? Эта ментальная развалина? Идаволльский король сильно упал в её глазах.

— Я же говорила тебе. Я ведь предупреждала. Приняв мой дар, ты связал свою судьбу с моей. Ты мой. И этого не изменишь. Никогда. А сейчас...

Ильмадика улыбнулась. Широкой, многообещающей акульей улыбкой. Улыбкой, предвещающей неотвратимые муки Ада.

— Ты заплатишь за свою глупость. За свое предательство ты будешь страдать — многие вечности. И лишь когда мне надоест, я позволю тебе умереть.

И первый удар обрушился на кристаллы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net